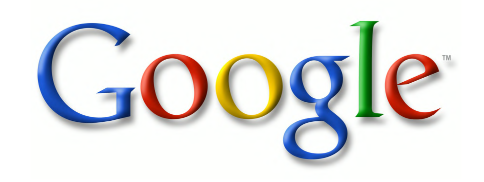
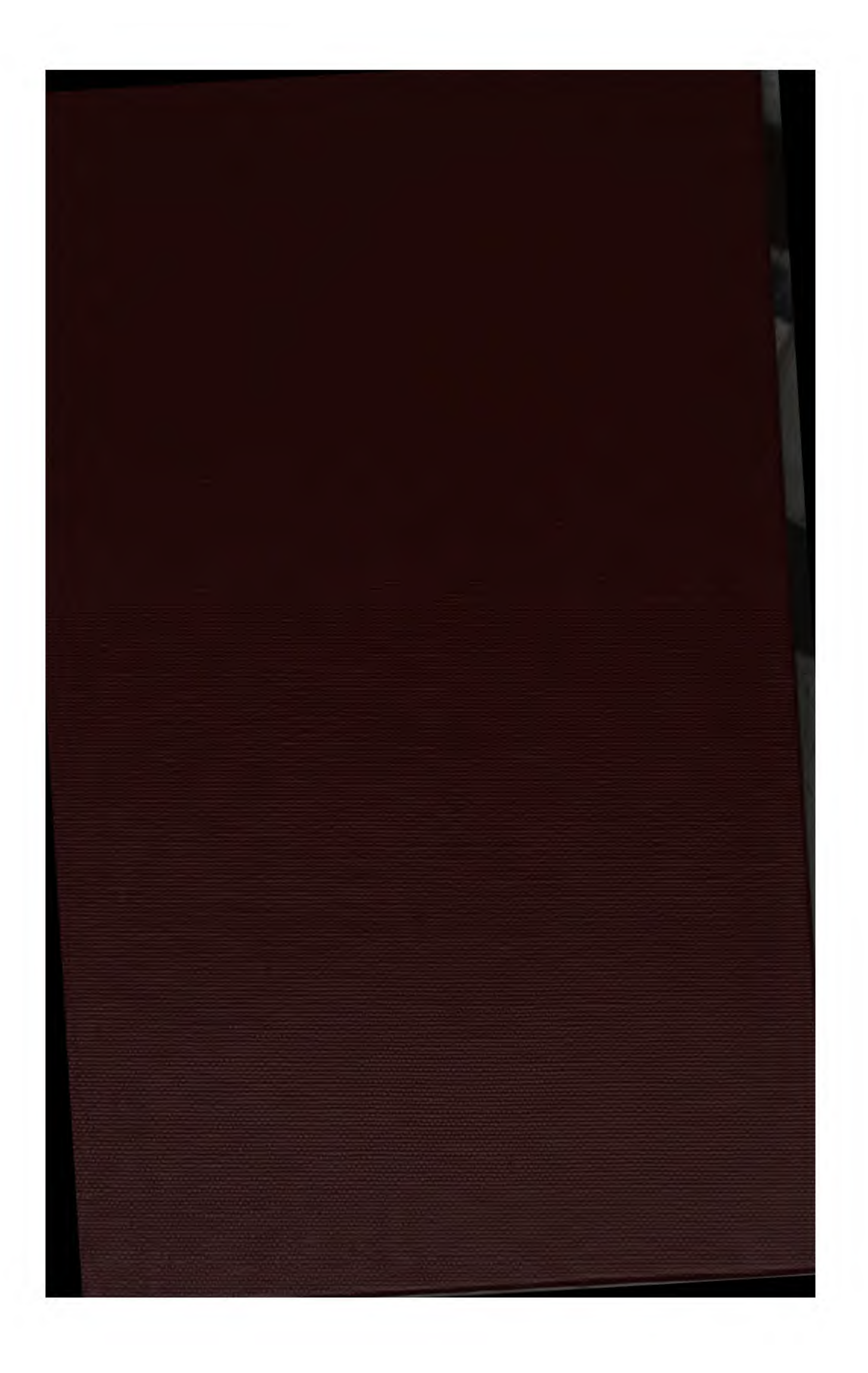

CXXV

СКАЗАНІЕ

О

МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

С. К. ШАМБИНАГО

1907

Печатано по распоряженію Комитета состоящаго подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

Секретарь *В. Майковъ.*

Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43.)

Лицевые списки Мамаева побоища.

Битва 8 сентября 1380 года, извѣстная у современниковъ подъ именемъ Мамаева побоища, по многимъ причинамъ была крупнымъ историческимъ событіемъ. Съ внѣшней стороны, по числу сражавшихся, по упорству и мужеству противниковъ, по кровопролитности—Куликовская битва занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду средневѣковыхъ побоищъ. Въ этомъ смыслѣ ее отмѣтили западные хроникеры. Съ внутренней стороны—побѣда надъ народомъ, котораго долгое время считали наказаніемъ божіимъ, должна была открыть новую эру въ народномъ міросозерцаніи: наказаніе за грѣхи—миновало, татары стали представляться врагомъ, съ которымъ возможно бороться въ надеждѣ, что въ концѣ концовъ православное начало одержитъ верхъ надъ невѣріемъ поганыхъ. Эта точка зрѣнія красной нитью проходитъ во всѣхъ произведеніяхъ, посвященныхъ Куликовской битвѣ.

Лѣтописи, вносившія въ изложеніе цѣлыя повѣсти о выдающихся явленіяхъ внѣшней жизни, должны были первыми отозваться и на это крупнѣйшее историческое событіе. Дѣйствительно, въ концѣ XIV вѣка, т.-е. вскорѣ послѣ событія, появилось его историческое описаніе, находящееся во всѣхъ редакціяхъ Новгородской IV лѣтописи и въ лѣтописяхъ Софійской I и Воскресенской. Этотъ первоначальный видъ повѣствованія я называю *Лѣтописной Повѣстью*, такъ какъ оно

составлено по шаблону обычныхъ воинскихъ лѣтописныхъ повѣстей. Восходя по изложенію къ повѣсти объ Александрѣ Невскомъ, Лѣтописная повѣсть представляетъ сухое повѣствованіе, почти при полномъ отсутствіи фактическаго матеріала. Составитель не воспользовался ни однимъ разсказомъ о различныхъ перипетіяхъ боя, заполняя недостатокъ содержанія молитвами, вложенными въ уста дѣйствующихъ лицъ, и формулами, обычными для повѣстей подобнаго рода.

Такое сухое изложеніе, безъ сомнѣнія, не могло удовлетворить читателей, да и самый матеріалъ просился въ другія рамки; поэтому въ литературѣ, на смѣну Лѣтописной повѣсти, должны были появиться другія произведенія, трактующія тотъ же сюжетъ.

Къ XV вѣку относится другая повѣсть, принадлежащая перу нѣкоего рязанскаго іерея Софоніи, носившая у прежнихъ изслѣдователей названіе Задонщины, а по моей терминологіи—*Повѣданіе*, потому что она такъ именно въ древности и называлась. Въ полномъ, но весьма искаженномъ, видѣ Повѣданіе читается въ спискахъ Синодальномъ (№ 790, изданъ проф. Смирновымъ) и Ундольскаго (№ 632, изданъ И. Бѣляевымъ); древнѣйшій списокъ XV вѣка—Кирилло-Бѣлозерскій (изданъ арх. Варлаамомъ и теперь издается П. К. Симони)—представляетъ, къ сожалѣнію, лишь половину памятника—похвалу Дмитрію (похвала Владиміру опущена). Эта повѣсть написана подъ непосредственнымъ вліяніемъ Слова о полку Игоревѣ, причемъ сохранила не только множество буквальныхъ выраженій, но и самый планъ этого памятника. Прославляя, на подобіе пѣвца Игоря, князей Дмитрія и Владиміра, Софонія пользовался, главнымъ образомъ, устными преданіями о битвѣ. Онъ впервые указалъ на 2 мо-

мента боя, именно, на первоначальное пораженіе русскихъ и на побѣду, явившуюся результатомъ выхода засаднаго полка изъ дубравы; онъ ввелъ въ повѣствованіе эпизодъ о Пересвѣтѣ, богатырѣ-инокѣ обители Сергія. Однако, стѣсненный поэтической традиціей Слова, Софонія, какъ и авторъ Лѣтописной повѣсти, даетъ также весьма мало фактовъ.

Кромѣ того, Слово о полку Игоревѣ было памятникомъ, образы котораго были понятны немногимъ; Повѣданіе явилось также не по плечу переписчикамъ, оттого и списковъ его мало, да и тѣ изобилуютъ массой ошибокъ.

И древнѣйшій списокъ далеко не представляетъ исправнаго текста. Отсутствіе фактическаго матеріала, непонятность образовъ и выраженій не могли, конечно, способствовать популярности повѣсти, и Повѣданіе, какъ и Лѣтописная повѣсть, должны были уступить мѣсто новой композиціи.

Эта новая композиція представляетъ искусное соединеніе матеріала Лѣтописной повѣсти, Повѣданія и новыхъ фактовъ, заимствованныхъ изъ источниковъ письменныхъ и устныхъ. Этотъ новый видъ повѣсти я предлагаю называть *Сказаніемъ* (по термину прежнихъ изслѣдователей «Повѣданіе»).

Сказаніе было чрезвычайно распространено: до сихъ поръ нѣтъ книгохранилища, гдѣ бы оно не представлялось нѣсколькими экземплярами. Многочисленные списки его имѣютъ ту особенность, что текстъ повѣсти разнообразится въ нихъ сообразно таланту и темпераменту переписчика. Каждый писецъ является въ то же время и редакторомъ Сказанія. Поэтому элементарная работа — подведеніе списковъ подъ рядъ опредѣленныхъ редакцій — представляетъ въ данномъ случаѣ особыя затрудненія. Причинъ подобнаго разнообразія списковъ — много: редакторство каждаго отдѣльнаго писца объ-

ясняется, прежде всего, интересомъ къ произведенію; различныя преданія о Куликовской битвѣ вводились въ Сказаніе постепенно, а ихъ было не мало; указанная выше тенденція: торжество православнаго начала надъ поганствомъ—вызывала, съ точки зрѣнія переписчиковъ, все новые и новые коментаріи, требовала новыхъ подтвержденій, цитатъ, разъясненій. Наконецъ, разнообразіе обусловливается чисто внѣшней причиной: популярное Сказаніе охотно покупалось, на него былъ спросъ, поэтому появилось спѣшное изготовленіе множества списковъ; коммерческіе расчеты послужили причиной появленія списковъ дефектныхъ, неконченныхъ, списанныхъ съ рукописей, гдѣ были перебиты или утрачены листы, съ массой ошибокъ и описокъ. Часто писецъ, начиная списывать Сказаніе съ рукописи, положимъ, одного типа, продолжалъ писать по другому и т. д. Этотъ фактъ изготовленія Сказанія на продажу чрезвычайно затрудняетъ дѣленіе на редакціи.

Популярность Сказанія въ значительной мѣрѣ обусловливается тѣмъ, что оно очень умѣло воспользовалось для иллюстраціи текста поэтическими вставками изъ Повѣданія, писанія Софоніи: послѣднее было, такъ сказать, разбито на куски, и художественные обломки вошли въ составъ новаго архитектурнаго зданія. Умѣлое соединеніе Повѣданія и Сказанія (есть списки послѣдняго, которые носятъ и двойное заглавіе: «Повѣданіе и Сказаніе о побоищѣ...»), съ одной стороны, вытѣснило писаніе Софоніи, съ другой, доставило повѣсти указанную популярность.

Однако, не смотря на разнообразіе списковъ, Сказаніе, по характернымъ особенностямъ и опредѣленному типу вставокъ, можно подраздѣлить на 4 редакціи.

Первая редакція, помѣщенная въ спискахъ Никоновской

лѣтописи (напечатана Археографической Комиссіей), сохраняетъ въ общемъ планъ Лѣтописной повѣсти. То, что въ послѣдней было выражено кратко и неясно, она развиваетъ въ цѣлые эпизоды. Заимствованій изъ Повѣданія пока нѣтъ, но ясно дѣленіе на два момента и указаніе на роль засады. Фактическій матеріалъ здѣсь значительно полнѣе, чѣмъ въ Лѣписной повѣсти; противники Дмитрія—Мамай, Ягайло и Олегъ охарактеризованы подробно. Кончается повѣсть разсказомъ о возвращеніи побѣдителей въ Москву, причемъ изложеніе представляетъ сжатое повтореніе предыдущаго описанія похода на Куликово поле. Характерной особенностью первой редакціи является тенденціозное прославленіе Кипріана: митрополитъ изображается какъ бы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ всего разсказа: онъ иниціаторъ похода, вдохновитель Дмитрія, первый посредникъ между княземъ и Богомъ. Эта тенденція настолько прозрачна, что первую редакцію по существу можно назвать Кипріановской.

Первую редакцію слѣдуетъ относить къ XV вѣку. Въ XVI вѣкѣ появилась вторая. Сохраняя планъ первой редакціи, вторая въ значительной степени сглаживаетъ тенденціозное прославленіе Кипріана, вводя послѣдняго въ разрядъ второстепенныхъ персонажей. Особое вниманіе второй редакціи обращено на стилистическую отдѣлку: введены значительныя вставки изъ Повѣданія, отброшено окончаніе, замедлявшее ходъ разсказа (возвращеніе съ побѣдой въ Москву). Для оттѣненія провиденціально-поучительной точки зрѣнія вставлена цѣлая повѣсть — о приходѣ Ольгердовичей на помощь великому князю: братья возстали на брата, чтобы помочь православному дѣлу.

Къ тому же XVI вѣку слѣдуетъ относить возникновеніе

третьей редакціи. Очень распространенная, развивавшаяся въ теченіе долгаго времени, эта редакція обнимаетъ наибольшее количество списковъ.

Вторая редакція еще только намѣчала провиденціально-поучительную тенденцію: въ общемъ—она очень объективный историческій романъ; что касается третьей - здѣсь уже тенденція крѣпнетъ. Отсюда—отличительная особенность разбираемой редакціи: поставленіе имени Ольгерда на мѣсто Ягайла; Ольгердовичи, пришедшіе на помощь русскимъ, рисуются слѣдовательно, возставшими не на брата, а на родного отца, только для того, чтобы «свершить подвигъ добрый»—помочь гибнущему христіанству. Этотъ редакторскій пріемъ придалъ исключительную занимательность разсказу.

Въ остальномъ списки третьей редакціи характеризуются обиліемъ вставокъ изъ Повѣданія, распространенной характеристикой дѣйствующихъ лицъ, вставкой ряда дополнительныхъ эпизодовъ и окончательнымъ уничтоженіемъ прославленія Кипріана. Часть списковъ удерживаетъ характерный конецъ первой редакціи, часть — примыкаетъ къ плану второй.

Разнообразные списки третьей редакціи могутъ быть раздѣлены на 7 группъ, представляющихъ медленный, но постепенный переходъ къ четвертой редакціи. Объединяются эти группы единствомъ плана и вышеуказанными характерными особенностями третьей редакціи. Отличаются же онѣ бо̀льшимъ или меньшимъ заимствованіемъ изъ Повѣданія, включеніемъ типичныхъ для группы вставныхъ эпизодовъ, скомпанованныхъ на основаніи устныхъ преданій и лучшей или худшей стилистической отдѣлкой. По плану группы восходятъ къ спискамъ: съ вышеуказаннымъ типичнымъ окончаніемъ и безъ него.

Постепенно вводимые въ списки третьей редакціи эпи-

зоды стянулись, въ концѣ концовъ, въ опредѣленныя повѣсти, характеризующія четвертую редакцію Сказанія: таковы, между прочимъ, повѣсти: объ Ольгердѣ литовскомъ, о приходѣ Захаріи Тютчева въ Орду, о мужахъ новгородцахъ. Присутствіе этихъ повѣстей (не считая другихъ эпизодовъ, находящихся и въ предыдущихъ редакціяхъ) представляетъ типичную особенность четвертой редакціи, которая является самымъ распространеннымъ видомъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Какъ болѣе поздняя по времени возникновенія—XVII вѣкъ—разбираемая редакція представляетъ паденіе со стороны стиля: поэтическія заимствованія изъ Повѣданія перестаютъ пониматься и опускаются или переходятъ въ прозаическое изложеніе, повѣствованіе подчасъ поражаетъ своей безталанностью, прежній стройный разсказъ переходитъ въ ненужное многословіе. Поэтому, несмотря на позднее возникновеніе, списковъ четвертой редакціи гораздо меньше, чѣмъ третьей.

Изъ четвертой редакціи въ концѣ XVII вѣка выдѣлилась повѣсть, помѣщенная въ Синопсисѣ. Благодаря тому, что Синопсисъ сталъ печататься со времени своего возникновенія, эта неоригинальная и неумѣлая обработка (вѣрнѣе—сокращеніе) четвертой редакціи, вытѣснила предыдущія, и для XVIII—XIX вѣковъ синоптическая повѣсть начинаетъ преобладать въ рукописныхъ сборникахъ. Знакомство широкой публики съ Мамаевымъ побоищемъ основано какъ разъ на этой повѣсти, помѣщенной въ Синопсисѣ.

Таковы главные виды повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ. Есть еще нѣсколько особыхъ композицій, но онѣ, въ сущности, представляютъ или сокращенія, или соединеніе двухъ видовъ повѣсти въ одну.

Я говорилъ, что значительная часть списковъ третьей редак-

ціи изготовлялась для продажи. По большей части—это были спекулятивные, дефектные экземпляры, но были и такіе списки, которые имѣли въ виду преслѣдованіе художественныхъ цѣлей. Къ разряду такихъ списковъ относятся списки лицевые.

Лицевыхъ списковъ дошло немного, но надо думать, что въ древности ихъ было значительно больше. Мнѣ извѣстенъ одинъ списокъ четвертой редакціи, представляющій копію съ лицевой (утраченной теперь) рукописи, гдѣ всѣ миніатюры были озаглавлены. Эти подписи подъ миніатюрами, въ видѣ интерполяцій, вошли въ текстъ указываемаго мною списка (Тверского музея № 8146, к. XVII в.). Такихъ подписей списокъ сохранилъ 12: 1) Князь Олгирдъ спрашиваетъ посла своего Бартяша про Мамая царя (этой миніатюры въ дошедшихъ лицевыхъ спискахъ нѣтъ). 2) Татарове же связанные стоятъ предъ великимъ княземъ. 3) Князь же великій прикладывается у гроба Петрова. 4) Великая же княгиня Евдокѣя во златоверхомъ теремѣ набережномъ сидитъ на рундукѣ, сшибши руки, слезы льющеся отъ очию. 5) Новгородцы же звонятъ въ вѣчный колоколъ (этой миніатюры также нѣтъ). 6) I возятся ратъ великаго князя. 7) Олегъ резанскій сидя кается, витязи предъ нимъ стоятъ. 8) Олегъ на боярей своихъ сердитуетъ. 9) Вѣстницы же пріидоша ко князю Дмитрію і вдаша отъ брата его отъ князя Андреа послание. 10) Войско великаго князя Донъ перевозится. 11) Князь великій цѣлуетъ посланники чернъцовъ. 12) Бой. Ступишася полки великаго князя съ татарскими биющеся крѣпко между Дону і дву рѣкъ.

Очень жаль, что оригиналъ съ миніатюрами не дошелъ: извѣстные лицевые списки всѣ принадлежатъ третьей редакціи, неизвѣстный же оригиналъ, иллюстрируя не находящіяся въ третьей редакціи повѣсти (о литовскомъ послѣ Бортешѣ),

несомнѣнно, долженъ былъ представлять вполнѣ оригинальную композицію.

Лицевыхъ списковъ третьей редакціи извѣстно четыре. Замѣчательно, что иллюстрированная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ по тексту принадлежитъ къ группамъ, отличающимся особенной полнотой поэтическихъ заимствованій изъ Повѣданія: внѣшность имѣлось въ виду сдѣлать подходящей и къ содержанію. Упомянутый выше Тверской списокъ четвертой редакціи, отличающейся вообще прозаическимъ складомъ, точно также выдѣляется обиліемъ поэтическихъ выдержекъ.

Списки эти слѣдующіе:

1) Списокъ бывшій Царскаго № 310, теперь собранія гр. Уварова № 492, полууставомъ исхода XVII в., въ четверку. Списокъ заключаетъ въ себѣ только Сказаніе, текстъ котораго былъ извѣстенъ Снегиреву, воспользовавшемуся имъ мало при своемъ печатномъ изданіи повѣсти (Русскій Историческій Сборникъ, т. III), такъ какъ списокъ попалъ къ нему уже поздно, когда работа была окончена. Я отношу этотъ текстъ къ третьей группѣ третьей редакціи, характеризуемой чрезвычайнымъ обиліемъ выдержекъ изъ писанія Софоніи, что придаетъ памятнику исключительно поэтическій колоритъ[1]). Буду обозначать его въ дальнѣйшемъ изложеніи черезъ Ув.

2) Московскаго Румянцовскаго Музея № 3123, скорописью XVII в., тетрадь въ четверку, заключающая въ себѣ исключительно текстъ Сказанія. По отношенію къ общему тексту третьей редакціи этотъ списокъ представляетъ:

---

[1]) Арх. Леонидъ, описывавшій собраніе гр. Уварова, называетъ этотъ списокъ повѣсти—„поэтической сказкой“.

а) наличность большого количества ошибокъ, вытекающихъ изъ непониманія текста и спѣшности въ работѣ;

б) добавленія, носящія характеръ риторическихъ распространеній;

в) значительное число выдержекъ изъ Повѣданія (въ немъ, напримѣръ, находится, между прочимъ, рѣдкая въ спискахъ Сказанія вставка о плачѣ воеводскихъ женъ по убитымъ). Обозначу — P_1.

3) Московскаго Историческаго Музея № 2596 (40039), скорописью XVIII в., тетрадь въ четверку, также содержащая только одно Сказаніе. По изложенію — текстъ примыкаетъ къ предыдущему. Обозначу—М.

Эти три списка представляютъ весьма дефектные экземпляры, главнымъ образомъ, потому, что, очевидно, при позднѣйшемъ переплетаніи листы были перебиты, и большая часть ихъ утратилась. Вотъ почему текстъ Сказанія не можетъ быть напечатанъ ни по одному изъ этихъ списковъ, равно и не могутъ быть подведены варіанты, такъ какъ въ текстѣ весьма многаго недостаетъ, и варіанты были бы случайны. Кромѣ того, всѣ эти списки безъ начала и конца. Такое плохое состояніе текста, съ одной стороны, и сравнительная полнота миніатюръ (особенно въ P_1) — съ другой, заставляютъ предположить, что кѣмъ-либо собирались и переплетались однѣ «картинки», безъ обращенія вниманія на текстъ.

4) Московскаго Румянцовскаго Музея № 3155, скорописью XVII вѣка (P_2) въ листъ. Первые 144 листа занимаетъ лицевая Александрія, съ 145 л. до конца—Сказаніе. Текстъ послѣдняго вполнѣ противоположенъ предыдущимъ: перебитыхъ мѣстъ, выпусковъ и вообще — присущихъ тѣмъ дефектовъ — нѣтъ (не считая одного — поздней утраты несколь-

кихъ страницъ). Кромѣ того, самый текстъ представляетъ весьма близкую копію съ болѣе древняго списка, собранія Ундольскаго № 578, списка, который я считаю однимъ изъ основныхъ списковъ третьей редакціи. Обозначаю P_2.

Въ основаніе третьей редакціи я ставлю 2 списка, отличающіеся между собою окончаніемъ. Первый – собранія гр. Толстого III, 32 — напечатанъ мною въ изслѣдованіи повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ (обозначенъ тамъ черезъ Т). Этотъ списокъ безъ типичнаго окончанія. Второй — Ундольскаго (обозначаю черезъ У) представляетъ текстъ съ окончаніемъ, развитымъ по схемѣ первой редакціи и представляющимъ разсказъ объ обратномъ походѣ побѣдоноснаго русскаго войска съ поля битвы къ Москвѣ; разсказъ развитъ не остроумно и представляетъ сжатое изложеніе предыдущаго повѣствованія о сборѣ великаго князя и его походѣ на Куликово поле. Это окончаніе, какъ замедлявшее ходъ повѣствованія, было выброшено Т и списками, отъ него зависящими. Списокъ У и происходящіе отъ него списки удерживаютъ это окончаніе и тѣмъ самымъ отличаются отъ Т, съ которымъ въ общемъ сохраняютъ единство плана и характеръ изложенія.

Въ деталяхъ, однако, У мѣстами ближе къ первой редакціи, чѣмъ Т. Поэтому я и ставлю его въ число основныхъ списковъ, восходящихъ къ протографу третьей редакціи.

Списокъ У отличается діалектическими особенностями, позволяющими относить его къ сѣверно-великорусскому говору псковскаго типа. Таковы: 1) Мѣна ч и ц: цасто; на целѣ; костромици. 2) Замѣна ѣ—и въ концѣ словъ и слогахъ передъ мягкими согласными: въ сили; на земли зелени; въсхоти; на рици; на высоти; видиша; Ондриемъ; правовирніи; прадиду. 3) Ѣ вмѣсто и: вѣждь (вм. виждъ); прилѣченъ,

ездѣти; вѣдение (видѣніе). 4) И вмѣсто е: христіани; татарови; архангильскаго. 5) Мѣна с и ш: искусу (вм. искушу); изгаше (вм. изгасе).

Списокъ У изобилуетъ многими ошибками, свидѣтельствующими, что писцу многія слова были непонятны[1]); можетъ быть, причиной появленія этихъ ошибокъ былъ этотъ областной говоръ писца?

Въ виду того, что

1) списокъ У, являясь однимъ изъ основныхъ списковъ третьей редакціи, представляетъ оригиналъ, съ котораго списанъ P_2, и

2) что остальные лицевые списки—Ув, P_1 и М — дефектны, и въ виду отсутствія именно окончанія, о нихъ трудно судить, восходятъ они къ Т или У; а что касается разночтеній ихъ со спискомъ У, то таковыя незначительны, почему въ одинаковой степени можно и ихъ считать восходящими къ У,—

я привожу текстъ Сказанія именно по этому, еще нигдѣ не напечатанному списку.

Сказаніе по списку У находится въ сборникѣ, принадлежавшемъ Ундольскому № 578 (См. Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго, изданіе Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ), полууст. XVI в., на 432 л.л., въ 8-ку, Сказаніе начинается съ 327 листа: «Сказаніе о брани благовѣрнаго князя Димитрія Ивановича съ нечестивымъ царемъ Мамаемъ еллинскимъ». Повѣстью и оканчивается сборникъ.

При печатаніи я руководствовался приблизительно тѣми

---

[1]) Въ своемъ изслѣдованіи я отмѣтилъ эти ошибки (См. Сборникъ 2 отд. А. Н., т. LXXXI).

правилами, которыхъ придерживается Археографическая Коммиссія при печатаніи лѣтописей. Въ скобкахъ мною вставлены несомнѣные пропуски У (дополненіемъ служилъ мнѣ P_2, какъ я говорю — представляющій точную копію У). Въ примѣчанія подъ текстомъ я выносилъ ошибки, поправляя ихъ въ текстѣ на основаніи или P_2 или общаго чтенія третьей редакціи.

Сказаніе о брани благовѣрнаго князя Димитрія Ивановича съ нечестивымъ царемъ Мамаемъ еллинскимъ.

Подобаетъ намъ повѣдати величествія Божіа, како створи волю боящихся его, како способствова великому князю Димитрію Ивановичю Володимерскому надъ безбожными татары.

Попущеніемъ Божіимъ отъ навоженя дьяволя въздвижеся царь отъ восточныя страны, именемъ Мамай, еллинъ сый вѣрою, идоложрець, (иконоборець) злый, христіянскый укаратель, и (вниде) въ сердци его подстрѣкатель діаволъ, како всегда напасть дѣетъ христіянству, научи его, како разорити православную вѣру и осквернити святыя церкви и всему христіаньству потреблену быти, яко да не славится имя святое Господне въ людехъ его: Господь же, елико хощеть, то творить. Онъ же безбожный царь нача ревніемъ діаволимъ подвиженъ [а]) быти, пръвому отступнику царю Батыевѣ и оному [б]) Уляну въздревнова; и начатъ испытовати отъ старыхъ еллинъ, како той безбожный царь Батый пленилъ землю Рускую и како случися ему. Они же пакы сказаша ему все: како пленилъ Батый Кіевъ и Володимерь и всю Рускую землю и великаго князя (Юрья Дмитреевича) убилъ и многихъ православныхъ князей изби и святыя монастыря многи оскверни и вселенскую церковь зла-

---

Поправляю ошибки У, гдѣ: [а]) поносиму; [б]) иному.

товерхую разграби [1]). Ослѣплену же ему очима, того не разуми, яко Господу годѣ (бысть), тако и бысть, яко въ оны дни Іерусалимъ плѣненъ бысть Навходъносоромъ, царемъ вавилонскимъ, (и Титомъ римскимъ,) маловѣрія (ради). (Но) не до конца прогнѣвается Господь, ни въ вѣкы враждуетъ. Слышавъ же безбожный царь отъ своихъ агарянъ, нача подвиженъ быти, дьяволомъ палимъ [а]), (иже) непрестанно ратуя на христіанство. (И помысли царь то въ собѣ и) нача глаголати къ отступникомъ своимъ (еупатомъ и княземъ и воеводамъ), яко азъ не хощю тако сътворити, како Батый, но егда доиде въ (Руси), убію (болшаго) князя ихъ, и который его градъ красный довлѣетъ намъ, и ту сядемъ вѣдати и Русью владѣти, тихо и безмятежно поживемъ. А не вѣдый того, яко Господня рука высока есть. По малехъ днихъ и по глаголехъ сихъ перевезеся [б]) великую рѣку Волгу съ всими силами, инные же многи орды къ себѣ съвокупи и глагола имъ, яко обогатіемъ рускимъ златомъ. Поиде же на Русь, яко и левъ ревый, пыхаа, яко неутолимыя ехидна [в]). Доиде жъ на устьи рѣкы Воронажа [2]) и распусти силу свою и заповѣда всѣмъ улусомъ своимъ, яко да ни единъ не пашетъ [г]) хлѣба и будете готови на рускыя хлѣбы.

Слышавъ же то Олегъ, рязанскый князь, яко царь Мамай кочюетъ на браду и хощетъ ити на Русь, на великого князя Димитрія Ивановича московскаго. И посла Олегъ, князь рязанскый, посла своего къ царю Мамаю безбожному съ великою честію и дары многи, и ярлыки свои написа къ нему сицимъ образомъ [3]): Въсточному царемь царю, волному

Поправляю ошибки У: [а]) хвалимъ; [б]) превозися; [в]) емъ едина; [г]) паси.

царю Мамаю твой посяжникъ и присяжникъ Олегъ рязанскый много тя молитъ. Слышахъ, господине, хощеши ити на Русь, (на своего служебника) на великого князя Дмитрія Ивановича московскаго и огрозитися ему: нынѣ же, господине всесвѣтный царю, приспѣ время твое, злата и богатства много, а князь Дмитрій человѣкъ христіанъ, егда услышитъ имя ярости твоея, то, царю, отбѣжитъ Дмитрій московскый въ далніи отоки, любо въ Великый Новъгородъ, или на Двину, а то многое богатство московское все въ твои руци да будетъ и твоему великому войску въ потребу. Мене же, раба твоего Олега рязанскаго, дръжава твоя, царю, да пощадитъ: азъ бо ти велми устрашу [a]) Русь и князя Дмитрея Ивановича. Еще, царю, молю тя, яко оба еси раби твои, но и язъ велику обиду пріяхъ отъ того князя Дмитрія. Но еще [б]), царю, не то едино, (но) егда отъ своея обиды твоимъ царьскимъ именемъ погрозихъ нему, онъ же и о томъ не радитъ, но еще же градъ мой Коломну за себе взялъ. И о томъ о всемъ, царю, молю тя.

А другаго же посла скораго вѣстника князь Олегъ рязанскый съ своимъ написаніемъ къ великому князю Олгерду литовскому [4]): Радуяся пишу тебѣ, вѣмъ бо, (яко) издалеча еси мыслилъ московскаго князя Дмитрія изгонити, а Москвою владѣти, нынѣ же приспѣ время намъ, яко великій царь Мамай грядетъ на него и на землю его, и нынѣ убо приложимся къ царю тому: вѣмъ бо, яко тебѣ царь дастъ Москву, иные же грады, кои отъ твоей власти, (а мнѣ дасть Коломну и Володимеръ и Муромъ, иже отъ моея власти). Но азъ же послахъ къ нему своего посла, къ царю Мамаю, съ великою честію и дары многіе. Еще же и ты къ нему пошли своего

Поправляю ошибки У: [a]) устрашуся. [б]) неще.

посла и каци имаши пакы дары и пиши къ нему книги своя елико вѣси паче мене.

Ольгердъ же литовскый, слышавъ се, велми радъ бысть и повелику захвали другу своему, Олгу рязанскому. И посла Олгердъ своего посла съ великими дарми къ царю Мамаю и книги пиша сице: Великому царю въсточному Мамаю князь Ольгердъ литовскый, про твою милость присяжникъ, много тя молитъ. Слышахъ, господине, хощеши казнити свой улусъ, московскаго князя Дмитрія, того ради молю тя, царю, вѣмь бо, яко велику обиду творитъ князь Дмитрій московскый твоему улуснику, князю Олгу рязанскому, да и мнѣ такоже пакости дѣетъ много. И молимъ тя оба, да придеть дръжава твоего царствія до отокъ[а]) сихъ и видить твое смотреніе нашея грубости отъ московскаго князя Дмитрія.—Помышляя же въ себѣ Олегъ рязанскый и Олгердъ литовскый: егда услышить князь Дмитрей царево имя и нашу присягу къ нему, то отбѣжитъ съ Москвы (въ далныи отоки): въ Великый Новъгородъ илй на Двину, а мы сядемъ на Москви и на Коломнѣ. Егда царь пріидеть, и мы его з болшими дарми срящемъ и умолимъ его, (и) возвратится (царь), а мы княженіе Московское раздѣлимъ себѣ царевымъ велѣніемъ: ово къ Вильнѣ, ово къ Рязанѣ, вѣдѣ убо, (яко) имать дати намъ царь ярлыкы и родомъ нашимъ по насъ. Не вѣдяху бо, что помышляюще и что глаголюще, аки младыя дѣти несмысленыя, не вѣдуще[б]) Божія силы и Владычня смотренія. Поистинѣ бо рече: аще кто къ Богу вѣруетъ з добрыми дѣлы и правду въ сердци держитъ, (не можетъ) безъ многихъ враговъ быти.

Князь великый Димитрій Ивановичь образъ смиреномудрія

Поправляю ошибки У: [а]) отроковъ; [б]) не вѣдяху.

ися. небесныхъ желаа отъ Бога будущихъ благъ, и не вѣдый, еже съвѣщаша на него ближніи его золъ съвѣтъ. О таковыхъ пророкъ рече: не сътвори сусѣду своему зла и не копай подъ нимъ ямы, да и тебе Богъ въ горшее не вержеть.

Пріидоша же послове отъ Олгерда литовскаго и отъ Олга рязанскаго къ безбожному царю Мамаю и принесоша къ нему многи дары и писанія книги, и царь Мамай воспріемъ дары съ любовію и писанія книгъ разслушавъ, послы почествовавъ и отпусти и списавъ списаніе (сице) Олгерду литовскому и Олгу рязанскому: Елико написасте ко мнѣ и на дарехъ вашихъ захвалю вамъ (и) елико сколко хощете отчины руские, тѣмъ одарю васъ, толко присягу имѣите[а]) ко мнѣ и сретите мя своими силами, елико гдѣ усрѣсте, да одоліете своего недруга, мнѣ убо ваша пособія не надобна, но аще бы азъ хотѣлъ, своею силою древнѣй Іерусалимъ пленилъ бы[б]), яко же халдѣй, по чести вашей ради, но моимъ именемъ, (а) вашею рукою распуженъ будетъ князь Дмитрій московскый (и) огрозит(ся) имя ваше въ странахъ вашихъ: мнѣ убо, царю[в]), достоить побѣдить подобна себѣ, и довліетъ ми царска честь. Сице княземъ своимъ рците.

Послы же возвратиша(ся) къ нимъ и сказаша имъ: яко царь здравитъ вамъ, велми всхвали повелику. Они же скудни умомъ велми въздрадовашася о суетнѣмъ привитѣ безбожнаго царя, а не вѣдуще, яко Богъ власть даетъ, ему же хощетъ. Нынѣ же едина вѣра, едино крещеніе, а къ безбожному приложишися вкупи на православную вѣру. Олегъ же нача поспѣшествовати и слати къ Мамаю послы и рече, яко подвизатися[г]), царю, скоро. Путіе же нечестивыхъ не успѣваютъ, но избираютъ собѣ досаженія и поноше-

---

Поправляю ошибки У: [а]) имѣете; [б]) пленити; [в]) царя. [г]) подвизася.

ніа. Нынѣ же сего Олга рязанскаго втораго Святополка нарѣку.

Слышавъ же то [5]) князь великый Димитрій Ивановичъ, яко грядеть нань безбожный царь Мамай съ многими силами, неуклонно яряся на Христову вѣру и ревнуя безъглавному Батыю. Князь же великы Дмитрей велми опечалився о безбожномъ нахоженіи и иде въ ложницу свою скоро и ста предъ иконою Господня образа, еже въ възглавіи его стояше, и припаде на колѣну свою и нача молитися съ слезами и съкрушеніемъ сердца, глаголя сице: (Аще смѣю молитися) тебѣ, Господи Боже мой, смиреный рабъ твой припадаю, кому ми простерти уныніа своя сице, но къ тебѣ, Господи, въвергу печаль мою, ты бо свидѣтелю, Владыко, не створи [a]) намъ, Господи, яко же отцемъ нашимъ, иже наведый на нихъ и на градъ ихъ злаго Батыя. Еще бо, Господи, тому страху и трепету въ насъ сущу велику, и нынѣ, Господи, не до конца прогнѣвайся на ны. Вѣмъ бо, Господи, яко мене ради хощеши всю землю нашу погубити; азъ бо съгрѣшихъ предъ тобою паче всѣхъ человѣкъ. Сътвори ми слезъ моихъ ради, якоже Іезекій укроти сердце свѣрѣпому сему. Въздвигшися [a] и рече: На Господа уповахъ и не изнемогу. И посла по брата своего, князя Володимера Андрѣевича, въ своей бо бяше отчины въ Боровци, и по всѣ князи рускіе розосла и по вся воеводы мѣстныя, повели имъ скоро къ себѣ быти на Москву. Князь же Володимеръ Андрѣевичъ пріеди вборзи на градъ Москву и вси князи и воеводы пріѣхаша на Москву.

Великый (князь) Дмитрій Ивановичь, поемъ съ собою брата своего, князя Владимера Андрѣевича, и придоша къ преосвя-

---

Поправляю ошибки У: [a]) створимъ.

щенному митрополиту Кипріяну [6]) и рече ему: Вѣси, отче, настоящую сію бѣду, яко безбожный царь грядеть на ны, неуклонными образы нося.—Митрополить же къ великому князю рече: Повѣжь ми, господине, чимъ еси къ нему не исправилъся.—Князь великій Дмитрей: Испытахомъ бо ся, отче, до велика, яко по отець нашихъ преданію, все, еще же наипаче, въздахомъ ему.—Преосвященный же митрополитъ рече ему: Видиши ли, господине, попущеніемъ Божіимъ, а нашимъ съгрѣшеніемъ идеть пленити землю нашу, но вамъ подобаетъ православнымъ христіаномъ, княземъ рускимъ, тѣхъ нечестивыхъ дарми утоляти четверицею сугубо. Еще ли того ради не смирится, но Господь смирить его, писано бо есть: Господь гръдымъ противится, а смиренымъ даетъ благодатъ. Тако же случися великому Василію въ Кесаріи: егда отступникъ Улянъ, идый въ Персъ и хотя разорити градъ его, Василей же помолися Господу Богу съ всими христіаны и собра много злата и посла къ нему, дабы утолити того преступника. Онъ же паче возрився, Господь же посла на него воина своего Меркурія, и изби ихъ Меркурей, Божіею силою злаго отступника Уліана съ всими силами его. Ты же, господине, возми злато, еже имаши, пошли противу его.—Князь же великый Дмитрій Ивановичь по совѣту митрополита своего посла избраннаго своего уношу, доволна смысломъ, именемь Захарью Тушева, и давъ ему два толмача, умѣющихъ половецкому языку, и злата много отпусти съ нимъ къ царю Мамаю [7]).

Захарья же, дошедъ до земли Рязанской и слышавъ, яко Олегъ рязанскый и Олгердъ литовскый приложишася къ царю Мамаю, и посла въ тайноси (sic) скоро вестника къ великому князю Дмитрію Ивановичю. И князь великый, слышавъ таковую вѣсть, и нача сердцемъ двизатися и (наполнися ярости и го-

рести и) нача молитися: Господи Боже мой, на тя надѣюся правду любящаго, аще ми врагъ пакости дѣетъ, то подобаеть ми противу его трьпѣти, яко искони есть врагъ роду христіянскому. Суди, Господи, межъ ними и мною, яко и бысть и въ прежніи дни, и приде Исафъ на брата своего Іякова Израиля, и Іаковъ, ставъ на градѣ, и рече Исафу: Брате, Богъ межи мною и тобою, и инъ уби его копіемъ з города[а]). Азъ бо имъ ни единаго зла не сотворихъ, развѣе даровѣ и чести отъ нихъ пріяхъ, а имъ такоже даровахъ. Но суди, Господи, по правдѣ моей, да скончается зло(ба) грѣшныхъ.—

И паки поимъ брата своего, князя Володимера, и иде второе къ преосвященному митрополиту и повѣда ему, како Олгердъ литовскый и Олегъ рязанскый съвокупишася съ Мамаемъ на него[б]). Преосвященный же митрополитъ Кипріянъ рече ему: Ты убо, господине, каковы обиды не сътворилъ ли еси имъ?—Князь же великый Дмитрій прослезився и рече: Азъ бо, отче, предъ Богомъ съгрѣшилъ есмь выше всѣхъ человѣкъ, а къ нимъ ни единоя черты по отець своихъ закону не преступихъ. Вѣси бо, отче, самъ, яко доволенъ есмь отоки[в]) своими, а имъ кою обиду сътворихъ, что ради умножишася стужающеи мн.—Преосвященный же митрополитъ великому князю рече: Сыну и господине, просвѣтися[г]) веселыма очима и сердцемъ, и законъ Божій чтеши и твориши правду, и яко праведенъ Господь и правду възлюби. И нынѣ обыдоша тя, яко пси мнози, суетно и тщетно поучаются, ты же именемъ Господнимъ противися имъ, и Господь вправду будетъ помощникъ, а отъ всевѣдущаго Владычня ока не можешѣ избыти, отъ крѣпкія руки его.

Поправляю ошибки У: [а]) иши безъ града и уби его; [б]) на ны; [в]) отроки; [г]) просвѣтився.

Князь же великый Дмитрій Иванович говоритъ у Микули у Василевича на пиру з братомъ съ своимъ, съ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ, со всими рускими князми и воеводами, здумаша, яко и сторожу уготовати тверду въ Поли[8]). И посла (въ) сторожу избранныхъ своихъ крѣпкыхъ оружникъ: Родіона Ржевскаго и Ондрѣя Волосатого, Василія Тупика и иныхъ крѣпкыхъ уношей, и повели имъ стрещи на быстрѣй Соснѣ съ всякимъ усердіемъ и подъ Орду ѣхати и языка добыти, истинну слышати царева хотѣнія. А самъ князь великы Дмитрій Ивановичь по всѣмъ землямъ гонцы розосла съ своими грамотами по всѣмъ градомъ, (яко) да готовы будете на брань з безбожными агаряны, совокуплени[a]) вси на Коломнѣ, на мясопустъ святыя Богородица.

Тіи же стражи замедливше въ Поли. Князь же великый вторую сторожу посла: Климентія Полянина, Ивана Святослава, Григорья Судока и иныхъ съ ними, заповѣда имъ скоро възвратитися. Они же срѣтоша Василя Тупика, ведуща языкъ къ великому князю Дмитрею Ивановичу, (повѣдающа), яко неизложно царь идеть на Русь, и како обослашася съ нимъ (и) яко съвокупишася Олегъ рязанскый и Олгердъ литовскый: не спѣшитъ бо царь еще, но осени ждетъ.

И слышавъ князь великый неизложную ту вѣсть, таковое встаніе безбожнаго, и нача утѣшатися о Бозѣ и укрѣпляя брата своего, князя Владимера, и всѣ князи рускіе, и глагола имъ: Братіе, князи рускіе, гнѣздо есмя князя Володимера кіевскаго[9]), иже изведе ны отъ страсти еллинскыя, ему же Богъ откры познати православную вѣру, онъ же заповѣда намъ ту же вѣру хранити и дръжати крѣпко и побораги по ней:

Поправляю ошибки У: [a]) съвокупленіи.

аще кто ея ради постражеть, той въ ономъ вѣцѣ у Бога съ святыми будеть. Азъ же, братіе, за вѣру хощу пострадати, даже и до смерти.—И рече ему князь Володимеръ Ондреевичъ и вси князи рускіе и воеводы: Воистинну, господине, намъ заповѣдь законную[а]) хранити, святому евангелію послѣдовати. Рече бо Господь: аще кто постражеть за имя мое, то азъ есмь съ нимъ. Мы же, господине, умрети готовы есмы съ тобою и головы своя положити за святую вѣру и за твою великую обиду.—И князь великы Дмитрій Ивановичь отъ брата своего, князя Володимера Ондрѣевича, слыша сіа и отъ всѣхъ князей рускыхъ, яко дръзаютъ побарати по вѣрѣ, и повели съ всея земли Рускія и всимъ людемъ быти на Коломнѣ, на Успеніе святыя Богородица, яко переберу[б]) полки тамо (и) коемуждо полку воеводу устрою. Приспѣша къ великому князю Дмитрею Ивановичю, яко едиными усты глаголаху: Дай же намъ, Господи, сіе съвѣршити, имени твоего ради святого.—Пріидоша къ нему князи бѣлоозерскіе, подобни бо суще воевѣ, велми учрежено войско ихъ: князь же Феодоръ Семеновичь, князь Семенъ же Михаиловичь, князь Ондрѣй кѣмской, князь Андрѣй карголомскый,[в]) (и) андомскые князи; придоша же ярославскіе: князь Ондрѣй, князь Романъ прозоровскый, князь Дмитрій ростовскый и иные мнози князи[10]).

Князь же великый Дмитрій Ивановичь, поимъ съ собою брата своего, князя Володимера и вси князи рускіе[г]), и поехаша къ живоначалной Троици и къ отцу преподобному

Поправляю ошибки У: [а]) закону; [б]) приберу; [в]) каргопольскый; [г]) между словами: „рускіе—и поехаша“ случайно вплетенъ листикъ, гдѣ не у мѣста выписанъ отрывокъ разсказа о посольствѣ Захаріи Тушева, изъ 4 редакціи (позднимъ почеркомъ).

Сергію, благословенія получити и отъ всея обители тоя святыя. Игуменъ же преподобный Сергій срѣте и благослови и. Моли его преподобный, дабы слушалъ князь великый святыя литургія; приспѣ же тогда день въскресеніа, на память святыхъ мученикъ Флора и Лавра. По отпусти же литоргіа моли святый игуменъ Сергій съ всею братіею, дабы вкусилъ хлѣба. Великому же князю нужно есть, яко придоша къ нему вѣстницы, (яко поганіи приближаются), моли преподобнаго, дабы ему ослабилъ. Рече ему старецъ: Сіе замедленіе сугубо ти поспѣшливо будетъ, не уже бо ти вѣнецъ сія побѣды носити, но впредь будущихъ [a]) лѣтехъ, а инѣмъ же мнозимъ венцы плетутся.—Князь же великы вкуси хлѣба ихъ, старецъ же повелѣ въ то время воду свящати (съ) мощ(ей) святыхъ мученикъ Флора и Лавра. Князь же великы скоро отъ трапезы въста, преподобный же окропи его священною водою и свѣрхъ христолюбивое войско его и дасть великому князю крестъ Христовъ.— знаменіе на целѣ и рече: Поиди, господине, нарекъ Богу, Богъ да будетъ ти помощникъ и (заступникъ. И) рече ему тайно: Имаши побѣдити враги своя, елико довлѣетъ твоему господьству.—И рече ему князь великый: Дай же ми, отче, два воини отъ полка своего, Пересвѣта [11]), и брата его [б]) Осляба, то ты и самъ съ нами пособьствуеши.—Старець преподобный повелѣ има скоро уготовлятися. Они же послушаніе сътвориша преподобнаго старца и не отвръгошася. И дасть имъ въ тлѣнныхъ мѣсто оружіе нетлѣнное—крестъ Христовъ, нашитъ на скимахъ, и повелѣ има вмѣсто шоломовъ възлагати на собя. И давъ ихъ въ руци великому князю и рече ему: Се ти мои оружницы, а твои изволницы.—И рече имъ: Миръ вамъ, бра-

---

Поправляю ошибки У: [a]) но и минувшихъ; [б]) своего.

тія, постражите, яко добри воини Христови.—И всему православному войску дасть Христово знаменіе и миръ и благословеніе.

Князь же великій обвеселився сердцемъ, не повѣсть никому же, еже рече ему святый старецъ и иде къ граду своему, аки нѣкое сокровище некрадомое нося благословеніе старче. (И) пріеха з братомъ своимъ, съ княземъ Володимеромъ Андрѣевичемъ, къ преосвященному митрополиту Кипріяну и повѣда единому митрополиту, еже рече ему святый старецъ, и како благословеніе дасть ему и всему его войску. Архіепископъ же повелѣ хранити словеса и не повѣдати никому же.

И приспѣвшу четвергу, августа кз[12]), на память святого отца Пимина Отходника, и восхоти изыти противу безбожному царю. Князь великый Дмитрій Ивановичь, поимъ съ собою брата своего, князя Владимера Андрѣевича, и ставъ въ церкви святыя Богородица предъ образомъ Господнимъ, пригнувъ руце къ персемъ своимъ, источники слезъ проливающа и моляся рече: Господи Боже нашъ, Владыко страшный и крѣпкый, воистинну бо ты еси Царь славы, помилуй насъ грѣшныхъ и не остави насъ и не отступи отъ насъ. Суди, Господи, обидящимъ насъ и возбрани борющаа насъ, пріими оружіе и щитъ и въстани въ помощь мнѣ. Дай же ми, Господи, побѣду на противныя враги, да и ти познаютъ славу твою.— И паки приде къ чюдотворному образу Госпожи Царицы, иже Лука евангелистъ написа, еще живъ сый, [13]) и рече: О чюдотворнаа Госпоже Царице, всея твари человѣчьскаа заступнице, тобою воспознахомъ истиннаго Бога нашего, въплощьшагоея и рождьшагося отъ тебе. Не даждь въ разореніе града сего поганымъ еллиномъ, да не осквернятъ [a]) святыхъ (твоихъ) церквей и вѣры

Поправляю ошибки У: [a]) осквернитъ.

христіанскыя. На тя бо надѣемся, еже молитву къ Сыну твоему [а]), яко твои есмя раби. Вѣмъ, Госпоже, яко хощеши и можеши намъ помощи на противныя враги, иже не призирають имени твоего.—И паки иде къ гробу чюдотворному, чюдотворца Петра преблаженнаго, любезно къ нему припадаа, моляся: О чюдотворный святителю Петре, по милости Божіи чюдеса дѣеши непрестанно, нынѣ приспѣ ти время молитися о насъ къ общему [б]) Владыцѣ всѣхъ насъ. Нынѣ убо сугубо ополчишася супостати поганіи на градъ твой Москву, те(бя) бо [в]) Господь намъ прояви послѣднему роду нашему, вжегъ тя на свѣщници высоци, тебѣ бо о насъ подобаетъ молитися, ты бо еси стражь нашь крѣпкый отъ противныхъ нападеній, яко твоа есмя паствина. Скончавъ молитву и поклонися архіепископу. Архіепископъ же отпусти его и благослови его и давъ ему Христово знаменіе и посла богосвященный съборъ съ крылошаны въ Фроловскіе ворота и въ Николскые и въ Костянтиновскіе [14]) ворота зъ живоносными кресты и святыми иконами, да всякъ воинъ благословенъ будетъ ими. Князь же великій Дмитрій Ивановичъ и съ своимъ братомъ, княземъ Владимеромъ, иде въ церьковъ небеснаго воеводы архистратига Михаила и биша челомъ святому его образу и приступиша къ гробу православныхъ князей и прародитель своихъ и рѣкоша: Истиннѣи хранитиліе и православію поборници, аще имате дрзновеніе у Бога, (помолитеся) о нашихъ унынiихъ, яко велико въстаніе приключися намъ и чадомъ нашимъ. И нынѣ подвизайтеся съ нами. И сіа рекъ, изыдоша изъ церкви.

Княгиня же великая Евдокіа и княгини иные, Владиме-

Поправляю ошибки У: [а]) сый; [б]) преосвященному; [в]) передъ *тебя* находится: „въ оружіи крестъ“.

рова (и) иныхъ православныхъ князей княгини, иные воеводскіе жены ту стояще и проводы дѣюще, въ слезахъ и въсклицаніихъ сердечныхъ не могуще слова изрещи. И отдастъ великаа княгиня своему государю, великому князю Дмитрію Ивановичю, конечное целованіе, и (прочая княгини и боярыни и воеводскія жены) отдаша вси (конечное целованіе) своимъ мужемъ и възвратишася съ великою княгинею. Князь же великый мало удръжася самъ отъ слезъ и не давъ ся прослезити, народа дѣля, а сердцемъ слезяще, утѣшаа свою великую княгиню и рече ей: Жено, аще Богъ по насъ, то кто на насъ!

И пакы князь великы взыде на избранный свой конь, и вси князи и воеводы всѣдоша на кони, а солнце ему на въстоци ясно сіаетъ, путь ему повѣдаетъ [15]). А князи бѣлозерьскіе особѣ своимъ полкомъ выехали: изрядно бо видѣти войско ихъ. Князь же великы отпусти брата своего, князя Владимера, на Брашеву дорогу, а самъ князь великы поиде на Котелъ [16]) дорогою. Солнце удобъ грѣетъ ему и по немъ кротки вѣтры дыхаютъ. Сего бо ради разлучися з братомъ своимъ, яко не вмѣстятся дорогами.

Княгиня же великаа Евдокія съ своею снохою и съ всѣми княгинями и съ воеводскими женами взыде въ златоверхній свой теремъ, въ набережныя сѣни, и сѣде на ориндуцѣ, подъ стклянымъ окномъ. Уже бо послѣднее зрѣніе зрить на великаго князя, слезы льюще, аки рѣчную [a]) быстрину съ печалію великою. И приложивъ руци къ персемъ своимъ и рече: Господи Боже мой, призри на мое смиреніе и сподоби мя еще видити моего государя, славнаго въ человецехъ, великаго князя Дмитріа Ивановича. И дай ему, Господи, помощь

Поправляю ошибки У: [a]) черную.

отъ крѣпкыя руки твоея—побѣдити противныя ему, и не сотвори, Господи, якоже за мало лѣтъ брань была на Калкѣ христіаномъ съ агаряны: убилъ тогда православныхъ христіанъ ӯ. Отъ такія бѣды спаси, Господи, помилуй; не дай же, Господи, погибнути еще оставшему христіаньству, да славится имя твое святое. Отъ тоя бо калкинскія побѣды Рускаа земля упыла не имаетъ уже никаа же надежа, токмо надѣемся на всевидящаго Бога. Азъ же имѣю двѣ отрасли еще малы, Василья и Юрья [17]): егда озарить ихъ солнце, ясно сіаа съ юга, или вѣтеръ ихъ подвѣетъ противу запада, обоего не могутъ трьпѣти. Азъ же тогда, что сътворю. Но възврати имъ, Господи, отца ихъ поздорову, то и земля ихъ спасеться, (а) они царствують.

Князь же великый, поя съ собою десять мужь гостей московскыхъ сурожанъ, [18]) видиніа ради, аще (что) Богъ случить ему, имуть повѣдати въ далныхъ земляхъ, яко исходници суще: Василія Капицю, Исидора Олферева, Костянтина, Козму Ковырю, Онтона Елбузина, Михаила Саларева, Тимофея Весякова, Дмитрія Чрьного, Дементія Саларева, Ивана Шиха.

Подвигошася по велицій широцѣй дорози князи, а по онихъ русти сыновѣ успѣшно грядуще, яко медвеныя чаши пити и стеблія виннаго ясти, хотять собѣ чести добыти и славнаго имени. Стукъ стучить и громъ гремитъ по ранней зорѣ: князь Володимеръ Ондріевичь Москву рѣку възится на красномъ перевози на Брашевѣ. [19])

Князь же великы пріиде на Коломну въ суботу на память святого отца Моисея Мурина. Туто же быша мнози воеводы и ратницы, срѣтоша его на рѣцѣ Сиверскіи. [a]) Епископь же срѣте его въ вратехъ градныхъ з живоносными кресты и съ со-

---

Поправляю ошибки У: [a]) Невѣрьстѣ.

боромъ, осини его крестомъ, молитву сътворивъ: Спаси Боже люди своя и благослови достояніе свое. На утріи же князь великый повели всимъ воеводамъ своимъ выехати на поле. Въ святую же недѣлю по заутреніи начаша мнози гласи ратныхъ трубъ*) гласити, и арганы мнози бьюще, и стязи ревуть наволочены у саду у Панфилева. Сынове же рустіи наступиша великыя поля коломенскіе,[20]) яко не вмѣстно бѣ никому же очима прозрѣти: множство бѣ людей.

Князь же великый выеха з братомъ своимъ, княземъ Володимеромъ, и видѣша множство людей, въздрадовася и рече своему брату Владимеру и своимъ братіямъ: Сколко, братіа, вою съ нами? И рече ему князь Володимеръ Ондрѣевичь: Сказываютъ, вою съ нами ӯ кованой рати.—И рече князь Володимеръ брату своему князю Дмитрію Ивановичю: Урядимъ мы коемуждо полку воеводу.—Князь же великый собѣ взя полкъ бѣлоозерскыи князи; правую руку уряди брата своего, князя Володимера, и давъ ему полкъ ярославскіе князи; а лѣвую руку уряди князя Глѣба брянскаго, передовый же полкъ Дмитрій Всеволожь да Володимеръ Всеволожь; коломенскый же воевода—Микула Василевичь, володимерскый же воевода и юрьевскый — Тимофей Волуевичь; костромской же въевода – Иванъ Родивоновичь Квашня; нереславскый же воевода—Андрѣй Черкизовичь. А князя Володимера воеводы: Данила Белеустъ, Констянтинъ Конановичь и князь Федоръ елецкій, князь Юрьи мещерскый, князь Ондрей муромскый.[21])

Князь же великы, урядивъ полки, и повели Оку рѣку возитися и заповѣдавъ коемуждо полку: да аще кто идетъ по Рязанской земли, никто же не коснися ни единому власу

Поправляю ошибки У: *) трубити.

Самъ же, взя благословеніе у епископа коломенскаго, перевозися Оку рѣку; ту отпусти въ Полѣ г҃-ю сторожу, избранныхъ вѣдомцовъ, яко да купно видят(ся) часто съ татарскими стражами: (Семена Мелика), Игнатя Креня, Фому Тынину, Петра Горскаго, Карпу Олексина, Петрушу Чюрикова и иныхъ многихъ вѣдомцовъ.

Рече князь великы брату своему, князю Володимеру: Поспишимъ, брате, противу безбожныхъ тотаръ и не утолимъ лица своего отъ бестудіа ихъ; аще ли смерть прилучится намъ, не проста, ни безъ ума сія намъ смерть; идый же путемъ своимъ, призывая сродники своя на помощь, страстотерпецъ Бориса и Глѣба.

Слышавши же то князь Олегъ рязанскы, яко уже князь великый Дмитрій со многими силами грядетъ на срѣтеніе безбожному Мамаю, наипаче вьоруженъ твердо своею вѣрою еже къ Богу, о всихъ имы упованіе къ Вседеръжителю Богу, и Олегъ рязанскы нача блюстися, съ мѣста на мѣсто преходя и съ единомысленики своими глагола: Аще бы можно намъ послати вѣсть ко многоразумному Олгерду! Противу такоже приключника, како имамъ мыслити, но застали намъ дорогу: азъ бо чаяхъ по прежнему, яко не подобаетъ рускому князю противу восточьнаго царя стояти; и нынѣ убо, что разуміемъ,—откуду ему пріиде помощь, яко противу трехъ насъ вьоружися?—И рекоша ему бояре его: (Господине) княже, за пятнадесять дній исповѣдали, и мы же устыдихомся тобѣ повѣдати: кажуть, въ отчине его есть калугеръ, Сергіемъ зовуть, велми прозорьливъ, той паки вьоружи его и отъ своихъ калугеръ дасть ему пособники на брань. Слышавъ же то Олегъ, велми нача блюсти(ся), на бояря своя яритися и рече имъ: Почто сего не повѣдасте преже, дабы, шедъ, умолилъ

царя нечестиваго, да ничто же бы ся зла сътворилъ. Горе мнѣ, яко изгубихъ си умъ, не язъ бо единъ оскудихъ умомъ, но и паче мене разумѣя Олгердъ; мене же мои помысли обличаютъ Олгердъ бо Гугниваго Петра[22]) законъ латынскый, азъ же разуми святый законъ. Но что ради поползохся, нынѣ (убо) что сотворю и которому благоразумію вдамъ себе: аще убо великому князю восхощу нынѣ побарати, то отинуль не пріиметъ мя, вѣсть бо измѣну мою; аще ли приложуся къ нечестивому, то воистинну древній гонитель буду на Христову вѣру, яко иного Святополка земля пожреть мя, не токмо княженіа лишенъ буду, но и живота гонзну: аще Богъ по нихъ, никто на нихъ, аще молитва оного прозорливаго мниха помогаетъ ему. Аще ли ни единому помощи не сътворю, въ прокъ како могу отъ обоихъ (прожити. Кому Господь поможетъ, къ) тому присягну.

Олгердъ по предреченнымъ своимъ урокомъ събра литвы много и варягъ и жемотѣ (и) поиде на помощь Мамаю. Пріиде же Олгердъ ко Одоеву и слыша, яко князь великій съвокупи воя многи руские и поиде къ Дону и слыша, яко Олегъ убояся, пребы ту оттоли неподвижемъ и нача разумѣти суетныя своя помыслы и видя съвокупленіе свое разно, нача рватися и сердитися и нача молвити: Елико недостоитъ человѣку мудрости, всуе чюжую мудрость требуетъ, николи же Литва отъ Рязани учима бѣ. Нынѣ же изведе мя (на погибель), а самъ паче погине. Нынѣ пребудемъ здѣ, донелѣ же услышимъ московскія[a]) побѣды.

Въ то же время[23]) слыша то князь Ондрѣй полоцкый и князь Дмитрій брянскій Олгердовича, яко велико настоитъ

Поправляю ошибки У: [a]) моръскіе.

попеченіе князю Димитрію московскому и всему православному христіанству отъ безбожнаго Мамая и отъ дѣтска мысляще, коего отцемъ ненавидима, но паче Богомъ любима: бѣста бо окрещены отъ мачехи Анны княгини; бѣста бо, аки нѣкія класы доброплодныя, терніемъ подавляеми, живуще средь нечестивыя, не бѣ имъ достойна плода сътворити. И посла Ондрѣй къ Дмитрію тайно буквицу малу, въ ней же написано бѣ: Брате мой возлюблены, яко отецъ нашъ отверзе насъ отъ себе, но паче Господь небесный возлюби насъ, давъ намъ законъ свой, ходити по нему, отреши насъ пустошныхъ суетъствъ. Скончаемъ убо подвигъ добръподвиженъ къ Христу, началнику бо христіанству: и великому князю московскому велика туга належить отъ поганыхъ измаильтянъ. Но еще отецъ нашъ побараетъ нань, и Олегъ рязански приводитъ ихъ. Намъ же подобаетъ сіа свершити: братіе, въ бѣдахъ пособиви бывайте; но смышляемъ себѣ—отцу противитися намъ. Рече же евангелистъ Лука усты Спасителя нашего: предани будете родители и братіею и умертвитеся, имени моего ради. Нынѣ убо подвизаемся, брате, не земного ради живота, но небесныя чести желаа, юже Господь даетъ творящимъ волю его.—Прочетъ же князь Дмитрій писаніе брата своего старійшаго и нача радоватися и отъ радости плакати и глагола. Владыко человѣколюбче, даи же рабомъ твоимъ хотѣніе свершити, ити путемъ подвига сего добраго, еже открылъ еси брату моему старѣйшему. И рекъ се: Повелику рцыте брату моему, князю Ондрѣю, готовитися днесь противу наказанію. Брате господине, колико есть войска моего купно, Божіимъ промысломъ съвокупленыхъ ради браней, належащихъ ему отъ дунайскыхъ варягъ. Нынѣ рцы(те) брату моему: слышахъ бо, яко придоша ко мнѣ отъ

северы медокупцы[а]), а кажуть великаго князя (уже) на Дону, яко день пребысть, ту бо ждати хощеть злыхъ сыроядцовъ своихъ. Подобаеть ти ити къ северѣ и ту совокупитися намъ ити путемъ: отца нашего утаимся, да не възвратить насъ студно.

По малехъ же днехъ сьехашася оба брата съ всими силами своими къ северѣ, видивше (же ся. и) въздрадовашеся, якоже иногда Іосифъ съ Вениаминомъ, видѣвше у себѣ множество людіи. И рече князь Ондрѣй: Брате Дмитрій, колко съ нами вою удалыхъ людей и храбрыя Литвы?—И рече князь Дмитрій: Вою съ нами седмьдесять тысящь кованой рати удалыя Литвы, учрежены бо, яко нарочиты противныя полцы. — И приспѣша на Донъ борзо суще, наѣхаша великого князя съ быстріа еще на Дону, на мѣстѣ, реченомъ Березой, и ту съвокупиша съ княземъ великимъ[б]). Князь великый Дмитрій з братомъ своимъ, княземъ Володимеромъ, въздрадовашеся радостью великою силы Божьи, яко неудобно бѣ таковой вещи быти: дѣти отца оставляють поругавшеся, яко же иногда вълсви Ироду, (и) пріидоша на помощь къ намъ. И многими дары почтить ихъ князь великый, и поидоша на путь, радующеся и веселящеся о Святемъ Дусѣ, земнаа уже вся отвргъше, чающи бесмертнаго. Рече же имъ князь великый: Братіе милаа, коея ради потребы пріидосте сѣмо? Они же рекоша: Господь посла насъ на твою помощь.—Князь же великій рече: Въистинну ревнители праотца[в]) Авраама, яко тайно Лотови[г]) поможе вскоре.

И паки князь великы Дмитрей вѣсть посла къ преосвященному митрополиту Кипріяну, яко Олгердовичи князи придоша ко мнѣ съ многими людми, отца своего оставиша.

Поправляю ошибки У: [а]) мѣдьвезьшь; [б]) князми великими; [в]) правъ отца; [г]) лютови

Сій же вѣстникъ приде скоро къ преосвященному митрополиту. Митрополитъ же, (слышавъ то), прослезися, нача молитву творити: Господи Владыко человѣколюбче, яко супротивніи наши вѣтри на тихость приложишася. – Посла въ вся церквы и монастыря сугубы молитвы творити день и нощь къ Вседеръжителю Богу нашему, наипаче же въ обители игумена Сергія. Княгиня же великаа Евдокія, слышавъ то Божіе великое милосердіе, нача милостыни творити убогымъ. Сіа же оставимъ и на предняя взыдемъ.

Великому же князю бывшу на мѣстѣ, нареченомъ Березой [24]), яко за двадесятъ и три поприща до Дону, приспѣ же день сентября мѣсяца въ е҃, на память святого пророка Захаріи и память сродника великаго князя Глѣба Владимировича убіеніе, пріехаша два отъ стражь его: Петръ Горскы да Карпа Олексинъ, приведоша языкъ нарочитыхъ отъ сановитыхъ царева двора. Тои же языкъ повѣдаетъ: уже царь на Кузмини на гати, ожидаетъ Олга рязанскаго и Олгерда литовскаго, а твоего събраніа не вѣсть царь, ни сретеніа твоего не чаетъ по предписанн(ым)ъ ему Олгердовымъ книгамъ; по трехъ же днехъ имать быти на Дону.—Князь же великы въспроси его о силѣ царевѣ. Онъ же рече: Несчетно бо множество. Князь же великый нача думати з братомъ своимъ, княземъ Владимеромъ и съ литовскими князми, (глаголя): Здѣ ли паки пребудемъ, или Донъ перевеземся [а])?—И рекоша же ему Олгердовичи: Аще хощеши, княже, крѣпка войска, то повели возитися за Дону, то нѣсть ни единаго помышляюща вспять, а велици силы ничего вѣщати, яко не въ сили Богъ, но въ правдѣ: Ярославъ перевезеся [б]) рѣку, Святополка побѣди, и пра-

---

Поправляю ошибки У: [а]) перевозимся; [б]) перевозися.

дѣдъ твой. яко и великій Александръ. иже[а]: рѣку перебреде. короля побѣди: тебѣ же. царю. Бога. такожъ творити подобаетъ: аще побѣдимъ. то спасемся. аще ли умремъ. то вси общую смерть прiимемъ отъ князя и до[б] простыхъ людей. Тебѣ же государю великому князю подобаетъ оставити смертная помыслы. уже подобаетъ буйнымъ словомъ глаголати крѣпчайши войскомъ нашимъ видѣти множеству избранныхъ твоихъ.

Князь великій повелѣ всѣмъ Донъ возитися. Вѣсти же ускоряютъ. яко приближаются поганiи. Мнози же сынове русстіи начаша радоватися. зряще своего желанiя подвига. За мнози дни прiидоша мнози волцы на мѣсто то выюще по вся нощи непрестанно. гроза же велика бысть: храбрымъ же сердце укрѣпляется. но унынимъ слышати русскимъ укрѣпиша.[в] а уншимъ еще множимъ брань необычны. И врани мнози събрашася ту. не умолкоша грающе. галици же съ войскы гласяху. орли же мнози събрашася. отъ усть Дону слетѣша. тако и ту кличуще. ждуще того дни грозного. богоизволеннаго. вонь же имать пасти трупъ человѣчь. вселенныи кровопролит(iя). яко морстiи воды. Отъ таковаго страха и велiа грозы древа преклоняхуся и трава постилашеся[25]. Мнози же унываютъ. видяще предъ очима смерть. Поганiи же съ студомъ начаша омрачатися о погибели живота своего. понеже умреть нечестивый (и) погибнетъ память его (съ) шумомъ. Правовирнiи же человѣцы наче процвѣтоша, радующеся и чающе свыше оного обѣтованiа прекрасныхъ вѣнцовъ, о нихже прорече преподобный Сергiй.

Вѣстници же прискоряють, яко приближаются напрасно безаконiи: яко s-й часъ приближи, (прибѣже Меликъ)[г]) з дружиною своею. по нихъ же татарови толико гониша безстудно.

Поправляю ошибки У: [а]) въ Р²: „Нжеру". [б]) от [в]) укромѣша: [г]) изъ другихъ списковъ: въ У: приближими ся.

но и полци наши вѣдѣша, возвратишася, выѣхавше на мѣсто высоко[26]), видиша полци наши и скоро къ царю своему возвратишася: Божьимъ промысломъ много видѣша людій и повѣдаша царю своему, яко четверицею множае ихъ.— Онъ же, нечестивый царь, ражженъ діаволомъ на свою пагубу, крикнувъ напрасно, испусти гласъ свой: Тако ми сила моя великаа, аще сего не одолію, то како имамъ возвратитися. (И) повели царь своимъ въоружитися.

Семенъ же Меликъ поведа великому князю Дмитрію, яко на Гусини броду пріидоша татарови, уже за едину нощь (межь) себя, утро бо имутъ пріити на Непрядву[a]), тебѣ же подобаетъ, великому князю, исполчитися, да не ускорять поганіи.

Наченъ же князь великый Дмитрій з братомъ своимъ, съ княземъ Володимеромъ и съ литовскими князми, съ Ондріемъ и з Дмитріемъ Олгердовичи до ѕ҃-го часа полци учрежати. Есть бо воевода прежній съ литовскими князми, именемъ Дмитрій Боброковъ, родомъ земли Волынскые. Сіи же нарочитъ бысть полководецъ, велми урядиша полци и поставиша по достоянію, елико гдѣ коему подобаетъ стоати.

Князь же великы Дмитрій, поимъ брата своего, князя Володимера и литовскіе князи и вси рускіе князи (и) воеводы, и възыдоша на мѣсто высоко и видѣша образы святыхъ, иже суть въображены на знаменахъ, аки нѣкыи свѣтильници свѣтящеся, яко облаци, и тѣ бо хотятъ промолвити. И богатыри же рустіи и хорюгови, яко живи пашутся, доспѣхи же рустіи, аки вода отъ вѣтра колеблется, а шоломы на главахъ ихъ, аки утреняа зоря свѣтящеся во время ведра, еловци же ше-

---

Поправляю ошибки У: [a]) недву.

*

ломовъ ихъ, яко пламень огненый колебашеся[27]). Дивно бо видити и ужасно зрѣти таковыхъ рускыхъ сыновъ събраніе таковаго учреженія: вси бо равніи единодушно (и), единъ бо за единаго умрети хощеть, и вси единогласно глаголюще: Боже, съ высоты призри на ны и даруй православному князю нашему, яко Костянтину, побѣду и покори подъ нози его врага[a]) Амалика. Рекоша же литовскіе князи собѣ: Нѣсть бо достойна таковаго войска (ни) при насъ, ни прежъ насъ, (ни) по насъ, подобни бо суть македонскому войску: Господь своею силою въоружи ихъ.

Князь же великы, видѣвъ полци по достоянію учрежены, и, сшедъ съ коня, паде на земли зелени прямо великому полку черному[28]) знамени, на немъ же въображенъ образъ Владыки нашего Христа, въздохнувъ из глубины душа и нача звати велегласно: Владыко Вседръжителю, вѣждь смотрителнымъ окомъ на люди сія, иже твоею десницею сътворены суть и твоею кровію искуплени суть отъ работы дьяволя[б]). Внуши гласъ молитвы, отврати гнѣвъ свой на нечестивыя, иже творять злаа рабомъ твоимъ. Молю бо ся образу твоему святому и пречистой твоей Матери и твердому и необоримому молебнику, иже о насъ, Петру, на его молитвы надѣемся, смѣемъ призывати имя твое святое. И по молитвѣ всѣдъ на конь свой и нача по полкомъ ездѣти съ князми своими и въеводами и коемуждо полку рече своими усты: Братья моя милая, сыновѣ христіанстіи отъ мала и до велика, уже бо нощь[в]) (при)спѣ, а день приближися грозны, и въ сію же нощь бдѣте и молитеся, мужайтеся: Господь силенъ въ брани. И здѣ пребудете кождо на мѣстехъ своихъ не мятущеся, утро бо неудобь мощно, како

Поправляю ошибки У: [a]) враги; [б]) аристора; [в]) утро.

чредитеся: уже бо гости наши ближе суть на рици на Непряднѣ ополчишася, утро бо имамъ вси пити общую чашу, ту намъ имать Богъ повѣденыя, еяже еще друзи мои на Русь вжелѣша уповати на Бога живаго, да миръ вамъ буди, братія, (еще бо утро) ускоряють[а]) з братіею своею, съ всими князми рускыми.

И отпусти брата своего, князя Володимера, вверхъ по Дону въ дуброву, яко да утаитися[б]) полку его, и давъ ему достойны своего двора вѣдомцы[в]); еще же отпусти съ нимъ извѣстнаго своего воеводу Дмитрія Волынца[29]).

Уже бо нощь приспѣ противъ свѣтоноснаго праздника Рожства святѣй Богородицы. Осени же тогда удолжившися, съ лѣтними дни свѣтящеся, бысть же теплота и тихость въ нощи же той и мраци и[г]) роси; поистенѣ речеся: нощь не свѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ просвѣщается.

Рече же Дмитрей Волынець великому князю: Еще, господине, прими ту свою искусу[30]) Уже бо нощи глубоцы и зоря изгаше, Дмитрій же, всѣдъ на конь, поимъ съ собою великаго князя Дмитрія и выехавъ на поле Куликово и ста посреди обою полку и обратися на полкъ татарскы и слышавъ стукъ великъ и кличь, яко торгъ снимается и яко градъ зижется, яко труба гласитъ; и зади ихъ волци выюще грозно велми; и по десной же страни вѣрнѣй кличюще; и бысть трепетъ (и шумъ), птоци (sic) велики и ворони вельмиграюще, по рѣци же той Непрядни гуси, лебеди крилами плещуще, необычно грозу подающе. Рече же Волынецъ: Призываю васъ, княже, обратися на полкъ рускый.—Бысть тихость велика. И рече же Волынецъ великому князю: Что слышали есть?—

Поправляю ошибки У: [а]) ускоряетъ; [б]) утаився; [в]) достойна... вѣдомца; [г]) мразни.

И рекоша: Ничто же, токмо вѣдѣхомъ отъ множества огневъ снимахуся зари.—И рече Волынецъ: Остави, княже, огни бо добро знаменіе, призывай Бога и не оскудѣй вѣрою. Ино, рече, еще ми примѣта есть.— Сниде съ коня и паде на десное ухо, къ земли приниче и прилегъ на долгъ часъ и въста, а(біе) поничe. И рече князь велики: Что се, брате Дмитріе?— Онъ же не хотя сказати ему. Князь же великый понуди его. Онъ же рече: Едина есть на ползу, другая скръбна: слышахъ землю, плачущю надвое: (едина бо) страна, (аки нѣкая жена напрасно) пла(чущи ельлинскымъ гласомъ), чадъ своихъ, другая же страна, аки нѣкая дѣвица (едино просопе), аки свирѣль (плачевнымъ гласомъ). Азъ же, великый княже, множество тѣхъ примѣтовъ испытахъ, сего ради надѣюся на Бога (и святого) мученик(у) Бориса и Глѣба, сродниковъ вашихъ, (чаю поганыхъ побѣды, а крестьяномъ многое) паденіе будетъ.—Слышавъ же то князь великій прослезися велми и рече: Да будетъ побѣжденіе, Господи. — Волынецъ же рече: Княже государю, не подобаетъ въ полцахъ сего повѣдати (никому же), но токмо (повели) Богу молитися и святыхъ его призывати и рано заутра вели всѣмъ подвизатися на коня своя и крестомъ Христовымъ вооружитися, то бо есть непобѣдимое оружіе на (противныя) [a]).

Въ ту же нощь нѣкто мужь (разбойникъ) былъ, именемъ Фома [31]), отъ великаго князя на рѣци на Чюру на Михаилови [32]), мужства его ради, на крѣпкой стражи стоя отъ поганыхъ. Сего увѣряя Богъ откры ему въ нощи вѣденіе велико, яко на высоти облако види изрядно, аки нѣкый полкъ отъ востока,

---

Поправляю ошибки У: [a]) Со словъ: „Едина ест на ползу“... въ У нѣтъ листка, вставленъ другой и на немъ написанъ другимъ почеркомъ текстъ испорченный.

великъ зело, отъ полуденныя страны пріидоша уноши свѣтли, имуще въ рукахъ меча остры и ркуще полковникомъ: Кто вамъ повели отчину нашу требити, еже намъ дарова Богъ.—И начаша сѣщи, ни единъ отъ нихъ не избысть. Оттолѣ же человѣкъ тотъ увѣренъ бысть и целомудръ. И на утріи же повѣда великому князю единому. Князь же великій рече: не повѣдай никомуже вѣдиніа, отче.

Самъ же въздѣвъ руци на небо, нача съ плачемъ глаголати: Господи Владыко человѣколюбче, молитвами святыхъ твоихъ страстотрьпецъ Бориса и Глѣба, помози намъ, якоже Моисѣю [а]) на Амалика, яко Давид(у) на Голіафа и пръвому Ярославу на Святополка и прадиду моему, великому князю Александру, на хвалящагося римскаго [б]) короля, разорити его отчества. Не по грѣхомъ моимъ въздажь ми, Господи, но призри на ны милостію своею. Не дай же насъ въ покореніе врагомъ нашимъ, да не порадуются [в]) о насъ, ни да не рекутъ страни невѣрныхъ: гдѣ есть Богъ ихъ, на него (уповаша). Но помози, Господи, христіанству, да славится имя твое святое.

Приспѣвшу же великому празднику Рожству святыя Богородица, свѣтающю пятку, въсходящу слънцу, бысть же утро мгляно. Начаша (стязи) христіанстіи (простиратися), труби мнози гласитися, уже бо рускы князи укрѣпишася гласомъ трубнымъ, кождо подъ своимъ знаменіемъ идяше по поученію великому. Часу же второму уже наставшу, начаша гласи трубныя отъ обоихъ странъ сниматися, тотарскыя же трубы и рускыя, яже утвердишася. Не бѣ бо полкома еще видитися, яко утро мгляно, толми земля грозу подавающи, на встокъ до моря, а на западъ до Дону, поле же Куликово прегибающеся.

Поправляю по Р. [а]) Мусіа; [б]) суромскаго; [в]) прорадуется.

Рѣкы же отступиша изъ мѣстъ своихъ, яко николиже бысть тако множество людей *) на мѣстѣ томъ [23].

Великому князю препадшу на избранный конь и нача ѣздити по полкомъ съ слезами глаголаше: Отцы и братія, Господа ради подвизайтеся, святыхъ ради церквей и вѣры христіанскыя: сія бо смерть намъ животъ вѣчный. Ничто же земнаго помышляйте, не уклонимся убо на свое, но вѣнци побѣдными **) увяземся отъ Христа Бога, Спаса душамъ нашимъ.— Но утвердивъ полкы и пріиде подъ свое знамене черное, сниде съ того коня, на иного всѣдъ, облачася приволокою царскою. Той же конь дасть подъ Михаила Ондрѣевича [24]) и ту приволоку на него возложи, бѣ бо ему любимъ паче меры, и то знамя повелѣ рындѣ своему надъ нимъ возвысити. По тому знамени убіенъ бысть Михаилъ за великого князя.

И по семъ ста князь великій на мѣсте своемъ, вложи руку свою въ пазуху свою, вынемъ животворящій крестъ, на немъ бѣ изображены страсти Христовы, въ немже бѣ животворное древо, въсплакався горко и рече: Тебѣ уже конечному надѣемся животворящему кресту, иже симъ образомъ явися православному царю Констянтину, егда ему на брани сущу съ нечестивыми и силныхъ вразехъ твоихъ, образомъ симъ побѣди ихъ. Ты же, Господи, укажи милость свою на рабѣ своемъ.

И се ему глаголющу, и въ то же время принесоша ему книги [25] отъ преподобнаго игумена Сергія, въ нихъ же бѣ написано: Великому князю и всѣмъ рускимъ княземъ и всему православному христіанству — миръ, благословеніе преподобнаго старца.— Князь же великій, пріимъ въ любовно посольника

[illegible] листа 3: *) „[illegible]“—„[illegible]“ **) побѣдными

того, тѣмъ же писаніемъ, аки нѣкимъ оружіемъ, укрѣпися. Еще же дасть ему знаменіе отъ старца—посланый хлѣбецъ богородичный. Потребивъ же хлѣбъ святый и простеръ руци на небо, възпи велицимъ гласомъ: Велико имя пресвятыя Троици. Пресвятаа Госпоже Богородице, помогай мнѣ тоа молитвами и игумена Сергія.—Абіе пріемъ копіе свое и вземъ свою палицу желѣзную, подвижеся исъ полку и въсхоти самъ прежъ почати отъ горести душа своея за свою великую обиду. Мнози же рустіи богатыри удръжавше его, възбраняше ему ркуще: Не подобаетъ тебѣ, великому князю, самому въ полку битися, тобѣ подобаетъ особѣ стояти и насъ разсмотряти, предъ кимъ намъ явитися; егда посѣтитъ тебе Богъ, великаго князя государя, милостіею своею, то время чести, по чему разумѣти, кому даровати достойныя чести. Мы же готови есмя вси главы своя скласти днесь за тебе, великого князя. Тебѣ же, великому государю, подобаетъ рабъ своихъ (разсмотрити), елико ти послужимъ головами своими, памяти творити, якоже Левонтій царь Федору Тирону, во книги съборныя написати, памяти ради рускимъ же сыномъ, иже по насъ будутъ. Аще[а]) (тя) единого изгубимъ, то отъ кого[б]) чести имамы и царове обрести; аще вси спасемся, (а) тобя единаго оставимъ, кій успѣхъ намъ, аки стадо овець, не имый пастухи, праздны разгонимы, предоша дивіи звири, распудиша, елико кто хощетъ. Тебѣ же, господине, спасти себѣ подобаетъ да и насъ.—Князь же великы прослезися о семъ и рече имъ: Братіа моа добраа, и рѣчи не могу отвѣщати: мене бо вы ради вси подвигостеся, како могу видѣти васъ побиваемыхъ, прочее къ тому не терплю, мене бо ради единого общую чашу имате пити. Аще ли спасенъ буду

Поправляю ошибки У: а) еще; б) того.

съ вами же, но да вси встанемъ.—А передовые же полци выступиша на насъ, и нашъ передовый полкъ выеде—Дмитрей Всеволожъ, да Володимеръ, братъ его; съ правую же руку иде Микула Василевичь съ коломничь и с ыными князми. (Поганіи) по нихъ же бредуть оба полъ: нѣту бо имъ мѣста, гдѣ раступитися.

Безбожный же царь выеха на высоко мѣсто съ треми князми, зря пролитія крови человѣчьскыя

Уже близь себе сходящеся. И выиде печенегъ исъ полку татарскаго[36]), подобенъ древнему Голіафу, предъ всими мужствомъ являяся. Видѣвъ его Александръ, рекомый Пересвѣтъ чернець, иже въ полку Володимерѣ Всеволожи, подвигся же исъ полку и рече: Се человѣкъ ищетъ себѣ подобна, азъ хощу съ нимъ видитися. И бѣ на немъ шоломъ вооруженъ архангильскаго образа и схима подъ шоломомъ его, по повелѣнію игумена Сергія, и рече имъ: Отци и братіа, простити мя, и брате Ондрѣй Ослеба, моли[а]) за мя Бога, и игуменъ Сергій, помогай мнѣ молитвою. Онъ же устремися крѣпко противу его. Христіани же кликнуша: Боже, помози рабу своему. Съѣхавжеся, ударившеся крѣпко, одва мѣсто подъ ними не проломишася, и спадоша оба съ конѣй своихъ на землю, ту скончашася оба.

Наставшу же г҃-му часу дни, видивъ же то князь великый, рече своимъ: Уже, братіе, гости наши приближилися, уже бо водя(тъ) собѣ поведеную, иніи же отъ нихъ уже испиша[б]) и весели быша, уже бо время подобно и часъ приде[37]). Ударища и каждо ихъ по коню своему и кликнуша единогласно: Съ нами Богъ! И паки рѣша: Боже милостивый, помози намъ! — Печенеги же свои скликнуша. И ступишася, крѣпко бьющеся,

---

Поправляю ошибки У [а]) молити; [б]) спаша.

по сами отъ себе розбивахуся, подъ конскими ногами умираху, отъ великія тѣсноты задыхахуся, яко немощно бѣ вмѣститися на поли Куликови. Еще мѣсто то тѣсно межи Дономъ и Мечею. На томъ поли силніи полки сступишася, изъ нихъ же выступиша кровавыя зори отъ облистаніа мечнаго; великъ стукъ бысть и звукъ отъ копейнаго[a]) ломленіа, яко не мощно бѣ слышати, ни зрѣти того грознаго и горкаго часа, въ колико тысящь създаніа Божія погибаетъ, воля же Господня съвръшается. И не ослабляюще христіанѣ и печениги бьющеся[38]).

Уже ѕ-му часу наставшу, Божіимъ попущеніемъ, а нашихъ ради грѣхъ начаша одолѣвати поганіи. Уже бо мнози отъ сановитыхъ побіени быша рускихъ сыновъ, аки древеса дубравнаа прекланяхуся на землю, мнози главы христіянскіа сотрошася. Самого великаго князя велми уязвиша. Онъ же нужею склонися съ побоища, яко не мощно бѣ ему. Божіимъ же попущеніемъ, стязи же подпинающе великого князя, поганіи да не истребиша, но еще крѣпляшеся[39]).

Се же слышахомъ отъ вѣрнаго сего самовидца, сіи же бысть отъ полку княже Володимерова Ондрѣевича. Повѣда видѣніе великому князю: въ шестую годину дни видѣхъ бо надъ ними небо отвръсто, и зде облакъ багрянъ и заря надъ ними подержащеся; той же облакъ исполненъ рукъ человѣческъ, кааждо рука дръжаше вѣньци, ова же яко проповѣдническа и пророческа, ины же, яко нѣкія дарове. Егда же наставшу ѕ-му часу, мнози венцы отъ облакъ того опустишася на главы христіаньскія.

Поганіи же заидоша всюду, христіянстіи же оскудѣша: уже мало христіанъ, но все поганіи. Видѣвъ же то князь

Поправляю ошибки У: [a]) конпаго.

Володимеръ Андрѣевичъ [40]) великую пагубу христіанскую, аки класы пшеничніи пожинаеми, терніе же растяше и буяюще. Благородный же князь Володимеръ не мог(ій) побѣды трьпити зря и рече Дмитрію Волынскому: Брате мой Дмитріе, что убо ползуеть стояніе наше и что нашь успѣхъ будеть, то уже кому имамъ помощи.—И рече ему Димитрій: Бѣда велика, княже, не уже приде година, начинная бо безъ времени, вредъ себѣ пріимемъ, мало убо потрьпимъ, да время получимъ и отдадимъ въздаціе противникомъ, толко Бога призывайте. Осмаго же часа година приспѣ, въ онь же имать Богъ благодать свою подати христьяномъ. а князь же Володимеръ Андрѣевичь въздѣвъ руци на небо и рече: Боже Отець нашихъ, сотворивый небо и земьлю, не престаа бо врагъ на ны крамолы дѣюще, не предай же, Господи, врагомъ нашимъ порадоватися о насъ, мало наказавъ, много помилуй. Сынове же полку его плачущеся, видяще друзи свои избиваемѣ, непрестанно сѣкущеся, яко звани на бракъ сладкаго вина пити. Волынець же възбраняя имъ: Пождите, братья, мало, мудріи сынове рустіи, есть вамъ когда и възвеселитися.—Приспѣ же осмый часъ, абіе духъ потягну ззади насъ. Въспи же Волынець гласомъ веліимъ: Княже Володимеръ, часъ приде, время приближися! — И рече: Братья и друзи, дързайте, сила бо Святаго Духа помогаеть намъ.—Единомысленни же друзи выехаша изъ дубровы зелены, аки соколы изучены, ударишася на многи на жоровины стада. Тако сіи крѣпціи мужи, направлени разумнымъ своимъ воеводою: бѣху бо, яко отроци Давидови, имъ же сердца бѣша, аки лвовы, поистиннѣ образъ имуще, аки на овцины стада пришедше. Поганіи кликнувше: Увы намъ, христіани умудриша насъ: уншіи [a])

Поправляю ошибки У: [a]) они.

бо съ нами бранишася, а добріи вси съблюдошася.—И паки обратишася и даша плещи и побѣгоша въ поле неуготованными дорогами въ лукоморіе, скрегчюще зубы своими, дерущи лица своя. Сынове же рустіи силою Святого Духа и помощію святою Бориса и Глѣба біяху, поганіи же прекланяхуся, аки трава отъ косы. Они же бѣжаще, глаголюще по половецки: Увы и тебѣ, Мамаю! Възнесеся высоко и до ада сшелъ еси.—Мнози и же язвени бѣша[a]). Христіани же сѣкуще безъ милости ихъ, и ни единъ же могій избыти, бяху бо кони ихъ потомлены.

Мамай же, видѣвъ побѣду свою, нача призывати боги своя Перуна, Ираклія, Салавата, Хурса[41]) и великого пособника Махъмета, и не бысть ему помощи отъ нихъ: сила бо Святого Духа, яко огнь, попаляетъ ихъ, рускими руками посѣкаеми. Мамай же, видивъ новые люди, и рекъ своимъ: Побѣгнемъ, ничто же бо добра не имамъ, аще ли свои головы упасемъ.—Абіе побѣже съ четырми мужи. Мнози же гнаша по немъ, но не одолѣша: близъ бо (нощи) суще. Того ради обратишася гнавшеи. Трупія же мертвыхъ оба полъ рѣки Непрядни, идеже была непреходна, сирѣчь глубока[42]), наполнися трупу поганыхъ: сіи бо суть отъ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, о нихъ же (повѣда Ѳома). Гнавше, възвратившеся подъ свое знамепіе.

Князь Володимеръ Андрѣевичъ ста на костехъ подъ чернымъ знаменемъ и не обрѣте брата своего, великаго князя въ полку, токмо литовскіе князи, и повели трубити събранною трубою. Пожда часъ[б]) и не обрѣте брата своего, нача плакатися, по полкомъ ѣздячи самъ, и не обрѣте великого князя. Нача гла-

Поправляю ошибки У: [a]) рѣша; [б]) въ часъ.

голати: Братія моя, кто увѣда, или кто слыша своего пастыря, топере пораженъ пастырь, разъѣдутся овцы, кому сіа честь довлѣетъ. —И рекоша ему литовскіе князи: Мы мнимъ, яко живъ есть, уязвленъ велми, егда въ трупи мертвыхъ будетъ. — Онъ же рече: Азъ видѣхъ его въ ё часъ бьющеся палицею своею желѣзною крѣпко; послѣ того еще видѣхъ его бьющеся съ четырме печениги, належахутъ болему велми. — Иные, инъ же глаголаше, именемъ Стефанъ Новоселскый, той рече: Азъ видихъ его передъ самимъ приходомъ (твоимъ), пѣша идуща съ побоища, уязвлена велми, того ради не могохъ ему помощи, (понеже) гонимъ бѣхъ треми татарины, но милостію Божіею одва отъ нихъ спасохся[a]), а много пострадахъ отъ нихъ. — И рече князь Володимеръ: Братья и друзи, аще кто обрящеть брата моего жива, то истинѣ въ первыхъ будетъ у насъ.

Рачителніи же отроци раскочишася по повелѣнію по грозному побоищу, ищуще побѣдителя. Овіи же наидоша Михаила Опърѣевича Бренка убита въ приволоки великого князя и въ шоломи; инѣи же наидоша Федора Семеновича белоозерскаго, чающе великимъ княземъ, зане прилѣченъ бѣ ему. Два же нѣкаа воина уклонишася на десную страну къ дубрави, единъ именемъ Федоръ Субуръ[43]), а другій (Григорей) Холопищевъ[б]), оба родомъ костромици, мало ехавъ съ побоища, наехаша великого князя бита велми, отдыхающа подъ сѣченымъ древомъ березовымъ. Вѣдиша его и спадоша съ коней и поклонишася ему.

Събуръ же скоро възвратися къ князю Володимеру и рече: Князь великый здравъ есть, царствуетъ въ вѣкъ. — Се же слышавъ князь великый Володимеръ и воеводы, сскочишася и па-

---

Поправляю ошибки У: [a]) спасохомся; [б]) Василищовъ.

доша на ноги его, глаголюще: Радуйся, княже нашъ, другій Ярославъ, новый Александръ, новый побѣдитель врагомъ, сея же побѣды честь тебѣ довлѣетъ.— Князь же великій одва рече: Что есть, повѣжь ми.— Рече же князь Володимеръ: Милостію Божію и пречистыя его Матери и молитвы къ Богу сродникъ нашихъ, святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и молениемъ святителя Петра и способника нашего и въоружителя Сергія—тѣхъ всѣхъ святыхъ молитвами побѣжени суть врази наши, мы же спасохомся.— Князь великый, слышавъ, въста и рече: Сій день, иже сотвори Господь, въздрадуемся и возвеселимся вонь.—И паки: Вси веселитеся, людие, велій еси, Господи, и чюдна суть дѣла твоя: вечеръ въдворится плачь, и заутра радость.—И паки рече: Хвалю тя, Боже мой, и почитаю имя твое святое, яко не далъ еси насъ въ погибель врагомъ нашимъ, не далъ еси похвалы иному языку. Но суди, Господи, по правди моей, азъ же въ вѣки уповаю на тя. И приведоша ему конь[44]) и поеха па побоище[45]), вѣдѣ войска своего бита много, а четверицею поганыхъ, и обратився къ Волынцу, рече: Воистину, Дмитрее, не ложь твои примѣты, подобаетъ ти всегда воеводою быти.—И нача з братомъ своимъ, княземъ Володимеромъ и со иными князми оставшими (по) побоищу ѣздити и сердцемъ стеняше и слезами умываася. Ехавъ же па мѣсто, идѣже лежать осмей князей бѣлоозерскихъ, вкупѣ побитыхъ, толми бысть крѣпко бишася: единъ единого ради умре. Ту же близъ лежить Микула Василевичъ. Надъ ними же ста князь великый, надъ любезными рабы, много нача плакати, глаголя: Братіа моя, князи рустіи, аще имате дързновеніе, Господа помолите о насъ, видѣ бо, яко послушаетъ васъ Богъ, аще съ вами вкупѣ будемъ.—И паки пріехавъ на мѣсто, видѣвъ своего наперстника, Михаила

Ондріевича Бренка, близь его лежаща твердаго стража Семена Мелика, близъ же ихъ лежить Тимофѣй Волуевичь. Надъ ними же ста князь великій плачася и рече: Брате мой възлюбленный, мене ради убіенъ еси, кто бо таковъ, государя дѣля, самъ на смерть дася, подобенъ же бѣ (древнему Авису),[а]) иже отъ полку Дарьева перскаго, той тако сътвори.—И тако Семену Мелику[б]) рече: Крѣпкый мой стражь, твердо пасомый есмя тобою. – И пріеха на иное мѣсто, види Пересвѣта чернца, близъ его нарочита богатыря, и, обратився, рече къ сущимъ съ нимъ: Видите, братья, начиналника[в]), той бо побѣди подобна себѣ, отъ того было многимъ пити горкую чашу.—И повели на мѣсти трубнымъ гласомъ трубити и люди съзывати. Храбрыя, спрятавше оружья отъ сыновъ измалтеньскыхъ, и отъ всѣхъ странъ грядущіи подъ трубный гласъ и весело ликующе, поюще крестніи стиси, а иные богородичныи, а овіи мученичны. И видѣ людемъ събраннымъ всѣмъ и литовскіе князи и вси князи руские оставшеи и боярѣ мѣстныа, и ста посреде ихъ, плача и радуяся, глаголаше: Братья моа, князи рустіи, бояри мѣстныя и сынове всея Русіи, вамъ подобаетъ служити, а мнѣ васъ хвалити и по достоянію почьстити, внегда почьсти мене Господь Богъ. А буду на столѣ, то имамъ васъ даровати.—И рече князь великый Дмитрій Ивановичъ своему брату князю Володимеру Андріевичю: Грозно бо, брате, въ то время посмотрити, лежитъ трупъ христіанскый, аки сѣннѣи стоги. А Донъ рѣка кровію текла г҃ дни, а рѣка Мечь вся запрудилася трупомъ тотарскимъ.

Поправляю ошибки У: [а]) въ У и Р этого нѣтъ; [б]) Семелику; [в]) печалника.

И рече князь великій Дмитрій Ивановичь: Считайте, брате [46]), коликихъ у насъ въеводъ нѣту, колко молодыхъ людій? И говори тогда Михайла Александровичь, московскый бояринъ: Господине князь великый Дмитрій Ивановичь, нѣсть, господине, у насъ м҃ бояриновъмосковскыхъ, да в҃і князей бѣлоозерскихъ, да л҃ посадниковъ наугородцкихъ, да к҃ бояриновъ коломенскихъ, да л҃ пановъ литовскыхъ, да е҃і бояриновъ переславскыхъ, да к҃е костромскыхъ, да л҃е бояриновъ володимерскыхъ, да н҃ бояриновъ суздалскыхъ, да м҃ (бояриновъ) муромскихъ, да к҃е бояриновъ дмитровскыхъ, да ѯ҃ бояриновъ можайскыхъ, да л бояриновъ звенигородскихъ, да е҃і (бояриновъ) углецкихъ, да о҃ бояриновъ ярославскыхъ, да р҃ бояриновъ Новагорода Нижняго, да р҃д (бояриновъ) тверскыхъ, а посѣченыхъ отъ безбожнаго Мамая изгибло, господине, у насъ всея дружины ҂с҃ ҂н҃ и г҃ тысящи.

И рече князь великій Дмитрій Ивановичь: Нынѣ сіа управимъ, кождо ближняго своего (да сохранить), не дадимъ зверемъ христіаньскаа тѣлеса въ снѣденіе.—Князь велики стоя на костехъ восмь дній, разгребаша христіаньскаа телеса, похорониша и успѣша, нечестивыя же повергоша звиремъ на расхищеніе.

Въ то же время приде семтября на Москву въ а҃і день послѣ бою, на память преподобныа Феодоры Александрискія къ великой княгини Евдокіи и къ преосвященному митрополиту Кипріяну и къ воискымъ женамъ, сказаша имъ, кои побиты.

А поганый Мамай приде же на мѣсто, идѣже есть самъ градъ Кафа назданъ бысть и познанъ бысть нѣ отъ коихъ купецъ, и ту убіенъ бысть отъ фрязовъ, испроверже зли животъ свой. (Сія оставимъ до здѣ.) [47]).

Слышавъ же то Олгердъ литовскій, что побѣди князь

великый Дмитрій Мамая, (возвратися въсвоаси съ студомъ многымъ).

И по семъ рече князь велики Дмитрій: Слава и нынѣ, Господь Богъ помилуй насъ грѣшныхъ. А вамъ, братіе, князи и бояри и молодые люди, суженое мѣсто межи Мономъ и Днепра, на поли Куликови и на рѣчки на Непрядне[a]), а положили есте головы своя за святыя церкви и за землю Рускую и за вѣру христіянскую. Простите, братья, отъ мала и до велика, въ семъ вѣци и въ будущемъ. [48]) Рече князь великый Дмитрій своему брату Володимеру Ондрѣевичю: Пойдемъ, брате, во свою землю Залискую къ славному граду Москви и сядемъ, брате, на своемъ княженіи и на своей очины и дѣдинѣ, а чести есмя собѣ укупили, славнаго имени. — Рече же князь великый брату своему Володимеру и княземъ литовскымъ: Братіа моа милаа, пѣнію время, а молитвѣ часъ.

Праздникъ всемирнаго Въздвиженіа честнаго креста Повели всимъ возитися. И поиде князь великы по Резанской земли. Слышавъ же то князь Олегъ рязанскый, яко грядетъ князь великый, побѣдивъ своа враги, нача блюстися и и нача плакатися и рече: Горе мнѣ грѣшному и отступнику вѣры Христови: азъ поползохся, что вѣдехъ, къ безбожному присяглъ. И збѣжа изъ града своего Рязани и побѣжи къ Олгерду литовьскому и пріиде на рубежь литовскы и ту ста и рече бояромъ своимъ: Азъ хоцу туто ждати вѣсти, какъ князь велики проидетъ мою землю и придетъ въ свою отчину, и язъ тогда возвращуся восвояси.—Князь же великый заповѣда всему своему войску: Аще же кто идеть по рязанской земли, то ни одинъ же ни власу не коснитеся. Проиде же князь

Поправляю ошибки У: [a]) Небрядни.

великій землю Рязанскую, не вѣли ни единому власу коснутся [94]).

Поиде князь велики ко своему граду Коломнѣ, вѣсти же ускоряюще къ преосвященному митрополиту. Архіепископъ же повелѣ по всѣмъ церквамъ молебны пѣти за великаго князя и за вся христолюбивое войско. Пріиде же князь великій на Коломну з Дону въ осмый день. Архіепископъ же срѣте его съ живоносными кресты и святыми иконами и съ всимъ съборомъ и крылошаны и окропи его святою водою и все его христолюбивое войско. Ту нача плакати съ рыданіемъ сердечнымъ и глагола ему епископъ: Радуйся, княже нашь, и веселися и твое все войско христолюбивое. Абіе князь великы отъ плача преста, нача утѣшатися и хвалити Бога, и глагола ко пресвященному архіепископу: Азъ бо, отче, велми отъ нихъ смирихся, събралъ есмь злата много и послахъ противу ему. Онъ же паче възъярився на Христову вѣру и на свою пагубу раженъ діаволомъ. Тако, отче, случися въ Кесаріи Великому Василію, егда отступникъ вѣры Христовы, закону попратель Ульянъ царь, иде исъ персъ на Великаго Василья и хотяще разорити градъ его. Василій же помолися Богу и вси христіани и собра злата много и посла противу ему. И безбожный же възъярився, и посла на него Господь Богъ воина своего Меркурія, и изби его Меркурій Божіею силою, съ всими силами его. И уби Меркурей войска его г҃ кованые рати; не токмо самъ Меркурей изби его, но аггели Божьи на помощь пріидоша ему. И рече ему епископъ: Того ради, господине, Господь Богъ смиренымъ благодать даетъ, а гордымъ противится. Князь же велики пребысть на Коломнѣ д҃ дни и хотяше изыти изъ града въ пятыи день, на память преподобныя Евфросеніи. Архіепископъ же проводы дѣяше съ кресты и святыми иконами и съ всимъ съборомъ, съ крылосы проводиша его

до рѣки до Сѣрын. И ту ставъ на рѣки. благослови его животоноснымъ крестомъ и окропи его святою водою и все войско и отпусти его. Князь же великый разлучися съ братомъ своимъ, княземъ Володимеромъ. и отпусти его на Котель дорогою, а самъ поиде съ литовскими князми на Брошеву рѣку дорогою. И посла гонци на Москву къ великой княгини и къ митрополиту Кипріану. яко князь великый здравъ есть и грядеть на свою очину. Княгиня же великая възрадовася. И митрополить же повели воду свящати и молебны самъ пѣти и литургію служити за великого князя и за христолюбивое войско.

Князь же великый приде въ Коломеньское село и ту нача ждати брата своего. князя Владимера: того бо ради разлучися съ братомъ своимъ. что не вмѣститися дорогами множествомъ людій. Пріиде же князь Володимирь вборзи въ Коломенское село. Князь же великый отпусти свое войско преже себя на Москву и повели всему войску стати по сю страну Яузы. И приде все войско, ста на мѣсти томъ, по повелѣнію великого князя. И самъ князь великій приде на заутріе по заутреніи. на праздникъ святѣй Богородици. Митрополить же Кипріанъ срѣте великаго князя въ Ондріевѣ манастырѣ съ животосными кресты и съ святыми иконами и осѣни крестомъ и рече: Радуйся. княже нашь великій Дмитрій Ивановичь. побѣдивъ своа супротивникы. Новый еси Александръ. вторый Ярославъ. побѣдитель своимъ врагомъ. И окропи его святою водою и рече ему митрополить: Сыну мой. господине великый князь. яко ты царствуеши въ вѣки. Земля твоя спасется. И рече ему князь великый: Азъ. отче. велми пострадахъ за вѣру и за свою великую обиду. и дасть ми Господь Богъ помощь отъ крѣпкія своа руки. и молитвою святыхъ страстотерпець Бориса и Глѣба и игумена Сергія. вьоружителя нашего. того вьоруженіемъ

спасохомся. И ту въ монастыри восхотѣ слушати, иде въ церковь и нача молитися съ слезами и рече: Образъ Божый, нерукотвореный, не забуди пищихъ своихъ до конца. Не предалъ еси насъ врагомъ нашимъ въ покореніе и да не порадуются о насъ. Изыде изъ церкви, и рече ему преосвященный митрополитъ: Поиде, господине, на благословеное себѣ мѣсто, на градъ Москву, и сяди, господине, на своемъ княженіи.

Иде князь великый з братомъ своимъ съ княземъ Володимеромъ и съ литовскыми князми на градъ Москву. И митрополитъ повелѣ пѣти стихи богородичны и мученичны. Княгиня же великаа Евдокія срѣте своего государя во Фроловскыхъ вратахъ съ многими воискими женами, съ своею снохою. И ту видивъ своего великаго князя, нача плакати отъ радости великія и рече: То перво то я, господине, вижу великаго князя, славнаго въ человѣцихъ, аки солнцу на небо въсходящу и освѣтящу всю Рускую землю. Князь великій увѣдѣвъ свою великую княгиню и свои двѣ малѣи отрасли: князя Василія и князя Юрья, и въздрадовася и рече князь великы: яко вы царствуете въ вѣкы. И поиде князь великый съ великою княгинею и своими дѣтми, вниде въ монастырь въ церковь архистратига Михаила, небеснаго воина, и бьетъ челомъ, святому образу: Заступникъ еси во викъ. И знаменася святымъ его образомъ. И по семъ иде къ гробу сродникомъ своимъ и рече съ слезами: Вы есте наши пособници и наши молебници къ общему Владыцѣ. Вашими молитвами велми спасохомся отъ супостатъ нашихъ. И изыде изъ церкви съ своимъ братомъ, княземъ Володимеромъ и съ литовскими князьми, поиде въ церковь святыя Богородица и ставъ предъ иконою, еже поистиннѣ Лука евангелистъ написа, и рече: Госпоже Царице, христіанская еси заступнице, тобою есмя познахомъ истин-

наго Бога. И идѣ ко гробу преблаженнаго Петра и, ставъ у гроба, нача молитися съ слезами и рече: Ты еси, преблажене Петре, спаситель нашь крѣпкы, твоя есмя паствина, и прояви намъ тебе Господь Богъ послѣднему роду нашему и вжегъ намъ свѣщу неугасимую и твоею есмя молитвою велми пострадахомъ и побѣдихомъ своя враги. Скончавъ молитву, изыде исъ церкви и иде въ свое мѣсто, въ бережны сѣни, и сяде на своемъ столѣ и ту нача молитися Богу и утѣшатися.

И въ то время преподобный Сергій з братіею вкуси брашна въ трапези; не по обычаю въставъ отъ стола и достойно створивъ и рече: Вѣсте ли, братіа моа, что се есть створихъ? Не може ему ни единъ отвѣщати. И рече имъ: Князь великый здравъ есть и пришелъ на свой столъ и побѣдилъ своя враги. И ставъ отъ трапезы и поиде въ церковъ з братіею, нача пѣти молебенъ за великаго князя Дмитріа Ивановича и брата его князя Володимера Андріевича и за литовскіе князи, и рече: Братіа, силніи наши вѣтри на тихость преложишася. И рече: Азъ есмь вамъ проповѣдахъ, пришла ко мнѣ вѣсть з Дону въ вторый день, яко побѣдилъ князь великый своя супротивники; и опять пришла ко мнѣ вѣсть въ осмый день, яко князь великы пошелъ з Дону на свою очину и идеть по рязанской земли. И услышавъ то, князь Олегъ рязанскый избѣглъ очины своея. Князь великы пришелъ на Коломну въ осмый день и былъ на Коломнѣ д̃ дни, и поиде съ Коломны на е̃ день и пришелъ на Москву въ осмый день. И, скончавъ молебенъ, изыде изъ церкви. Князь же великый пребысть на Москви д̃ дни; и поиде князь великій къ отцу преподобному Сергію и з братомъ своимъ и съ литовскыми князми. И приде ко отцу Сергію и преподобнымъ старцемъ. И срѣте его

съ кресты близъ монастыря и знаменавъ его крестомъ, и рече ему: Радуйся, господине князь великый, и веселися твое христолюбивое войско. И спроси его о своихъ изволницехъ, а о его служебницехъ. И рече ему князь великый: Твои, отче, изволницы, а мои служебници, тѣми побѣдихъ врагы своя. И твой, отче, вооружитель, рекомый Пересвѣтъ, побѣдилъ подобна себѣ. А толко бы, отче, не твой вооружитель, ино было, отче, многимъ христіаномъ отъ того пити горъкую чашу. И скончавъ рѣчи сіа и повели Сергію ити въ церковь и воду свящати и молебенъ пѣти и литоргію служити. И ту слушавъ святыа литоргіа, и рече ему старець: Вкуси, господине, хлѣба отъ нашей нищеты. Князь же великій послуша его и вкуси хлѣба у святыя обители тоя и, въставъ отъ трапезы, и повелѣ наряжатися всѣмъ, изыде изъ монастыря. Преподобный же старець проводи его съ кресты. Князь же великы поиде на Москву и прѣеди на свое мѣсто; и ту начаша князи литовскіе проситися въсвоаси. Князь же великій нача ихъ чтити и дарми утоляти: азъ вамъ дамъ свыше вашее очины и здѣ. Князь же великый не може ихъ уняти и отпустихъ ихъ. И самъ проводи ихъ з братомъ своимъ до Можайска и рече имъ съ слезами: Братіа моа милая и способници наши. И отпусти ихъ, а самъ възвратися въ свою очину и пріиде на градъ свой Москву и сяде на своемъ княженіи, царствуя въ вѣкы.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Редакторъ знакомъ съ повѣстью о взятіи Рязани Батыемъ; въ нѣкоторыхъ спискахъ 3 редакціи самое имя убитаго рязанскаго князя тожественно съ именемъ въ указанной повѣсти.

2) Мамай двигался по правому берегу Волги, до Воронежа, оттуда повернулъ на западъ и Полемъ (татарскими владѣніями) сталъ подвигатьсл къ Дону. Рязанское княжество должно было первымъ выдержать натискъ татаръ, отсюда—и политика Олега. Съ московской точки зрѣнія поступокъ Олега являлся измѣной, и попытка характеризовать рязанскаго князя какъ „предателя", „новаго Святополка", является еще въ Лѣтописной повѣсти.

3) Этотъ и слѣдующіе ярлыки, которыми обмѣниваются союзники между собою и Мамаемъ, составленъ по образпу оффиціальныхъ бумагъ XVI столѣтія. Содержаніе ярлыковъ тѣсно связано съ повѣстью и имѣетъ цѣлью—доказать скудоуміе и высокомѣріе союзниковъ и Мамая, чтобы потомъ противопоставить имъ христіанское смиреніе и доблесть православныхъ князей Дмитрія и Владимира. Тенденція редакціи очевидна.

4) Противникомъ Дмитрія названъ Ольгердъ, вмѣсто Ягайла. Перемѣну имени многіе считали анахронизмомъ, но выше я говорилъ, что перемѣна имени Ягайла на Ольгерда—типическая особенность 3 редакціи: въ Лѣтописной повѣсти, въ 1 редакціи Сказанія (въ печатной Никоновской лѣтописи) и во 2 редакціи (напечатана мною по двумъ спискамъ)—союзникомъ Олега названъ Ягайло. Третья редакція вышла изъ второй и перемѣнила имя литовскаго князя подъ вліяніемъ повѣсти о приходѣ Ольгердовичей, заставивъ ихъ, такимъ образомъ, возстать не на брата, а на родного отца: „бѣста бо отцемъ ненавидима, но паче Богомъ любима".

5) Съ этихъ поръ начинается изложеніе повѣсти въ той редакціи, которая помѣщена въ Синопсисѣ.

6) Разговоръ съ Кипріаномъ въ 3 редакціи значительно затушеванъ: митрополитъ не играетъ здѣсь первенствующей роли наставника и руководителя великаго князя, какъ въ 1 редакціи. Здѣсь Кипріанъ низведенъ до степени второстепеннаго персонажа повѣствованія. Самый пріѣздъ Кипріана на Москву—неизвѣстенъ, можно думать, что въ августѣ и сентябрѣ 1380 года его еще не было. Первая редакція, какъ я говорилъ, имѣетъ въ виду спеціальное прославленіе Кипріана, послѣдующія—сохраняютъ это имя по традиціи.

7) Посольство Захаріи Тушева (Тютчева), о которомъ 3 и предыдущія редакціи говорятъ глухо, развито въ 4 редакціи въ самостоятельную повѣсть, типичную для этой редакціи; эта же повѣсть цѣликомъ осталась и въ Синопсисѣ.

8) Поле—татарское, которое начиналось сейчасъ же за границей рязанскаго княжества по ту сторону Оки. Имена стражей—могли быть взяты изъ какихъ-либо разрядныхъ книгъ—положительнаго сказать объ этомъ нельзя. Лѣтописная повѣсть также, но весьма кратко, говоритъ объ этомъ посланіи стражей. Здѣсь эпизоды развиты, причемъ рѣшеніе отправить стражу возникаетъ на пиру у Микулы Васильевича, который въ иныхъ спискахъ называется тысяцкимъ. Въ разсматриваемое время въ Москвѣ тысяцкихъ уже не было, слѣдовательно, названіе перенесено сюда съ послѣдняго тысяцкаго—Василія Вельяминова.

9) Гнѣздо есмя... киевскаго—фраза изъ Повѣданія.

10) Князья Кемскіе, Андомскіе, Карголомскіе (или Каргопольскіе), по происхожденію, принадлежатъ къ концу XIV и началу XV вѣка, такъ что здѣсь вопроса объ анахронизмѣ быть не можетъ,

11) О богатыряхъ-инокахъ—Пересвѣтѣ и Ослябѣ ходило какое-то преданіе, попавшее и въ Сказаніе, и въ Повѣданіе. Лѣтописная повѣсть о немъ не упоминаетъ, хотя имя Пересвѣта занесено въ синодики, которыми она пользовалась. Свѣдѣнія объ нихъ неустойчивы: Ослябя въ разныхъ памятникахъ носитъ различныя имена (Иродіонъ, Андрей, Яковъ); въ святцахъ указана смерть обоихъ на Куликовомъ полѣ, между тѣмъ въ синодикѣ указанія на смерть въ бою Осляби—нѣтъ. Преданіе о нихъ было извѣстно въ XVI вѣкѣ: о смерти богатырей-иноковъ упоминаетъ въ своей челобитной 1548—49 г.—Иванъ Пересвѣтовъ, считающій Пересвѣта своимъ „пращуромъ и прадѣдомъ“.

Ондріевича Бренка, близь его лежаща твердаго стража Семена Мелика, близъ же ихъ лежить Тимофѣй Волуевичь. Надъ ними же ста князь великій плачася и рече: Брате мой възлюбленный, мене ради убіенъ еси, кто бо таковъ, государя дѣля, самъ на смерть дася, подобенъ же бѣ (древнему Авису),[а]) иже оть полку Дарьева перскаго, тои тако сътвори.—И тако Семену Мелику[б]) рече: Крѣпкый мой стражь, твердо пасомый есмя тобою. — И пріеха на иное мѣсто, види Пересвѣта черица, близъ его нарочита богатыря, и, обратився, рече къ сущимъ съ нимъ: Видите, братья, начиналника[в]), той бо побѣди подобна себѣ, оть того было многимъ пити горкую чашу.—И повели на мѣсти трубнымъ гласомъ трубити и люди съзывати. Храбрыя, спрятавше оружья оть сыновъ измалтеньскыхъ, и оть всѣхъ странъ грядущіи подъ трубный гласъ и весело ликующе, поюще крестніи стиси, а иные богородичныи, а овіи мученичны. И видѣ людемъ събраннымъ всѣмъ и литовскіе князи и вси князи рускые оставшеи и боярѣ мѣстныа, и ста посреде ихъ, плача и радуяся, глаголаше: Братья моа, князи рустіи, бояри мѣстныя и сынове всея Русіи, вамъ подобаеть служити, а мнѣ васъ хвалити и по достоянію почьстити, внегда почьсти мене Господь Богъ. А буду на столѣ, то имамъ васъ даровати.—И рече князь великый Дмитрій Ивановичъ своему брату князю Володимеру Андріевичю: Грозно бо, брате, въ то время посмотрити, лежитъ трупъ христіанскый, аки сѣннѣи стоги. А Донъ рѣка кровію текла г҃ дни, а рѣка Мечь вся запрудилася трупомъ тотарскимъ.

Поправляю ошибки У: [а]) въ У и Р этого нѣтъ; [б]) Семелику; [в]) печалника.

И рече князь великій Дмитрій Ивановичь: Считайте, брате [46]), коликихъ у насъ въеводъ нѣту, колко молодыхъ людій? И говори тогда Михайла Александровичь, московскый бояринъ: Господине князь великый Дмитрій Ивановичь, нѣсть, господине, у насъ м҃ бояриновъмосковскыхъ, да в҃і князей бѣлоозерскихъ, да л҃ посадниковъ наугородцкихъ, да к҃ бояриновъ коломенскихъ, да л҃ пановъ литовскыхъ, да е҃і бояриновъ переславскыхъ, да к҃е костромскыхъ, да л҃е бояриновъ володимерскыхъ, да н҃ бояриновъ суздалскыхъ, да м҃ (бояриновъ) муромскихъ, да к҃е бояриновъ дмитровскыхъ, да з҃ бояриновъ можайскыхъ, да л бояриновъ звенигородскихъ, да е҃і (бояриновъ) углецкихъ, да о҃ бояриновъ ярославскыхъ, да р҃ бояриновъ Новагорода Нижняго, да р҃д (бояриновъ) тверскыхъ, а посѣченыхъ отъ безбожнаго Мамая изгибло, господине, у насъ всея дружины ҂с҃ ҂н҃ и г҃ тысящи.

И рече князь великій Дмитрій Ивановичь: Нынѣ сіа управимъ, кождо ближняго своего (да сохранить), не дадимъ зверемъ христіаньскаа тѣлеса въ снѣденіе.—Князь велики стоя на костехъ восмь дній, разгребаша христіаньскаа телеса, похоронища и успѣша, нечестивыя же повергоша звиремъ на расхищеніе.

Въ то же время приде семтября на Москву въ а҃і день послѣ бою, на память преподобныа Феодоры Александрискія къ великой княгини Евдокіи и къ преосвященному митрополиту Кипріану и къ воискымъ женамъ, сказаша имъ, кои побиты.

А поганый Мамай приде же на мѣсто, идѣже есть самъ градъ Кафа паздапъ бысть и познанъ бысть нѣ отъ коихъ купецъ, и ту убіенъ бысть отъ фрязовъ, испроверже зли животъ свой. (Сія оставимъ до здѣ.) [47]).

Слышавъ же то Олгердъ литовскій, что побѣди князь

великый Дмитрій Мамая, (возвратися въсвоаси съ студомъ многымъ).

И по семъ рече князь велики Дмитрій: Слава и нынѣ, Господь Богъ помилуй насъ грѣшныхъ. А вамъ, братіе, князи и бояри и молодые люди, суженое мѣсто межи Дономъ и Днепра, на поли Куликови и на рѣчки на Непрядне[a]), а положили есте головы своя за святыя церкви и за землю Рускую и за вѣру христіянскую. Простите, братья, отъ мала и до велика, въ семъ вѣци и въ будущемъ.[48]) Рече князь великый Дмитрій своему брату Володимеру Ондрѣевичю: Пойдемъ, брате, во свою землю Залискую къ славному граду Москви и сядемъ, брате, на своемъ княженіи и на своей очины и дѣдинѣ, а чести есмя собѣ укупили, славнаго имени. — Рече же князь великый брату своему Володимеру и княземъ литовскымъ: Братіа моа милаа, пѣнію время, а молитвѣ часъ.

Праздникъ всемирнаго Въздвиженіа честнаго креста Повели всимъ возитися. И поиде князь великы по Резанской земли. Слышавъ же то князь Олегъ рязанскый, яко грядетъ князь великый, побѣдивъ своа враги, нача блюстися и и нача плакатися и рече: Горе мнѣ грѣшному и отступнику вѣры Христовы: азъ поползохся, что вѣдехъ, къ безбожному присяглъ. И збѣжа изъ града своего Рязани и побѣжи къ Олгерду литовьскому и прінде на рубежь литовскы и ту ста и рече бояромъ своимъ: Азъ хощу туто ждати вѣсти, какъ князь велики проидетъ мою землю и придетъ въ свою отчину, и язъ тогда возвращуся восвояси.—Князь же великый заповѣда всему своему войску: Аще же кто идеть по рязанской земли, то ни единъ же ни власу не коснитеся. Проиде же князь

Поправляю ошибки У: [a]) Небрядви.

великій землю Рязанскую, не вѣли ни единому власу коснутся [94]).

Поиде князь велики ко своему граду Коломнѣ, вѣсти же ускоряюще къ преосвященному митрополиту. Архіепископъ же повелѣ по всѣмъ церквамъ молебны пѣти за великаго князя и за вся христолюбивое войско. Пріиде же князь великій на Коломну з Дону въ осмый день. Архіепископъ же срѣте его съ живоносными кресты и святыми иконами и съ всимъ съборомъ и крылошаны и окропи его святою водою и все его христолюбивое войско. Ту нача плакати съ рыданіемъ сердечнымъ и глагола ему епископъ: Радуйся, княже нашь, и веселися и твое все войско христолюбивое. Абіе князь великы отъ плача преста, нача утѣшатися и хвалити Бога, и глагола ко пресвященному архіепископу: Азъ бо, отче, велми отъ нихъ смирихся, събралъ есмь злата много и послахъ противу ему. Онъ же паче възъярився на Христову вѣру и на свою пагубу раженъ діаволомъ. Тако, отче, случися въ Кесаріи Великому Василію, егда отступникъ вѣры Христовы, закону попратель Ульянъ царь, иде исъ персъ на Великаго Василья и хотяще разорити градъ его. Василій же помолися Богу и вси христіани и собра злата много и посла противу ему. И безбожный же възъярився, и посла на него Господь Богъ воина своего Меркурія, и изби его Меркурій Божіею силою, съ всими силами его. И уби Меркурей войска его г҃ кованые рати; не токмо самъ Меркурей изби его, но аггели Божьи на помощь пріидоша ему. И рече ему епископъ: Того ради, господине, Господь Богъ смиренымъ благодать даетъ, а гордымъ противится. Князь же велики пребысть на Коломнѣ д҃ дни и хотяше изыти изъ града въ пятый день, на память преподобныя Евфросеніи. Архіепископъ же проводы дѣяше съ кресты и святыми иконами и съ всимъ съборомъ, съ крылосы проводиша его

до рѣки до Сѣрыи. И ту ставъ на рѣки, благослови его живоноснымъ крестомъ и окропи его святою водою и все войско и отпусти его. Князь же великый разлучися съ братомъ своимъ, княземъ Володимеромъ, и отпусти его на Котель дорогою, а самъ поиде съ литовскими князми на Брошеву рѣку дорогою. И посла гонци на Москву къ великой княгини и къ митрополиту Кипріяну, яко князь великый здравъ есть и грядеть на свою очину. Княгиня же великая възрадовася. И митрополитъ же повели воду священи и молебны самъ пѣти и литургію служити за великого князя и за христолюбивое войско.

Князь же великый приде въ Коломеньское село и ту нача ждати брата своего, князя Владимера: того бо ради разлучися съ братомъ своимъ, что не вмѣститися дорогами множствомъ людій. Пріиде же князь Володимиръ вборзи въ Коломенское село. Князь же великый отпусти свое войско преже себя на Москву и повели всему войску стати по сю страну Яузы. И приде все войско, ста на мѣсти томъ, по повелѣнію великого князя. И самъ князь великій приде на заутріе по заутреніи, на праздникъ святѣй Богородици. Митрополитъ же Кипріянъ срѣте великаго князя въ Ондріевѣ манастырѣ съ живоносными кресты и съ святыми иконами и оградн крестомъ и рече: Радуйся, княже нашь великій Дмитрій Ивановичь, побѣдивъ своа супротивникы. Новый еси Александръ, вторый Ярославъ, побѣдитель своимъ врагомъ. И окропи его святою водою и рече ему митрополитъ: Сыну мой, господине великый князь, яко ты царствуеши въ вѣки. Земля твоя спасется. И рече ему князь великый: Азъ, отче, велми пострадахъ за вѣру и за свою великую обиду, и дасть ми Господь Богъ помощь отъ крѣпкія своа руки, и молитвою святыхъ страстотерпець Бориса и Глѣба и игумена Сергія, въоружителя нашего, того въоруженіемъ

спасохомся. И ту въ монастыри восхотѣ слушати, иде въ церковь и нача молитися съ слезами и рече: Образъ Божый, нерукотвореный, не забуди нищихъ своихъ до конца. Не предалъ еси насъ врагомъ нашимъ въ покореніе и да не порадуются о насъ. Изыде изъ церкви, и рече ему преосвященный митрополитъ: Поиде, господине, на благословеное себѣ мѣсто, на градъ Москву, и сяди, господине, на своемъ княженіи.

Иде князь великый з братомъ своимъ съ княземъ Володимеромъ и съ литовскыми князми на градъ Москву. И митрополитъ повелѣ пѣти стихи богородичны и мученичны. Княгиня же великаа Евдокія срѣте своего государя во Фроловскыхъ вратахъ съ многими воискими женами, съ своею снохою. И ту видивъ своего великаго князя, нача плакати отъ радости великія и рече: То перво то я, господине, вижу великаго князя, славнаго въ человѣцихъ, аки солнцу на небо въсходящу и освѣтящу всю Рускую землю. Князь великій увѣдѣвъ свою великую княгиню и свои двѣ малѣи отрасли: князя Василіа и князя Юрьа, и въздрадовася и рече князь великы: яко вы царствуете въ вѣкы. И поиде князь великый съ великою княгинею и своими дѣтми, вниде въ монастырь въ церковь архистратига Михаила, небеснаго воина, и бьетъ человъ, святому образу: Заступникъ еси во викъ. И знаменася святымъ его образомъ. И по семъ иде къ гробу сродникомъ своимъ и рече съ слезами: Вы есте наши пособници и наши молебници къ общему Владыцѣ. Вашими молитвами велми спасохомся отъ супостатъ нашихъ. И изыде изъ церкви съ своимъ братомъ, княземъ Володимеромъ и съ литовскими князьми, поиде въ церковь святыя Богородица и ставъ предъ иконою, еже поистиннѣ Лука евангелистъ написа, и рече: Госпоже Царице, христіанская еси заступнице, тобою есмя познахомъ истин-

наго Бога. И идѣ ко гробу преблаженнаго Петра и, ставъ у гроба, нача молитися съ слезами и рече: Ты еси, преблажене Петре, спаситель нашь крѣпкы, твоя есмя паствина, и прояви намъ тебе Господь Богъ послѣднему роду нашему и вжегъ намъ свѣщу неугасимую и твоею есмя молитвою велми пострадахомъ и побѣдихомъ своя враги. Скончавъ молитву, изыде исъ церкви и иде въ свое мѣсто, въ бережны сѣни, и сяде на своемъ столѣ и ту нача молитися Богу и утѣшатися.

И въ то время преподобный Сергій з братіею вкуси брашна въ трапези; не по обычаю въставъ отъ стола и достойно створивъ и рече: Вѣсте ли, братіа моа, что се есть створихъ? Не може ему ни единъ отвѣщати. И рече имъ: Князь великый здравъ есть и пришелъ на свой столъ и побѣдилъ своя враги. И вставъ отъ трапезы и поиде въ церковъ з братіею, нача пѣти молебенъ за великаго князя Дмитріа Ивановича и брата его князя Володимера Андріевича и за литовскіе князи, и рече: Братіа, силніи наши вѣтри на тихость преложишася. И рече: Азъ есмь вамъ проповѣдахъ, пришла ко мнѣ вѣсть з Дону въ вторый день, яко побѣдилъ князь великый своя супротивники; и опять пришла ко мнѣ вѣсть въ осмый день, яко князь великы пошелъ з Дону на свою очину и идеть по рязанской земли. И услышавъ то, князь Олегъ рязанскый избѣглъ очины своея. Князь великы пришелъ на Коломну въ осмый день и былъ на Коломнѣ д҃ дни, и поиде съ Коломны на е҃ день и пришелъ на Москву въ осмый день. И, скончавъ молебенъ, изыде изъ церкви. Князь же великый пребысть на Москви д҃ дни; и поиде князь великій къ отцу преподобному Сергію и з братомъ своимъ и съ литовскыми князми. И приде ко отцу Сергію и преподобнымъ старцемъ. И срѣте его

съ кресты близъ монастыря и знаменавъ его крестомъ, и рече ему: Радуйся, господине князь великый, и веселися твое христолюбивое войско. И спроси его о своихъ изволницехъ, а о его служебницехъ. И рече ему князь великый: Твои, отче, изволницы, а мои служебници, тѣми побѣдихъ врагы своя. И твой, отче, вооружитель, рекомый Пересвѣтъ, побѣдилъ подобна себѣ. А толко бы, отче, не твой вооружитель, ино было, отче, многимъ христіаномъ отъ того пити горькую чашу. И скончавъ рѣчи сіа и повели Сергію ити въ церковь и воду священати и молебенъ пѣти и литоргію служити. И ту слушавъ святыа литоргіа, и рече ему старець: Вкуси, господине, хлѣба отъ нашей нищеты. Князь же великій послуша его и вкуси хлѣба у святыя обители тоя и, въставъ отъ трапезы, и повелѣ наряжатися всѣмъ, изыде изъ монастыря. Преподобный же старець проводи его съ кресты. Князь же великы поиде на Москву и прѣеди на свое мѣсто; и ту начаша князи литовскіе проситися въсвоаси. Князь же великій нача ихъ чтити и дарми утоляти: азъ вамъ дамъ свыше вашее очины и здѣ. Князь же великый не може ихъ уняти и отпустихъ ихъ. И самъ проводи ихъ з братомъ своимъ до Можайска и рече имъ съ слезами: Братіа моа милая и способници наши. И отпусти ихъ, а самъ възвратися въ свою очину и пріиде на градъ свой Москву и сяде на своемъ княженіи, царствуя въ вѣкы.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Редакторъ знакомъ съ повѣстью о взятіи Рязани Батыемъ; въ нѣкоторыхъ спискахъ 3 редакціи самое имя убитаго рязанскаго князя тождественно съ именемъ въ указанной повѣсти.

2) Мамай двигался по правому берегу Волги, до Воронежа, оттуда повернулъ на западъ и Полемъ (татарскими владѣніями) сталъ подвигаться къ Дону. Рязанское княжество должно было первымъ выдержать натискъ татаръ, отсюда—и политика Олега. Съ московской точки зрѣнія поступокъ Олега являлся измѣной, и попытка характеризовать рязанскаго князя какъ „предателя", „новаго Святополка", является еще въ Лѣтописной повѣсти.

3) Этотъ и слѣдующіе ярлыки, которыми обмѣниваются союзники между собою и Мамаемъ, составленъ по образцу оффиціальныхъ бумагъ XVI столѣтія. Содержаніе ярлыковъ тѣсно связано съ повѣстью и имѣетъ цѣлью—доказать скудоуміе и высокомѣріе союзниковъ и Мамая, чтобы потомъ противопоставить имъ христіанское смиреніе и доблесть православныхъ князей Дмитрія и Владимира. Тенденція редакціи очевидна.

4) Противникомъ Дмитрія названъ Ольгердъ, вмѣсто Ягайла. Перемѣну имени многіе считали анахронизмомъ, но выше я говорилъ, что перемѣна имени Ягайла на Ольгерда—типическая особенность 3 редакціи: въ Лѣтописной повѣсти, въ 1 редакціи Сказанія (въ печатной Никоновской лѣтописи) и во 2 редакціи (напечатана мною по двумъ спискамъ)—союзникомъ Олега названъ Ягайло. Третья редакція вышла изъ второй и перемѣнила имя литовскаго князя подъ вліяніемъ повѣсти о приходѣ Ольгердовичей, заставивъ ихъ, такимъ образомъ, возстать не на брата, а на родного отца: „бѣста бо отцемъ ненавидима, но паче Богомъ любима".

5) Съ этихъ поръ начинается изложеніе повѣсти въ той редакціи, которая помѣщена въ Синопсисѣ.

6) Разговоръ съ Кипріаномъ въ 3 редакціи значительно затушеванъ: митрополитъ не играетъ здѣсь первенствующей роли наставника и руководителя великаго князя, какъ въ 1 редакціи. Здѣсь Кипріанъ низведенъ до степени второстепеннаго персонажа повѣствованія. Самый пріѣздъ Кипріана на Москву—неизвѣстенъ, можно думать, что въ августѣ и сентябрѣ 1380 года его еще не было. Первая редакція, какъ я говорилъ, имѣетъ въ виду спеціальное прославленіе Кипріана, послѣдующія—сохраняютъ это имя по традиціи.

7) Посольство Захаріи Тушева (Тютчева), о которомъ 3 и предыдущія редакціи говорятъ глухо, развито въ 4 редакціи въ самостоятельную повѣсть, типичную для этой редакціи; эта же повѣсть цѣликомъ осталась и въ Синопсисѣ.

8) Поле—татарское, которое начиналось сейчасъ же за границей рязанскаго княжества по ту сторону Оки. Имена стражей—могли быть взяты изъ какихъ-либо разрядныхъ книгъ—положительнаго сказать объ этомъ нельзя. Лѣтописная повѣсть также, но весьма кратко, говоритъ объ этомъ посланіи стражей. Здѣсь эпизоды развиты, причемъ рѣшеніе отправить стражу возникаетъ на пиру у Микулы Васильевича, который въ иныхъ спискахъ называется тысяцкимъ. Въ разсматриваемое время въ Москвѣ тысяцкихъ уже не было, слѣдовательно, названіе перенесено сюда съ послѣдняго тысяцкаго—Василія Вельяминова.

9) Гнѣздо есмя... киевскаго—фраза изъ Повѣданія.

10) Князья Кемскіе, Андомскіе, Карголомскіе (или Каргопольскіе), по происхожденію, принадлежатъ къ концу XIV и началу XV вѣка, такъ что здѣсь вопроса объ анахронизмѣ быть не можетъ,

11) О богатыряхъ-инокахъ—Пересвѣтѣ и Ослябѣ ходило какое-то преданіе, попавшее и въ Сказаніе, и въ Повѣданіе. Лѣтописная повѣсть о немъ не упоминаетъ, хотя имя Пересвѣта занесено въ синодики, которыми она пользовалась. Свѣдѣнія объ нихъ неустойчивы: Ослябя въ разныхъ памятникахъ носитъ различныя имена (Иродіонъ, Андрей, Яковъ); въ святцахъ указана смерть обоихъ на Куликовомъ полѣ, между тѣмъ въ синодикѣ указанія на смерть въ бою Осляби—нѣтъ. Преданіе о нихъ было извѣстно въ XVI вѣкѣ: о смерти богатырей-иноковъ упоминаетъ въ своей челобитной 1548—49 г.—Иванъ Пересвѣтовъ, считающій Пересвѣта своимъ „пращуромъ и прадѣдомъ“.

12) Куликовская битва происходила въ субботу 8 сентября, слѣдовательно—26 августа, день выступленія русскаго войска, должно приходиться въ воскресенье, а не въ четвергъ: редакторъ, отмѣчая числа и памяти святыхъ, приходящихся на то или другое число естественно, могъ дать невѣрное названіе дня, тѣмъ болѣе, что въ спискахъ названія дней неодинаковы.

13) Изслѣдователи указываютъ на эту молитву передъ Владимирской иконой Божіей Матери, какъ на анахронизмъ: иконы этой при Дмитріѣ въ Москвѣ не было. Упоминаніе здѣсь объ иконѣ „Лукина письма" гораздо проще объясняется непосредственнымъ вліяніемъ повѣсти 1395 г. о чудесномъ избавленіи Москвы отъ Темиръ-Аксака, которая въ Никоновскую лѣтопись вставлена вмѣстѣ со Сказаніемъ 1 редакціи однимъ и тѣмъ же редакторомъ.

14) Въ другихъ спискахъ—вѣрнѣе: Константиноеленскія. Эти ворота, теперь заложенныя, находились въ башнѣ слѣва при въѣздѣ во Фроловскія, нынѣ Спасскія, ворота и вели на подолъ Кремля. Упоминаніе объ этихъ воротахъ и ниже—о церкви Михаила Архангела съ гробницами „прародителей" великокняжескихъ, и еще ниже—набережнаго терема златоверхаго, откуда долженъ былъ открываться широкій видъ на нынѣшнее Замоскворѣчье, на дорогу, по которой двигалась русская рать къ югу—изобличаетъ автора, хорошо знакомаго съ топографіей Москвы.

15) Солнце... повѣдаетъ—изъ Повѣданія.

16) Въ другихъ спискахъ прибавлена еще „болвановская" дорога. Брашево и Брашевскій перевозъ (ниже)—это Боровскъ

17) Василій родился 30 декабря 1371 года, а Юрій—26 ноября 1374, значитъ, одному было 8, а другому 5 лѣтъ въ описываемое время.

18) Сурожанами назывались купцы, торговавшіе шелковыми тканями, которыя они привозили отъ генуэзцевъ. Имена ихъ—въ общемъ постоянны въ спискахъ Сказанія. Вставка должна была явиться впослѣдствіи: купцы, „яко исходници суще", должны были „повѣдати въ далныхъ земляхъ", конечно—только побѣду Дмитрія, хотя Сказаніе скромно заявляетъ: „аще что Богъ случить ему".

19) Подвигошася... Брашевѣ—весь отрывокъ представляетъ парафразу Повѣданія.

20) Начаша мнози гласи... коломенскіе—тоже изъ Повѣданія.

21) Уряженіе полковъ, повидимому, заимствовано изъ источника, на который указалъ А. А. Шахматовъ—это московскія родословныя книги.

22) Сказаніе о Петрѣ Гугнивомъ было широко распространено въ древней письменности, оно помѣщено въ Никоновской лѣтописи, Кормчей книгѣ, Кирилловой книгѣ, Хронографѣ, Толковой Палеѣ и въ Четьихъ Минеяхъ Макарія.

23) Съ этихъ словъ начинается повѣсть о приходѣ Ольгердовичей на помощь великому князю. Вкратцѣ о нихъ упоминаетъ Лѣтописная повѣсть и Сказаніе 1 редакціи. Повѣданіе посвящаетъ приходу братьевъ цѣлую строфу, но впервые повѣсть вставлена во 2 редакцію Сказанія, для усиленія контраста между правымъ дѣломъ русскихъ и насиліемъ союзниковъ. Въ 3 редакцію она вошла изъ 2-й въ обработанномъ видѣ. Повѣсть кончается замѣткой: „Сіа же оставимъ и на предняя взыдемъ“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Ольгердовичамъ и пришедшему съ ними воеводѣ Дмитрію Боброкову Волынцу отводится крупная роль въ событіяхъ: Волынецъ указываетъ великому князю на примѣты и рисуетъ исходъ боя, онъ же стоитъ въ засадѣ съ княземъ Владимиромъ; Ольгердовичи всюду изображаются первыми совѣтниками князя, они же утѣшаютъ Владимира соображеніемъ, что Дмитрій быть можетъ не убитъ, но только раненъ или утомился.

24) По направленію къ Куликову полю русское войско должно было держать путь къ Осетру, рѣчкѣ въ Веневскомъ уѣздѣ, на древній городъ Березуй, теперь село Березово на Епифанской большой дорогѣ. Затѣмъ—на рязанскій городъ Дороженъ, слѣды котораго видны близъ села Суханова, на рѣкѣ Большой Тоболѣ. Переправа черезъ Оку (см. ниже) совершена была близъ мѣста, называемаго теперь „Четыре церкви“, Каширскаго уѣзда, и потомъ шелъ путь къ Дону. Куликово поле, полагаемое Сказаніемъ на усть-Непрядвы, по книгѣ Большого чертежа, имѣетъ границами рѣки Донъ, Непрядву, Упу, Солову, Уперту и Праву. Протяженіемъ оно—18 верстъ (старинныхъ 10). Около теперешняго села Милославщины на берегу Дона, лежащей противъ Монастырщины, близъ впаденія Непрядвы—былъ русскій лагерь, на высохшей рѣчкѣ Себинкѣ. Въ Монастырщинѣ по преданію была „зеленая дубрава“, гдѣ укрывался засадный полкъ, рѣшившій битву. Дубрава уничтожена въ XIX вѣкѣ. Около

Татинокъ находится упоминаемый ниже „бродъ Гусиный". Мѣсто, гдѣ по преданію, нашли великаго князя Сабуровъ и Холопищевъ, и теперь зовется „Сабуровъ хуторъ". Въ стратегическомъ отношеніи трудно было выбрать мѣсто лучше того, которое занимало русское войско,—таково мнѣніе спеціалистовъ, бывшихъ на Куликовомъ полѣ.

25) И врани мнози... трава постилашеся—парафраза картины Повѣданія.

26) „Мѣсто высоко"—картина южнаго поля съ холмами. И ниже—Мамай смотритъ на битву съ возвышенія „Красный Холмъ", это мѣсто стоянки Мамая и донынѣ находится близъ села Куликова.

27) Аки нѣкыи свѣтильницы... колебашеся—изъ Повѣданія.

28) Списки въ большинствѣ случаевъ измѣняютъ правильное „чермному" на „черному".

29) Указаніе на устройство полка въ засадѣ. Списокъ Т помѣщаетъ это указаніе ниже, послѣ разсказа о примѣтахъ Дмитрія Волынца: единственное различіе въ планѣ списковъ У и Т.

30) Разсказъ о примѣтахъ Дмитрія Волынца. Послѣдній (1 редакція) беретъ съ собой великаго князя „одного" и позднимъ вечеромъ, когда „заря изгасе", сообщаетъ ему свои примѣты. Такъ какъ послѣднія указывали, между прочимъ, на „многое паденіе христіанъ", то вполнѣ естественно, что Волынецъ проситъ никому не разсказывать объ этомъ, чтобы не угасить мужества передъ битвой. Между тѣмъ многіе списки 3 редакціи подъ вліяніемъ повѣсти объ Ольгердовичахъ изображаютъ великаго князя въ сопровожденіи цѣлой свиты: Ольгердовичей и князя Владимира, отчего получается явная несообразность. Здѣсь—великій князь одинъ но формы во множественномъ числѣ: „призываю васъ", отвѣтъ Дмитрія—„видѣхомъ", указываютъ, что редакторъ имѣлъ здѣсь дѣло уже съ порчей текста.

31) Прозвище Ѳомы здѣсь пропущено случайно: въ остальныхъ спискахъ онъ зовется Кацибей или Ханцибеевъ, можетъ быть—Хаджибей, оттого онъ и прозванъ „разбойникъ", которому Богъ открылъ видѣніе, дабы онъ, какъ говорятъ другіе списки, „пришелъ въ покаяніе". О восточномъ элементѣ въ русскомъ войскѣ см. Смирнова „Крымское ханство". Картина видѣнія не оригинальна, подобная находится въ повѣсти о Темиръ-Аксакѣ.

32) Упоминаніе урочища „Чуры Михайловы" встрѣчается не пер-

вый разъ въ древней письменности: въ 1389 г. Игнатій Смолянинъ, описывая хожденіе Пименово въ Царьградъ говоритъ: „И въ вторый день пріидохомъ до Чюръ Михайловыхъ; сице бо тамо тако нарицаемо есть мѣсто, нѣкогда бо тамо и градъ былъ бяше“.

33) Земля грозу подавающи... на мѣсти томъ—изъ Повѣданія.

34) Здѣсь случайно пропущена находящаяся въ другихъ спискахъ Сказанія фамилія Бренка. Бренко, несомнѣнно, былъ участникомъ Куликовской битвы (см. родословную дворянъ Челищевыхъ считающихъ свое происхожденіе отъ Бренка), неизвѣстно только, насколько вѣроятно преданіе, по которому Бренко былъ одѣтъ въ великокняжескую „приволоку“ и убитъ татарами, принявшими его за Дмитрія. Во всякомъ случаѣ этотъ поступокъ не рисуетъ послѣдняго съ героической стороны.

35) Разсказъ о приходѣ посланника преподобнаго развитъ подъ вліяніемъ житія пр. Сергія, прославленіе котораго красной нитью проходитъ по всѣмъ редакціямъ Сказанія (равно какъ и Петра митрополита).

36) Разсказъ о единоборствѣ татарскаго богатыря съ Пересвѣтомъ принадлежитъ къ эпической разработкѣ эпизода объ инокахъ-богатыряхъ. Здѣсь богатырь не носитъ имени, но въ четвертой (и въ спискахъ 3-й, переходныхъ къ четвертой) онъ называется Тавруломъ или Темиръ-мурзою.

37) Сравненіе битвы съ пиромъ—мотивъ, зашедшій сюда черезъ Повѣданіе.

38) Для описанія боя взята обычная въ этомъ случаѣ формула воинскихъ повѣстей. Подробнѣе объ этой формулѣ см. въ статьѣ А. С. Орлова: О формѣ воинскихъ повѣстей (Чтенія О. И. и Д. Р. 1902)

39) Конецъ перваго момента боя, кончившагося пораженіемъ русскихъ. Далѣе слѣдуетъ прославленіе князя Владимира Андреевича, который во главѣ засаднаго полка рѣшаетъ битву въ пользу русскихъ. Слѣдующій непосредственно разсказъ о видѣніи небесныхъ вѣнцовъ передается уже самовидцемъ, „иже бысть отъ полку княже Володимерова“. Повѣданіе знаетъ эти два момента и въ концѣ перваго вставляетъ плачи женъ по убіеннымъ.

40) Начало второго момента: описывается стояніе въ засадѣ. Ниже разсказъ о выѣздѣ засаднаго полка изъ дубравы, ударъ его,

бѣгство непріятелей—составлены подъ непосредственнымъ вліяніемъ Повѣданія.

41) Перуна, Хурса (т.-е. Хорса)—обычная примѣсь славянскихъ божествъ въ древнихъ памятникахъ письменности.

42) „Сирѣчь глубока"—несомнѣнная интерполяція.

43) „Субуръ" здѣсь вмѣсто „Сабуръ"; имя второго въ спискахъ неустойчиво.

44) Нѣкоторые списки, помня, что князь раненъ, называютъ поданнаго ему коня „кротокъ". Всего вѣроятнѣй, что редакторъ имѣлъ въ виду представить князя раненымъ, главнымъ образомъ, затѣмъ, чтобы снять съ него подозрѣніе въ трусости, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшій разсказъ вскорѣ забываетъ о немощахъ великаго князя.

45) Разсказъ объ объѣздѣ побоища представляетъ весьма оригинальное развитіе сухого перечня убитыхъ, которыхъ Лѣтописная повѣсть цѣликомъ заимствуетъ изъ синодиковъ. И здѣсь имена убитыхъ воеводъ совпадаютъ съ именами Лѣтописной повѣсти, но перечень ихъ вставленъ въ художественно обработанную рамку.

46) Счетъ побитымъ взятъ цѣликомъ изъ Повѣданія, той его редакціи, которая издана по списку Ундольскаго подъ названіемъ Слова о Димитріи.

47) Разсказъ о погибели Мамая въ Каѳѣ, находящійся и въ восточныхъ преданіяхъ, въ этомъ спискѣ сокращенъ, въ другихъ онъ развитъ подробнѣй.

48) А вамъ... въ семъ вѣци и въ будущемъ—изъ Повѣданія. Также и слѣдующая рѣчь Дмитрія Владимиру: „Пойдемъ, брате..."

49) Здѣсь кончается повѣствованіе, въ общемъ сходное съ Т. Далѣе слѣдуетъ упомянутое мною выше окончаніе, представляющее сжатое и неудачное повтореніе почти всего предыдущаго изложенія: повторяются одни и тѣ же разговоры, описанія, рѣчи. Какъ замедлявшее ходъ разсказа оно было откинуто 2 редакціей и большею частію списковъ третьей.

II.

Изъ предложеннаго ниже описанія миніатюръ рукописей, означенныхъ Ув, М и P_1, видно, что Сказаніе иллюстрировалось, такъ сказать, шагъ за шагомъ. Миніатюръ въ общемъ числомъ 84, такъ что не только каждый эпизодъ представленъ соотвѣтствующей художественной композиціей, но нѣкоторые (напр.— повѣсть о приходѣ Ольгердовичей, въѣздъ войска съ побѣдою въ Москву) представлены нѣсколькими иллюстраціями. Всѣ эти рукописи, какъ будетъ видно, восходятъ къ одному художественному оригиналу, значительно болѣе древнему, чѣмъ настоящіе переводы, и надо отдать справедливость художнику этого оригинала за его весьма внимательное отношеніе къ содержанію Сказанія: всѣ миніатюры вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію, являются его непосредственнымъ воспроизведеніемъ. Большое количество иллюстрацій можетъ быть объяснено тѣмъ, что каждый рисунокъ представляетъ собой только одну сцену и не является соединеніемъ нѣсколькихъ. Можетъ быть позднѣйшіе переводы разложили на нѣсколько миніатюръ сложную композицію оригинала?

Слѣдующіе 84 мотива иллюстрацій Сказанія по количеству—не одинаковы въ разбираемыхъ рукописяхъ. Первое мѣсто по числу ихъ занимаетъ Ув, за нимъ слѣдуетъ P_1, потомъ уже М, утратившій бо̀льшую часть миніатюръ случайно, какъ экземпляръ дефектный, вмѣстѣ съ листами текста. Однако

М и вообще былъ иллюстрированъ скупѣе: на сохранившихся листахъ рукописи нѣтъ тѣхъ миніатюръ, которыя находятся въ этомъ мѣстѣ въ Ув. По характеру рисунка, особенно по композиціи, эти рукописи должны находиться въ связи между собою, причемъ сравнительно древнѣйшимъ переводомъ является Ув, затѣмъ уже слѣдуетъ—М и наконецъ—P_1. Въ такомъ порядкѣ я и буду описывать находящіяся въ нихъ миніатюры.

1. Олегъ отправляетъ пословъ къ Мамаю.

Ув (л. 2) Въ центрѣ--телѣга, запряженная тройкой лошадей. Три всадника, изъ нихъ первый держитъ въ рукѣ ярлыкъ Олега. Всадники съ длинными волосами и въ круглыхъ красныхъ шапкахъ. Миніатюра плохой сохранности.

М и P_1—этой миніатюры нѣтъ.

2. Послы отъ Ольгерда и Олега приходятъ къ Мамаю.

Ув (л. 4) Мамай сидитъ въ креслѣ подъ балдахиномъ. На немъ шапка въ родѣ чалмы. Въ правой рукѣ—жезлъ, лѣвая пригласительно протянута въ сторону пословъ. Сзади кресла—татарская свита съ саблями въ рукахъ. На татарахъ—круглыя шапки. По лѣвую сторону Мамая стоитъ его «темный князь», который подводитъ къ нему пословъ. Послѣдніе (трое)—безъ шапокъ съ длинными волосами; передній держитъ въ рукахъ ярлыкъ союзниковъ.

М—нѣтъ.

P_1 (см. I снимокъ). Тотъ же мотивъ и то же расположеніе фигуръ. Шатеръ, гдѣ сидитъ Мамай, разработанъ, покрытіе шатра фигурное, и весь онъ—въ видѣ палатки, поддерживаемой канатами, которые прикрѣплены кольями къ землѣ.

3. Великій князь Дмитрій молится предъ иконою, стоящею въ возглавіи его ложа.

Ув (л. 5 об.). Съ правой стороны—зубчатая стѣна города, съ лѣвой—внутренность покоя, гдѣ великій князь колѣнопреклоненно молится передъ большимъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса. Внизу—схематическое изображеніе великокняжескаго ложа.

М (Это—вторая миніатюра: первая, благодаря тому, что листы рукописи перебиты, попала сюда случайно изъ окончанія Сказанія и изображаетъ въѣздъ русскаго войска въ Москву послѣ побоища; ниже о ней будетъ рѣчь). То же, но стѣна безъ зубцовъ, внутренніе покои имѣютъ сверху разработанное покрытіе: на сводахъ покоится крыша въ видѣ шатра, съ прапоромъ наверху. На вѣнчикѣ вокругъ лика Спаса—инициалы имени «Іисусъ Христосъ». Внизу—ясно выраженное изображеніе ложа, въ возглавіи котораго стоитъ описанная икона. Рисунокъ слабѣе значительно, но вычурнѣй.

$Р_1$—нѣтъ.

4. Къ великому князю въ Москву пріѣзжаютъ князь Владиміръ и воеводы.

Ув (л. 6 об.). Князья Дмитрій и Владиміръ сидятъ слѣва на престолѣ, на немъ подушки, внизу—подножіе. Оба князя съ бородами; на головахъ шапки, наподобіе великокняжескихъ. Владиміръ въ зеленомъ, Дмитрій—въ лиловомъ кафтанахъ (цвѣта послѣднихъ послѣдовательно проведены во всѣхъ миніатюрахъ). Справа стоятъ пріѣхавшіе князья въ круглыхъ шапкахъ; у одного надѣтъ родъ мантіи съ застежкой на плечѣ. Въ глубинѣ покоя—окно съ переплетомъ въ косякъ. Покрытіе—шатровыя крыши и бочки. Справа—зубчатая стѣна, на которой изображены бойницы въ четыре ряда.

М—тотъ же мотивъ, но на головахъ князей—вѣнцы. Престолъ фигурный, также и покрытіе терема. Кафтанъ Вла-

димира свѣтло-зеленый, Дмитрія—свѣтло-кофейный. На шеяхъ подобіе бармъ. Стѣна—сплошная, безъ зубцовъ и бойницъ.

P_1—нѣтъ.

5. Первый приходъ князей Дмитрія и Владимира къ Кипріану.

Ув (л. 7). Кипріанъ принимаетъ ихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ храмѣ: покрытіе изъ закомаръ, хотя главъ нѣтъ. Князья (прежняго типа) стоятъ слѣва, сзади ихъ—прислужникъ. Кипріанъ (справа) въ лиловой мантіи и зеленой эпитрахили. Онъ принимаетъ князей съ низкимъ поклономъ.

М—нѣтъ.

P_1 (см. II). Композиція та же. Кипріанъ стоитъ на коврѣ въ полосатой мантіи, на немъ бѣлый клобукъ съ крестомъ. Служка, стоящій сзади князей, держитъ въ рукахъ шапку. Князья въ вѣнцахъ. Лицо Кипріана здѣсь не носитъ индивидуальныхъ чертъ, въ общемъ оно сходно съ лицами князей, тогда какъ въ Ув Кипріанъ—съ длинной бородой.

6. Князья собираютъ совѣтъ, чтобы уготовать стражу для посылки въ татарское поле.

Ув (л. 9). Князья слѣва сидятъ на престолѣ, уже въ вѣнцахъ и съ жезлами. Справа стоятъ члены совѣта, безъ шапокъ. Князья—въ нишѣ, поддерживаемой бочкообразными колоннами, увѣнчанными шатровыми верхами, наподобіе башенъ Китая-города. Надъ палатой, гдѣ стоятъ совѣтчики—покрытіе полуциркульное.

М—нѣтъ.

P_1 (см. III). Крыша фигурнѣй, на шатрахъ прапоры. Князья сидятъ безъ жезловъ. Сзади стоящихъ совѣтчиковъ—отдернутый занавѣсъ, какъ и въ Ув. Мотивъ въ общемъ тотъ же. Стѣны расписаны палатнымъ письмомъ (видно на стѣнѣ изображеніе мѣсяца или солнца).

7. Стража на развѣдкахъ въ дубравѣ.

Ув (л. 9 об.). Слѣва подъ деревьями—два осѣдланныхъ коня. Справа—трое стражей, изъ которыхъ двое съ пищалями взмостились на вѣтви. Передовой наблюдатель въ шапкѣ.

М—нѣтъ.

P_1 (см. IV). То же, но вмѣсто дубравы изображено одно дерево, подъ которымъ двѣ лошади (вторая лишь намѣчена контуромъ). Передовой стражъ безъ шапки, остальные въ шапкахъ. Пищали имѣютъ характеръ пистолетовъ.

8. Пойманнаго татарина стража приводитъ къ Дмитрію и Владимиру. Князья—слѣва, въ положеніи и одѣяніи, какъ и раньше. Сзади слуга. Справа—юноша ведетъ плѣннаго татарина, держа его за связанныя руки. Миніатюра плохой сохранности.

М—нѣтъ.

P_1 (см. V). То же, но покрытіе (въ Ув — двускатное и шатровое) здѣсь выражено простой волнистой чертою. Князья—безъ жезловъ. Юноша—съ саблей восточнаго образца; татаринъ со связанными руками, въ колпакѣ и длинномъ кафтанѣ. Въ глубинѣ покоя—окно (въ Ув—нѣтъ).

9. Приходъ князей бѣлозерскихъ на помощь великому князю.

Ув (л. 12). Князья слѣва въ обычномъ видѣ. По сторонамъ престола красные занавѣсы. Покрытіе сводчатое. Пришедшіе князья въ мантіяхъ стоятъ справа.

М—тотъ же мотивъ, но покрытіе разработано, на шатрахъ прапоръ. У Дмитрія—жезлъ, у Владимира нѣтъ. Число прибывшихъ больше, чѣмъ въ Ув, и костюмы пестрѣе.

P_1 (см. VI). Ближе къ М. Сверху—изображеніе терема съ двумя косящатыми окнами. Жезлъ также у одного Дмитрія.

10. Къ князьямъ Дмитрію и Владиміру приходятъ на помощь многіе князья и воеводы.

Ув (л. 12 об.) Собственно тотъ же мотивъ, что и въ предыдущей миніатюрѣ, поэтому и различія въ композиціи нѣтъ, кромѣ того, что покрытіе, увѣнчивающее миніатюру, разработано фигурнѣй.

М—то же. У Дмитрія въ рукѣ жезлъ. Престолъ—фигурнѣй, равно какъ и верхнее покрытіе, гдѣ изображенъ цѣлый городъ, съ теремными верхами, башнями, стѣною, воротами и одноглавой церковью, тамбуръ которой покоится на закомарахъ.

P_1 (см. VII). То же, что въ М, но безъ верхняго изображенія города. Пришедшихъ—меньше по числу, чѣмъ въ М.

11. Приходъ князей со свитой къ пр. Сергію.

Ув (л. 13). Князья и свита безъ шапокъ слѣва. Въ центрѣ на возвышеніи стоитъ пр. Сергій въ рясѣ и красной мантіи, безъ вѣнчика вокругъ лица. Онъ благословляетъ пришедшихъ. Справа—изображеніе церкви: глава покоится на бочкообразныхъ колонкахъ.

М—то же. Сергій на возвышеніи въ центрѣ съ вѣнчикомъ. Церковь—фигурнѣй по рисунку. Князья слѣва въ вѣнцахъ; свиты меньше, чѣмъ въ Ув.

P_1 (см. VIII). То же, что въ М, но рисунокъ упрощенъ. Нѣтъ возвышенія, на которомъ стоитъ Сергій.

12. Пр. Сергій благословляетъ крестомъ князей и свиту.

Ув (л. 14). Сверху—двуглавый храмъ съ восьмиконечными крестами. Князья слѣва безъ шапокъ. Лицамъ, особенно Дмитрія и Сергія, художникъ стремился придать выразительность. Миніатюра плохой сохранности.

М—то же, но крестъ четырехконечный. Слѣва и справа

рисунка—изображена стѣна съ зубцами и бойницами. Свиты— больше, чѣмъ въ Ув. Сергій—на возвышеніи и, какъ въ Ув, безъ вѣнчика.

P_1 (см. IX). То же, что въ М, но проще. Стѣны нѣтъ. Вокругъ лица Сергія—вѣнчикъ.

13. Второй приходъ князей къ Кипріану.

Ув (л. 15 об.). Сверху—покрытія двускатныя и въ видѣ луковицъ. Слѣва, внизу стоятъ князья въ вѣнцахъ со свитой, послѣдняя въ шапкахъ. Справа ихъ встрѣчаетъ Кипріанъ въ красной мантіи и желтой рясѣ.

М—то же, но верхъ разработанъ и представляетъ теремные верхи съ узкими окнами и переходами. Кипріанъ въ бѣломъ клобукѣ и полосатой мантіи.

P_1 (см. X). То же, что въ М, но значительно упрощено. На верху рисунка палатъ нѣтъ. Кипріанъ поставленъ на возвышеніи; мантія, клобукъ—какъ въ М.

14. Князья молятся передъ образомъ Спаса.

Ув (л. 16 об.). Сверху—пятиглавый храмъ (видно 3 главы), тамбуры на закомарахъ. Внизу, справа, князья со свитой стоятъ передъ образомъ. Справа образъ Спаса. Миніатюра не выразила, чѣмъ поддерживается образъ.

М—то же, но главы фигурнѣй. Образъ покоится на двухъ колонкахъ, передъ нимъ зажженная свѣча на высокомъ подсвѣчникѣ. У князей, какъ и въ Ув, молитвенно сложены руки. Вѣнчикъ Спаса съ буквами.

P_1 (см. XI). То же, что въ М, но хуже. Глава—одна. Вычурность М здѣсь опрощается, хотя мотивъ остается: Спасовъ образъ на колонкахъ, свѣча.

15. Молитва князей передъ образомъ Богоматери.

Ув (л. 17). Сверху—сводчатое покрытіе, но не увѣн-

чанное главами. Князья и свита, какъ въ 14 миніатюрѣ, но по рисунку небрежнѣй. Справа—икона Владимирской Богоматери, утвержденная на двухъ гладкихъ столбахъ, вѣнчикъ, какъ и въ 14, сплошной желтый.

М—сверху на закомарахъ 5 главъ, всѣ видны: закомары покоятся на 3 каменныхъ столбахъ, въ промежуткахъ—окна съ косящатымъ переплетомъ. Посрединѣ виситъ паникадило со свѣчою: несомнѣнно, миніатюра изображаетъ внутренность Успенскаго собора. Въ остальномъ—мотивъ тотъ же. Къ иконѣ ведутъ три ступени. Младенецъ на иконѣ съ правой стороны Богоматери, въ Ув.—съ лѣвой.

P_1 (см. XII). То же, что въ М, но проще. Сверху 5 главъ луковичныхъ; столбовъ видно два. У Богоматери на головѣ корона, какъ и въ М, въ Ув. короны нѣтъ.

16. Князья молятся у гробницы святителя Петра.

Ув (л. 18). Вмѣсто колоннъ храма—4 круглыхъ столба, сверху четыре главы безъ крестовъ. Въ центрѣ—рака, гдѣ покоится св. Петръ. Изображеніе Петра съ вѣнчикомъ вокругъ головы. Рака окружена родомъ рѣшетки. Сзади раки—князья: Дмитрій молитвенно припадаетъ ко гробу, Владимиръ, сзади, молится стоя. Краски плохо сохранились.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XIII). Четыре каменныхъ столба; между первымъ и вторымъ, въ возглавіи раки, паникадило. Сверху 4 главы и еще двѣ по сторонамъ. Въ остальномъ—мотивъ тотъ же, что и въ Ув, только съ князьями еще какое-то третье лицо. Ограда раки изображена въ видѣ стѣны съ башнями.

17. Кипріанъ благословляетъ князей у городскихъ воротъ.

Ув (л. 19). Слѣва—стѣна съ четырьмя рядами бойницъ: ворота въ видѣ трехъ арокъ, покоящихся на столбахъ. Сверху—

покрытія въ видѣ шатровъ и луковицъ. Подъ сводами слѣва—князья со свитой, всѣ безъ шапокъ. Справа Кипріанъ, въ красной мантіи, благословляетъ ихъ.

М—нѣтъ.

$Р_1$ (см. XIV). Та же композиція, но рисунокъ слабѣе. Сводовъ не выражено, равно какъ и воротъ, и арокъ. Вверху—одна церковная глава и двускатныя крыши. Митрополитъ—въ полосатой мантіи. Князья—въ вѣнцахъ. Правая сторона миніатюры испорчена.

18. Князья молятся въ Архангельскомъ соборѣ у гробовъ своихъ прародителей.

Ув (л. 19 об.). Сверху изображена одна глава, справа; слѣва—шатровое покрытіе. Своды покоятся на столбахъ. Внизу, слѣва, на столбѣ поясной образъ архистратига Михаила, направо гробница. Въ центрѣ—князья: Дмитрій склонился къ гробу. Послѣдній въ видѣ прямоугольнаго ящика, краснаго цвѣта.

М—нѣтъ.

$Р_1$ (см. XV) Верхъ—двуглавый на сводахъ, внизу каменные столбы. Въ общемъ то же, что въ Ув, только вмѣсто одной гробницы, рядъ надгробій съ крестами. Подъ сводами между столбами четыре окна.

19. Княгини и воеводскія жены отдаютъ мужьямъ конечное цѣлованіе.

Ув (л. 20 об.). Изображенъ рядъ обнимающихся паръ. Среди нихъ видны оба князя со своими женами; всѣ четыре фигуры въ вѣнцахъ. Миніатюра сохранилась плохо и, повидимому, не окончена.

М—нѣтъ.

$Р_1$ (см. XVI). Фигуры—тѣ же, но меньше. Сверху свод-

чатое покрытіе терема, съ палатнымъ письмомъ: на потолкѣ изображено солнце и мѣсяцъ.

20. Русское войско выступаетъ въ походъ.

Ув (л. 21 об.). Вверху — небо и солнце, отъ котораго идутъ внизъ лучи на войско. Князья ѣдутъ впереди: Дмитрій въ вѣнцѣ, Владиміръ съ обнаженной головою. Сзади—войско въ доспѣхахъ желтаго цвѣта; шлемы (остроконечные) зеленаго, краснаго, лиловаго и желтаго цвѣтовъ.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XVIII, такъ какъ здѣсь миніатюры перебиты). То же, но хуже. Солнце—въ видѣ лица, изъ устъ выходятъ лучи. Князья—оба въ вѣнцахъ. На воинахъ—шлемы, какъ въ Ув, доспѣхи—изъ квадратныхъ бляшекъ (куяки?). Надъ войскомъ—лѣсъ перпендикулярно поднятыхъ копій, какъ и въ Ув.

21. Княгиня и воеводскія жены смотрятъ съ терема на уходящее войско.

Ув (л. 22). Внизу—стѣна, надъ ней—окна съ спускающейся сережкой. Сверху четыре шатровыхъ покрытія. Слѣва, во второмъ и третьемъ окнѣ—княгини въ княжескихъ шапкахъ (жены Дмитрія и Владиміра). Миніатюра плохой сохранности.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XVII). То же, но окна проще. Внизу родъ лѣстницы, потому что художникъ имѣлъ въ виду изобразить рундукъ. Сверху—рисунокъ терема. Въ двухъ среднихъ окнахъ—княгини въ плачущихъ позахъ. По бокамъ ряда оконъ—двѣ круглыхъ каменныхъ башни.

22. Князь Владиміръ перевозится съ войскомъ черезъ Москву рѣку.

Ув (л. 23 об.). Четыре ладьи не въ одной плоскости. Передовая—съ конскими головами на кормѣ и на носу. Въ ней—оба князя (по аналогіи съ миніатюрами, гдѣ изображена переправа обоихъ князей). На ладьяхъ—стяги въ видѣ треугольныхъ кусковъ матеріи на древкахъ. Миніатюра плохой сохранности.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XIX). То же, но проще. Три лодки въ разныхъ плоскостяхъ. Конскія головы—у двухъ нижнихъ. Вода выражена нѣсколькими штрихами и еле раскрашена. Какъ и въ Ув—оба князя въ вѣнцахъ, и на ихъ лодкѣ—мачта. Такія же и знамена.

23. Коломенскій епископъ встрѣчаетъ князей въ городскихъ воротахъ.

Ув (л. 24). Справа видны палатныя постройки города. Князья со свитой, безъ шапокъ стоятъ слѣва, направо—епископъ съ монахами. Онъ благословляетъ князей восьмиконечнымъ крестомъ.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XX). То же, но хуже по рисунку. Епископъ напоминаетъ Кипріана въ предыдущихъ миніатюрахъ, та же полосатая мантія, только клобукъ черный (въ Ув—бѣлый). Покрытія—вычурныя: надъ воротами слѣва—шатеръ съ прапоромъ, справа—теремныя крыши, крашены въ шахматъ. Прапоръ и на правой сторонѣ надъ ними. За епископомъ стоитъ служка (въ Ув—нѣсколько монаховъ).

24. Смотръ войска на Дѣвичьемъ полѣ въ Коломнѣ.

Ув (л. 25). перспективы нѣтъ: вверху князья верхомъ, въ созерцательной позѣ. На головахъ вѣнцы. Внизу—воины трубятъ. Доспѣхи—тѣ же, что и раньше; введены еще—круг-

лые щиты съ рисункомъ: спиральныя линіи расходятся отъ центральнаго круга. Шаровары воиновъ засучены у колѣнъ. Миніатюра плохой сохранности.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XXI). Наверху князья стоятъ другъ противъ друга: Дмитрій указываетъ Владиміру рукою внизъ на войско. Князья изображены, очевидно, «на высокомъ мѣстѣ». Внизу—рать и трубящіе воины. Трубы, какъ и въ Ув, прямыя. Доспѣхи и шлемы такіе же, какъ и раньше въ миніатюрахъ P_1.

25. Войско выступаетъ по Коломенской дорогѣ.

Ув (л. 26). Впереди—знаменоносецъ—юноша въ зеленомъ кафтанѣ, безъ шапки. Знамя съ изображеніемъ Нерукотворнаго Спаса. Позади знамени ѣдутъ князья, въ вѣнцахъ, и воины. Вооруженіе—такое же, какъ и выше, но щитовъ нѣтъ. Въ противоположность большинству миніатюръ Ув эта сохранилась прекрасно.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XXIII—опять листы перебиты). Тотъ же мотивъ, но полное отсутствіе перспективы. Князья въ вѣнцахъ, движеніе рукъ имѣлось въ виду придать имъ то же, что и въ Ув, но художнику этого не удалось.

26. Переправа русскаго войска черезъ Оку.

Ув (л. 26 об.). Внизу справа—ладья, везущая князей. Оба князя въ вѣнцахъ. Сзади лодка, гдѣ сидящіе—въ шапкахъ, еще далѣе и выше—воины въ шлемахъ, съ копьями и знаменами, на 4 лодкахъ. Вода—синевато-зеленаго цвѣта.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XXII). Композиція на этотъ разъ отличается отъ Ув: князья не внизу, а вверху. На остальныхъ лодкахъ—воины, частью въ шапкахъ, частью въ шлемахъ. Внизу справа—

на лодкѣ ѣдутъ двое юношей въ круглыхъ шапкахъ. Лодки направо украшены конскими головами (въ Ув—нѣтъ). Наверху слѣва изображена перевозка лошадей на лодкѣ. Перспективы нѣтъ, все — въ разныхъ плоскостяхъ.

27. Третья стража въ татарскомъ полѣ.

Ув (л. 27). Посрединѣ—раскидистое дерево, на вѣтвяхъ котораго сидитъ одинъ изъ стражей. Другой спитъ подъ деревомъ справа. Слѣва внизу къ дереву привязаны двѣ осѣдланныя лошади. Миніатюра плохой сохранности.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XXIV). Мотивъ тотъ же, но разработанъ. Дерево стилизовано. На вѣтвяхъ сидитъ стражъ съ ружьемъ (въ Ув ружья нѣтъ). Подъ деревомъ другой, спящій, лежитъ на подушкѣ. Лошади не привязаны. Сзади нихъ въ землю воткнутъ значокъ въ видѣ треугольнаго флачка на длинномъ древкѣ.

28. Ольгердъ литовскій ѣдетъ съ войскомъ къ Одоеву.

Ув (л. 29). Ольгердъ верхомъ впереди, въ острой опушенной мѣхомъ шапкѣ. У него—длинные волосы. Сзади—конные воины въ шлемахъ. Вооруженіе, какъ и выше. Ольгердъ въ короткомъ красномъ кафтанѣ. Особеннаго въ мотивѣ ничего нѣтъ.

М—нѣтъ.

P_1—нѣтъ.

29. Андрей Ольгердовичъ посылаетъ своему брату Дмитрію «буквицу малу».

Ув (л. 30). Слѣва—внутренность терема, покрытаго сверху бочками и шатромъ съ прапоромъ. Князь Андрей сидитъ на тронѣ въ княжеской шапкѣ. Онъ—юноша безъ усовъ и бороды, съ длинными волосами. Передъ нимъ стоитъ другой юноша, которому князь протягиваетъ свернутую грамоту.

Справа—низкая зубчатая стѣна. Миніатюра эта налѣплена на другую, которую почему-то художникъ рѣшилъ уничтожить. На первоначальной миніатюрѣ можно разглядѣть контуры воиновъ въ полномъ вооруженіи.

М и P_1 нѣтъ.

30. Князь Дмитрій Ольгердовичъ читаетъ полученное отъ брата посланіе.

Ув (л. 31). Палаты въ общемъ тѣ же, что въ предыдущей миніатюрѣ. Шатровыя покрытія и та же невысокая зубчатая стѣна. Дмитрій слѣва сидитъ на тронѣ, сзади котораго отдернутъ занавѣсъ. Типъ Дмитрія одинаковъ съ братомъ. Передъ княземъ юноша держитъ развернутую грамоту.

М и P_1—нѣтъ.

31. Князья Ольгердовичи встрѣчаются другъ съ другомъ.

Ув (л. 32). Слѣва и справа—конные воины: въ центрѣ стоятъ два брата, крѣпко обнявшись. Оба безъ шапокъ. Вооруженіе воиновъ, какъ и выше; есть круглые щиты.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XXV). То же, но по рисунку хуже. Копья и знамена войскъ расположены симметрично (чего нигдѣ нѣтъ въ Ув).

32. Ольгердовичи пріѣзжаютъ на помощь русскимъ князьямъ.

Ув (л. 33). Слѣва—русское войско, во главѣ оба князя, въ вѣнцахъ. Справа подъѣзжаютъ Ольгердовичи (типъ вездѣ сохраненъ) и Дмитрій Волынецъ—старецъ, онъ—безъ шапки, какъ и оба литовскихъ князя. Посреди двухъ встрѣтившихся войскъ—развѣсистое дерево. Миніатюра плохой сохранности.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XXVI). То же, но хуже и стилизовано: дерево сдѣлано совсѣмъ въ видѣ орнамента. Ольгердовичи по типу—къ Ув; Волынецъ—въ шапкѣ.

33. Посолъ отъ великаго князя приходитъ къ Кипріану сообщить о пріѣздѣ Ольгердовичей.

Ув (л. 36). Кипріанъ стоитъ слѣва, направо передъ нимъ посолъ, держащій въ лѣвой рукѣ шапку. Сверху миніатюры— своды, утвержденные на двухъ колонкахъ. Композиція проста, фигуры архаичны.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XXVII). Мотивъ иной. Сверху три луковичныя главы, покоящіяся на сводахъ, поддерживаемыхъ колонками. Слѣва на престолѣ сидитъ Кипріанъ, съ жезломъ и въ полосатой мантіи. Въ центрѣ стоитъ горящая свѣча въ высокомъ подсвѣчникѣ. Справа подошелъ посолъ, у него въ лѣвой рукѣ шапка, правой рукой онъ подаетъ развернутый свитокъ.

34. Великая княгиня Евдокія творитъ милостыню убогимъ.

Ув (л. 36 об.). Евдокія справа стоитъ въ теремѣ. На ней великокняжеская шапка. Она протягиваетъ хлѣбъ стоящимъ справа убогимъ съ торбами, босикомъ и безъ шапокъ. Молодые и старые нищіе подпираются клюками. Въ фигурахъ замѣтенъ реализмъ. Миніатюра хорошей сохранности.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XXVII). То же, но хуже. Теремъ стилизованъ (въ Ув—теремъ съ дверью, обитой полосами желѣза, верхъ двускатный). У нищихъ просительно протянуты руки, хотя княгиня ничего имъ не подаетъ. Группа нищихъ нарисована небрежно (4 головы и 3 пары ногъ). Первый нищій въ лаптяхъ, но группа по реализму далека отъ группы Ув.

35. Стража приводитъ князьямъ пойманныхъ татаръ.

Ув (л. 37 об.). Князья сидятъ слѣва, надъ ними шатеръ. На головахъ вѣнцы. Сзади находится юноша — (Ольгердовичъ?). Направо молодой стражникъ указываетъ на двухъ,

связанныхъ цѣпями за руки, татаръ. Послѣдніе въ длинныхъ кафтанахъ.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XXIX). То же. Покрытіе разрисовано полосами въ шахматъ. Занавѣсъ сзади трона меньше, чѣмъ въ Ув. Сзади князей—двое юношей. ясно, что Ольгердовичи. Стражъ, какъ и раньше въ P_1—съ кривой саблей. Татары связаны веревкой.

36. Князья, Ольгердовичи и воеводы держатъ совѣтъ—перевозиться ли черезъ Донъ.

Ув (л. 38). Сверху—палатное покрытіе, крыши въ видѣ шатровъ и луковицъ. Въ центрѣ сидятъ князья, оба въ вѣнцахъ, справа—двое Ольгердовичей, вокругъ остальные думцы—старцы. По бокамъ отдернутые занавѣсы.

М—то же, но верхнее покрытіе разработано: шатры похожи на покрытіе башенъ Китая города. Надъ ними еще два шатра съ прапорами. Князья въ вѣнцахъ.

P_1 (см. XXX). Покрытіе—теремная крыша съ двумя косящатыми окнами. Фигуры расположены симметрично: князья и думцы слѣва, справа—Ольгердовичи и другая партія думцевъ. По бокамъ точеные столбы, какъ и въ М (въ Ув проще, но ближе къ P_1).

37. Переправа всего войска черезъ Донъ.

Ув (л. 39). Лодки нарисованы не въ одной плоскости. Сверху—войско, съ флагами и копьями, перевозится на 3 лодкахъ, внизу—также 3 лодки, гдѣ ѣдутъ князья (въ вѣнцахъ) и Ольгердовичи (въ шапкахъ). Миніатюра хорошей сохранности.

М—воды не изображено. То же, что въ Ув, но лодокъ по шести вверху и внизу. Посреднинѣ тѣхъ и другихъ —лодка,

перевозящая лошадей. Великокняжеская лодка съ мачтой, въ ней князья и Ольгердовичи.

Р₁ (см. XXXI). Ближе къ М.: 5 лодокъ вверху, лодка съ лошадьми посрединѣ, на великокняжеской внизу—мачта и парусъ. Воды не изображено. Какъ и въ М—веселъ нѣтъ нигдѣ (въ Ув весла изображены всюду, гдѣ лодки).

38. Волки воютъ на мѣстѣ будущаго побоища.

Ув (л. 39 об.). Гористая мѣстность, слѣва дерево. Волки поднялись на заднія лапы и расположены симметрично.

М—то же, но стилизованы и горы, и деревья. Рисунокъ волковъ плохъ, раскраска—тоже.

Р₁ (см. XXXII). То же, что въ М, но еще проще. Налѣво—3 волка, какъ въ Ув, направо—два, вмѣсто 3 волковъ М. Деревьевъ мало, гора по контуру ближе къ М, а обѣ восходятъ къ старымъ очеркамъ гористыхъ поверхностей (ломаная линія).

39. Птицы слетаются на мѣсто будущаго побоища.

Ув (л. 41 об.). Деревья сплетены въ красивый орнаментъ, орнаментированы и птицы, хотя стилизація здѣсь значительно меньше, чѣмъ въ послѣдующихъ спискахъ. Внизу 3 стилизованныхъ куста. Общій тонъ—голубовато-зеленый.

М—то же, но значительно стилизовано. Птицъ больше. Рисунокъ хуже, но раскраска пестрѣе.

Р₁ (см. XXXIII). Ближе къ М, но птицъ меньше. Деревья очень похожи на М. Кустовъ внизу нѣтъ.

40. Татарскіе всадники гонятся за русской стражей.

Ув (л. 41). Русскіе слѣва, въ шапкахъ, въ испугѣ обернулись лицомъ къ настигающимъ ихъ татарамъ. Послѣдніе—въ шлемахъ, ничуть не отличающихся отъ обычныхъ. Въ рисункѣ видно движеніе.

М—то же, но у русскихъ и татаръ—значки въ видѣ флаговъ. Татары скачутъ по возвышенности, русскіе—въ равнинѣ (въ Ув - земли не нарисовано). Лошади близки къ Ув, но хуже по рисунку.

Р₁ (см. XXXIV). Близко къ М. Такъ же, какъ и въ М здѣсь отсутствуетъ движеніе. Доспѣхи татаръ—такіе же, какъ въ М.

41 и 42. Изображеніе стоящихъ другъ противъ друга войскъ—русскаго и татарскаго.

Ув (л. 42). Изображеніе татарскаго войска: рядъ воиновъ въ шлемахъ съ копьями. Всѣ верхомъ; у воиновъ круглые щиты. Надъ войскомъ 4 знамени въ видѣ флаговъ. Л. 43—русское войско: всадники съ копьями и круглыми щитами. Переднiй всадникъ въ шлемѣ съ забраломъ. На знамени—крестъ съ тростью и копьемъ.

М—сначала изображеніе русскаго войска: то же, но на знамени изображенъ Нерукотворный Спасъ. Забрало—не понято художникомъ. Не понята и слѣдующая миніатюра, изображающая татарское войско: на татарскихъ флагахъ поставлены кресты. Движенія нѣтъ противъ Ув, и рисунокъ вообще слабѣе.

Р₁ (см. XXXV). То же, что въ М: знамя со Спасомъ. Случайно вырвано мѣсто, гдѣ долженъ былъ быть передній русскій всадникъ (съ забраломъ). Какъ и въ М—все стилизовано (въ Ув—нѣтъ той симметріи, которая старательно подчеркивается М и Р₁).

Р₁ (см. XXXVI). Ближе къ М, но крестовъ на флагахъ нѣтъ. Послѣдній всадникъ держитъ въ рукѣ мечъ (въ Ув—плеть, въ М ничего). По стилизаціи—тожественно съ М.

43. Князья производятъ смотръ всему войску.

Ув (л. 44). Слѣва, на «высокомъ мѣстѣ», стоятъ князья въ вѣнцахъ. Впереди—войско со знаменемъ, на которомъ, какъ и выше—крестъ (8-конечный съ тростью и копіемъ). Великій князь молитвенно воздѣлъ руки.

М—нѣтъ.

P1 (см. XXXVII). На возвышеніи—только князья (въ Ув—свита). Войскъ больше. Знамя со Спасомъ, какъ и раньше, кромѣ того, еще одинъ флагъ. Рисунокъ плохой.

44. Великій князь Дмитрій молится своему знамени.

Ув (л. 45). Знамя и расположеніе фигуръ—какъ въ предыдущей миніатюрѣ. На высокомъ мѣстѣ—Дмитрій колѣнопреклоненный снялъ съ себя вѣнецъ, который лежитъ передъ нимъ, сзади—Владимиръ, съ вѣнцомъ на головѣ и, наконецъ, юноша—Ольгердовичъ, всѣ они—стоятъ.

М—нѣтъ.

P1 (см. XXXVIII [1]). Композиція близка къ XXXVII—тоже знамя и флагъ. Князья на возвышеніи такъ же, какъ и въ Ув, сзади одинъ только юноша, опять такъ же, какъ и въ Ув. Очеркъ горы близокъ къ старому пошибу.

45. Князь Владимиръ съ войскомъ въѣзжаетъ въ дуброву.

Ув (л. 46 об.). Деревья—какъ и раньше,—соединеніе реализма съ орнаментаціей. Слѣва ѣдетъ въ вѣнцѣ Владимиръ съ войскомъ.

М—нѣтъ.

P1 (см. XXXIX). Деревья сильно стилизованы и помѣщены въ разныхъ плоскостяхъ. За Владиміромъ, который изображенъ въ вѣнцѣ, ѣдетъ старецъ въ круглой шапкѣ, это—Дмитрій Волынецъ (въ Ув—онъ не изображенъ). Войско со знаменемъ, на которомъ двуглавый орелъ.

---

[1]) На снимкѣ ошибкою напечатано: XXXVII.

46. Волынецъ ѣдетъ съ великимъ княземъ испытать примѣты.

Ув (л. 47 об.). Князь и Волынецъ вверху справа (по вѣнцу великаго князя, очевидно, позже, кто-то прошелъ красной краской; вообще къ концу замѣчается здѣсь чье-то подновленіе окраски). Справа внизу— войско въ шлемахъ. Возвышеніе, на которомъ стоятъ верхами Дмитрій и Волынецъ— выражено. Волынецъ безъ шапки.

М—нѣтъ.

P_1 (см. XL). Все, какъ въ Ув, но стилизація особенно замѣтна въ очертаніи деревьевъ и воиновъ. Знамя, какъ и въ предыдущей миніатюрѣ—съ изображеніемъ двуглаваго орла.

47. Волки воютъ во время испытанія примѣтъ.

Ув (л. 48). Такая же композиція встрѣчалась и выше. Рисунокъ Ув ее и повторяетъ, только деревьевъ больше.

М—то же, что и въ Ув. Волковъ—по трое съ каждой стороны: у заднихъ головы симметрично обращены назадъ.

P_1 (см. XLI). Все такъ, какъ въ М, но рисунокъ проще.

48. Клекотъ птичій во время испытанія примѣтъ.

Ув (л. 48 об.). Сверху—летящія птицы, внизу по водѣ плывутъ гуси и лебеди—соотвѣтственно тексту сказанія. Летящія птицы нѣсколько стилизованы.

М—стилизація и симметрія—значительно ярче. Воды не выражено. Посрединѣ—стилизованное дерево (нѣтъ въ Ув).

P_1—нѣтъ.

49. Волынецъ слушаетъ плачъ земли.

Ув (л. 49 об.). Великій князь въ вѣнцѣ, направо, сзади него войско съ значками. Противъ Дмитрія—еще всадникъ, на первомъ планѣ слѣва Волынецъ преклоняетъ ухо къ землѣ. Миніатюра плохой сохранности.

М—(Миніатюра помѣщена ниже, послѣ картины общаго боя). Композиція—то же, но по рисунку и стилизаціи ближе къ $Р_1$.

$Р_1$ (см. XLII). Рисунокъ плохой. Дмитрій въ вѣнцѣ, всадникъ противъ—безъ шапки (можетъ быть въ вѣнцѣ—Владиміръ, а безъ шапки—великій князь?). Волынецъ не склонился на землю слушать, какъ въ Ув, но стоитъ на колѣняхъ и поднялъ голову, какъ бы смотритъ на князя.

50. Великій князь молится, узнавъ о видѣніи Ѳомѣ мучениковъ Бориса и Глѣба.

Ув—нѣтъ, такъ какъ утрачено нѣсколько листковъ.

М—нѣтъ.

$Р_1$ (см. XLIII).—Князь и двое юношей (Ольгердовичи?) слѣва, безъ шапокъ. Справа два стилизованныхъ дерева. Холмистая мѣстность.

51 и 52. Обѣ рати сходятся, испуская «трубные гласы».

Ув—утрата продолжается.

М—нѣтъ.

$Р_1$ (см.XLIV и XLV). Композиція обоихъ войскъ та же, что и выше: у русскихъ знамя съ Нерукотвореннымъ Спасомъ, у татаръ—значки, татарскій всадникъ въ тылу—съ поднятымъ мечемъ. Передовые воины русскіе и татарскіе трубятъ въ длинныя, большею частью прямыя, трубы. Русское войско ведетъ великій князь въ вѣнцѣ.

53. Посланецъ пр. Сергія передаетъ благословеніе преподобнаго старца.

Ув—утрата продолжается.

М—нѣтъ.

$Р_1$ (см. XLVI). Князь и посланецъ наверху справа: великій князь безъ шапки: его благословляетъ крестомъ послан-

*

ный. Вверху налѣво—видно войско. Внизу юноша держитъ коня, на которомъ прибылъ посланецъ пр. Сергія. Рисунокъ плохъ, фигуры—не въ одной плоскости.

54 и 55. Обѣ рати сходятся на бой.

Ув (л. 51). Изъ двухъ миніатюръ сохранилась вторая—видъ татарскаго войска: воины въ шлемахъ, съ круглыми щитами. Надъ войскомъ развѣваются 3 значка.

М—миніатюры другъ противъ друга. У русскаго войска на знамени—Нерукотворный Спасъ. Впереди полководецъ (не князь) съ круглымъ щитомъ, въ рукѣ держитъ длинное копье. Татарское войско по доспѣхамъ ни въ чемъ не отличается отъ русскаго, только у передняго всадника щитъ продолговатый. Значки у войска—какъ и въ Ув.

P_1 (см. XLVII и XLVIII). Близки къ М, такіе же щиты, копья, знамена. У передового, какъ и въ М, на шлемѣ—прапоръ. Весьма близко къ М и изображеніе татарскаго войска. Обычное стремленіе къ стилизаціи фигуръ.

56. Единоборство Пересвѣта и татарскаго богатыря.

Ув (л. 53). Татаринъ справа поражаетъ Пересвѣта ножемъ, у Пересвѣта—копье. Татарскій щитъ круглый, русскій—четыреугольный. Татаринъ, какъ исполинъ, изображенъ крупнѣе. Въ рисункѣ есть движеніе. Миніатюра плохой сохранности.

М—близко къ Ув, но рисунокъ вычурнѣй. У Пересвѣта на шлемѣ прапоръ.

P_1 (сл. XLIX). Еще ближе къ Ув, но рисунокъ слабый. Прапора нѣтъ. Фигурное копье Пересвѣта такое же, какъ въ М. Движенія нѣтъ.

57. Общая битва.

Ув (л. 54 об.). Эта миніатюра кѣмъ-то подправлена позже.

Сверху надпись почеркомъ XVIII в.: «Бои с нечестивыми»; надъ татарами справа тѣмъ же почеркомъ: «Огоряны»; надъ русскими слѣва: «Християне»; внизу: «Трупы». Этой композиціи, лишенной движенія, со схематическимъ изображеніемъ сходящихся войскъ и разсѣченными трупами, лежащими подъ конскими ногами, суждено ниже повторяться очень часто. Кровь выражена мазками красной краски.

М—У войска—знамена (нѣтъ въ Ув). Движенія—нѣтъ: все стилизовано и расположено симметрично.

P_1 (см. L). Ближе къ Ув: знаменъ нѣтъ, у воиновъ сабли, какъ и въ Ув. Движенія мало: композиція занимаетъ средину между Ув и М. Вооруженіе и доспѣхи ничего новаго не даютъ.

58. Мамай съ высокаго мѣста смотритъ на битву.

Ув и М—нѣтъ.

P_1 (см. LI). Мамай въ чалмѣ со свитой (3 татарина верхами) на высокомъ мѣстѣ. Внизу стилизованныя деревья. Мамай рукой показываетъ налѣво, очевидно, на битву.

59. Стояніе засаднаго полка въ дубравѣ.

Ув (л. 55 об.). Дубрава изображена какъ и раньше. Слѣва Владимиръ верхомъ, въ вѣнцѣ. Сзади войско. Дмитрій Волынецъ не изображенъ.

М—нѣтъ.

P_1 (см. LII). Композиція, какъ и въ Ув. Деревья очень стилизованы и не въ одной плоскости. Сзади Владимира—старецъ въ шлемѣ, можетъ быть, Волынецъ. Раскраска миніатюры испорчена.

60. Небесныя руки, спускающія вѣнцы на русское войско.

Ув (л. 56). Внизу—обычная картина боя. Сверху на небѣ—руки, держащія вѣнцы.

М—нѣтъ.

P_1 (сл. LIII). Внизу обычная для композиціи P_1—картина боя. Вверху руки съ вѣнцами, изъ нихъ 4 вѣнца спускаются внизъ на русское войско (единственное отличіе отъ Ув). Рисунокъ, по обыкновенію, слабѣе Ув.

61. Князь Владимиръ молится передъ выходомъ изъ дубравы.

Ув (л. 57). Изображены двѣ фигуры: Владиміръ безъ шапки, Волынецъ въ шлемѣ. Миніатюра очень плохой сохранности и подновлена.

М—нѣтъ.

P_1 (см. LIV). То же, что въ Ув, но хуже. Справа вверху облако, лучи изъ котораго падаютъ на Владиміра (то же и въ Ув).

62. Засадный полкъ ударяетъ на татарскую силу.

Ув (л. 58). Обычное изображеніе боя.

М—нѣтъ.

P_1 (см. LV). Обычная для P_1 картина боя, со знаменемъ въ войскѣ русскихъ и значкомъ—у татаръ. Сабли у сражающихся одинаковы съ Ув. Копья не скрещены, какъ на другихъ миніатюрахъ, изображающихъ бой, но русскіе одни поражаютъ ими татаръ.

63. Бѣгство татарскаго войска.

Ув (л. 58 об.). Копья скрещены, но русскіе преслѣдуютъ татаръ, поднявъ сабли. Отъ обычнаго изображенія боя эта миніатюра отличается только большимъ количествомъ побитыхъ, лежащихъ подъ конскими ногами.

М—нѣтъ.

P_1 (см. LVI). Композиція, какъ въ Ув, но упрощена. Опять знамя и татарскій значекъ, послѣдній наклоненъ. Русскіе поражаютъ татаръ копьями и машутъ саблями. Убитые лежатъ въ рядъ подъ татарами (одинаково съ Ув).

64. Русскіе воины преслѣдуютъ Мамая.

Ув (л. 59 об.). Русскіе слѣва, съ саблями и копьями, направленными противъ татаръ. Мамай со свитой справа бѣжитъ отъ русскихъ, оглядываясь назадъ. Мамай—старикъ, съ длинной бородой, въ чалмѣ.

М—то же, что въ Ув, но у русскихъ знамя съ крестомъ. Рисунокъ хуже (напримѣръ—чалма Мамая). Въ свитѣ Мамая—три татарина, въ Ув—больше.

P_1 (см. LVII). Близко къ М, только нѣтъ знамени.

65. Трупы побитыхъ татаръ объ óнъ-полъ рѣки Непрядвы.

Ув (л. 60). Направо—берегъ, налѣво—груда тѣлъ, намѣченная схематично.

М—то же, но стилизованнѣй. По рѣкѣ плывутъ рыбы. Тѣла лежатъ на противоположномъ берегу Непрядвы.

P_1 (см. LVIII). Общая композиція и рисунокъ—близки къ Ув, только въ послѣднемъ—тѣла расположены не такъ симметрично.

66. Князь Владиміръ стоитъ «на костяхъ».

Ув (л. 66). Позади Владиміра—двое Ольгердовичей и Дмитрій Волынецъ, затѣмъ войско со значками и знаменемъ съ крестомъ (съ тростью и копіемъ). Копья подняты вверхъ, и среди нихъ—труба прямая: ею сзываютъ войска подъ знамя. Всѣ князья въ круглыхъ шапкахъ.

М—нѣтъ.

P_1 (см. LIX). То же, но на знамени — Нерукотворный Спасъ. Труба расписная. Князь Владиміръ въ вѣнцѣ, Ольгердовичи и Волынецъ въ шапкахъ.

67. Отроки въ поискахъ великаго князя находятъ Бренка.

Ув (л. 60). Отроки на коняхъ слѣва. Справа убитый

Бренко, но великокняжеской одежды на немъ не видно. Отроки въ шапкахъ.

М—нѣтъ.

P_1 (см. LX). То же, но рисунокъ хуже и стилизованъ. У отроковъ—значекъ въ видѣ треугольнаго флага.

68. Отроки находятъ князя Ѳедора Бѣлозерскаго.

Ув (л. 62 об.). Композиція та же, что въ 67, но миніатюра кѣмъ-то сильно подновлена.

М—нѣтъ.

P_1 (см. LXI). То же, что въ Ув, но съ присущимъ P_1 характеромъ. Значекъ воткнутъ въ землю справа, слѣва тѣ же два отрока.

69. Костромичи находятъ великаго князя.

Ув (л. 63). Нашедшіе—слѣва, они преклонили колѣна, сняли шапки и положили ихъ передъ собою. Справа подъ деревомъ лежитъ великій князь въ вѣнцѣ, сложивъ руки крестомъ. Внизу привязаны къ кусту двѣ лошади.

М—нѣтъ.

P_1 (см. LXII). То же, что въ Ув, но стилизовано, особенно деревья, выполненныя по обычной для P_1 манерѣ. Одинъ изъ нашедшихъ—съ бородой, въ Ув—оба молодые.

70. Князья привѣтствуютъ найденнаго великаго князя.

Ув (л. 64). Дерево написано такъ же, какъ и въ предыдущей миніатюрѣ, равно какъ и поза великаго князя. Передъ нимъ склонился Владиміръ, въ вѣнцѣ, сзади Ольгердовичи, затѣмъ войско. Внизу у куста привязаны три лошади (князей). Миніатюра хорошей сохранности.

М—то же, но стилизовано. У войска, по обыкновенію, значекъ.

P_1 (см. LXIII).—Весьма близко къ М, но значка нѣтъ.

71. Великій князь благодаритъ князей за побѣду.

Ув (л. 64 об.). Князья Дмитрій и Владимиръ въ вѣнцахъ—по срединѣ. Сзади стоятъ трое юношей. Миніатюра хорошей сохранности.

М—то же, но вмѣсто трехъ—двое юношей и старецъ, т.-е., Ольгердовичи и Волынецъ, кромѣ того, еще свита.

$Р_1$ (см. LXIV). Близко къ М, но рисунокъ плохъ.

72. Поѣздка по побоищу. Великій князь плачетъ при видѣ множества убитыхъ.

Ув (л. 65 об.). Слѣва ждутъ: князья въ вѣнцахъ, свита. Справа и внизу—груды тѣлъ по обычному шаблону. Великій князь плачетъ.

М и $Р_1$—нѣтъ.

73. Поѣздка по побоищу. Князья наѣзжаютъ на 8 князей Бѣлозерскихъ.

Ув (л. 66). Князья въ вѣнцахъ, Ольгердовичи—слѣва. Передъ ними лежатъ восемь труповъ. Великій князь плачетъ.

М—то же, но рисунокъ стилизованный. Среди войска возвышается труба.

$Р_1$ (см. LXV). Близко къ Ув. Сзади князей видны Ольгердовичи и Волынецъ. Трубы—нѣтъ.

74. Поѣздка по побоищу: наѣзжаютъ на Брепка и Мелика.

Ув (л. 66 об.). Композиція та же, что и въ 73 миніатюрѣ.

М—нѣтъ.

$Р_1$ (см. LXVI). Миніатюра снизу оборвана. То же, что въ Ув, но среди войска—труба. Князья въ вѣнцахъ, Дмитрій плачетъ.

75. Войско возвращается, каждый подъ свое знамя.

Ув—нѣтъ.

М—пять стяговъ, въ разныхъ плоскостяхъ. Лица, держащія ихъ,—въ шапкахъ. Подъ каждымъ стягомъ собралось по группѣ воиновъ.

Р1 (см. LXVII). Близко къ М, но стяговъ четыре. Воины въ шлемахъ. Рисунокъ и композиція — плохи (какъ и въ М).

76. Войско съ князьями наѣзжаетъ на Пересвѣта.

Ув (л. 67 об.). Внизу—сраженные Пересвѣтъ и татарскій богатырь. Вверху—князья и войско. Впереди войска трубачи трубятъ: великій князь повелѣлъ трубить на этомъ мѣстѣ.

М—войско, какъ и въ предыдущей миніатюрѣ М—со стягами въ видѣ группъ, расположенныхъ въ разныхъ плоскостяхъ. Гдѣ князья, тамъ знамя съ Нерукотворнымъ Спасомъ. Воины трубятъ: трубы прямыя, одна, впрочемъ, изогнутая, западнаго характера. Внизу сраженные богатыри—Пересвѣтъ и татаринъ.

Р1 (см. LXVIII). Нижняя часть миніатюры—сраженные богатыри—ближе къ Ув, верхняя—къ М: стяги, знамя, расположенье войска. Трубы—только прямыя.

77. Изображеніе рѣки Дона, запруженнаго татарскими трупами.

Ув—нѣтъ.

М—грубое изображеніе рѣки, сзади которой груда тѣлъ татарскихъ, расположенныхъ симметрично.

Р1 (см. LXIX). Композиція—та же, что и въ М.

78. Погребеніе русскихъ, павшихъ въ бою.

Ув (л. 68 об.). Сложная композиція, изображающая преданіе землѣ павшихъ. Миніатюра плохой сохранности и кѣмъ-то подправлена и подкрашена черной краской.

М и Р1—нѣтъ.

79. Татарскія тѣла преданы дикимъ звѣрямъ и птицамъ на съѣденье.

Ув (л. 68 об.). Вверху птицы выклевываютъ глаза, внизу звѣри поѣдаютъ части тѣлъ. Миніатюра плохой сохранности и подновлена.

М и $Р_1$—нѣтъ.

80. Жены плачутъ по убитымъ.

Ув (л. 69 об.). Три женщины въ скорбныхъ позахъ: скудно по замыслу и по выполненію.

М и $Р_1$—нѣтъ.

81. Жены плачутъ на городскихъ забралахъ.

Ув (л. 71 об.). Изображеніе города, башня котораго увѣнчана шатровымъ верхомъ. Изъ бойницъ стѣнъ выглядываютъ пушки. Справа на стѣнѣ—жены, онѣ же видны и въ амбразурахъ.

М—нѣтъ.

$Р_1$ (см. LXX). То же, что въ У, но вычурнѣй, рисунокъ слабѣе, и меньше изображено плачущихъ женщинъ. Въ башнѣ—ворота со спускающейся сережкой, въ воротахъ стоитъ на колесахъ пушка.

82. Убійство Мамая въ Каѳѣ.

Ув (л. 72 об.). Вверху—шатровыя башни, напоминающія, какъ и выше, башни Китая-города. Внизу лежитъ Мамай, надъ нимъ два каѳинца, которые убиваютъ его ножами. Почеркомъ XVIII вѣка написано: «Град Каѳа», «купцы», «ѳрясцыи». Подъ Мамаемъ: «на семъ мѣстѣ испроверже нечестивую душу».

М—нѣтъ.

$Р_1$ (см. LXXI) То же, но шатры фигурнѣй, украшены прапорами. Каѳинцы въ колпакахъ съ длинными волосами: лѣвый ударяетъ Мамая ножемъ, правый держитъ. Рисунокъ плохой.

83. Войско возвращается съ поля битвы.

Ув (л. 73 об.). Впереди ѣдутъ два князя въ вѣнцахъ, надъ ними знамя съ обычнымъ для Ув крестомъ. Сзади—Ольгердовичи въ шапкахъ, затѣмъ воины съ копьями.

М—нѣтъ.

P_1 (см. LXXI) Миніатюра плохой сохранности: войска почти не видно. Копій и знамени нѣтъ. Князья въ вѣнцахъ, съ ними Ольгердовичи и Волынецъ.

84. Въѣздъ войска въ Москву.

Ув (л. 74). Москва—съ шатровыми башнями, палатами, стѣнами. Въ воротахъ войско. Справа его встрѣчаютъ женщины. По лѣвую и по правую сторону—стѣны, ворота со спускающейся сережкой. Спереди—всадники въ шапкахъ.

М—это, какъ указано, первая миніатюра въ рукописи, благодаря перебитымъ листамъ. По композиціи весьма близка къ P_1.

P_1 (см. LXXIII). Городъ выраженъ рядомъ шатровыхъ верховъ, покоящихся на колонкахъ. Женщины слѣва, войско обращено въ правую сторону, впереди всадники въ шапкахъ. Войско наклонило копья при въѣздѣ въ ворота.

Мотивъ въѣзда въ городъ въ P_1 разбитъ на двѣ миніатюрѣ. Слѣдующая—LXXIV изображаетъ городъ болѣе реально: стѣна съ зубцами, налѣво ворота, направо—башня съ шатровымъ покрытіемъ и пушками въ амбразурахъ. Изъ-за стѣны видна невысокая одноглавая церковь: луковица на высокомъ тамбурѣ. Справа въ ворота въѣзжаютъ: князья (въ вѣнцахъ), Ольгердовичи и войско. Миніатюра изъ лучшихъ въ P_1.

Миніатюры Ув представляютъ копію болѣе древняго, утраченнаго пока, перевода. Древность замѣчается прежде всего—въ стремленіи оставить прежнюю расцвѣтку въ три кра, ски

особенно въ началѣ рукописи, гдѣ преобладаетъ старая зелень. Въ дальнѣйшемъ—примѣшиваются уже болѣе поздніе краски: яркая новая зелень, гуашь. Что касается рисунка, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ также замѣчается архаичность: въ позахъ фигуръ (иконописныя изображенія Сергія, Кипріана, князя Дмитрія, сидящаго на престолѣ), въ изображеніяхъ неба, воды (рядъ круговъ, расположенныхъ въ рядъ), солнца (въ углу миніатюры, съ исходящими лучами), въ сдержанной (по большей части) стилизаціи и сохраненіи старой травной орнаментировки (кусты въ миніатюрѣ; зловѣщія знаменія передъ битвой). Кромѣ того, древность оригинала видна въ стремленіи придать сценамъ реальный характеръ и въ сохраненіи древнихъ бытовыхъ подробностей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по общему характеру рисунка и раскраски Ув представляетъ несомнѣнное паденіе старой миніатюры. Это паденіе выражается:

1) Въ рисункѣ фигуръ. Послѣднія отличаются своею неправильностью и непропорціональностью. Если иногда замѣчается нѣкоторая индивидуальность въ очеркахъ лицъ (князья Дмитрій, Владимиръ, Ольгердовичи, Мамай, стражи), то она едва намѣчена. Контуры непослушны рукѣ художника, поражаютъ мѣстами грубостью линій (всѣ миніатюры, гдѣ изображена общая битва). Старый оригиналъ, однако, кое-гдѣ сказывается: при общемъ слабомъ рисункѣ, нѣкоторыя фигуры хороши по своей реальности (изображеніе нищихъ, просящихъ милостыню подъ теремомъ Евдокіи, сцена прихода посла отъ великаго князя къ Кипріану съ извѣщеніемъ о приходѣ Ольгердовичей, погоня татарскихъ передовыхъ постовъ за русской стражей, изображеніе великаго князя, дѣлающаго смотръ войску). Непониманіе рисунка (или небрежное къ нему отношеніе) выра-

жается еще тѣмъ, что складки одежды не передаютъ естественныхъ изгибовъ послѣдней, а набросаны кое-какъ. Хотя и здѣсь можно указать примѣры, гдѣ художникъ стоялъ близко къ оригиналу: изображеніе великаго князя, сидящаго на совѣтѣ, изображеніе Кипріана, благословляющаго выходящее русское войско, только что указанная сцена прихода пословъ отъ великаго князя къ Кипріану. Въ виду такого отношенія къ рисунку въ Ув, конечно, трудно искать движенія въ композиціяхъ: фигуры мертвы и деревянны; но и здѣсь снова чувствуется, что (къ сожалѣнію) утраченный оригиналъ былъ лишенъ этихъ недостатковъ: въ миніатюрахъ, изображающихъ погоню татаръ за русской стражей и единоборство Пересвѣта съ татарскимъ богатыремъ, движеніе передается.

2) Въ композиціи ландшафта. Растительность утратила прежнее разнообразіе и замѣнилась единственнымъ для Ув схематическимъ изображеніемъ дерева во всѣхъ миніатюрахъ, гдѣ долженъ фигурировать лѣсъ (стражи наблюдаютъ за татарами, засадный полкъ стоитъ въ дубравѣ, великій князь лежитъ раненый подъ деревомъ). Сучья, листва выражены наполовину реально, наполовину дерево превращено въ орнаментъ. Въ миніатюрѣ, изображающей птицъ, слетающихся на мѣсто будущаго побоища—деревья и кусты также орнаментированы, хотя въ Ув еще мало замѣтна стилизація, вполнѣ замѣняющая въ М и $Р_1$ творческую фантазію художника. Что касается изображенія горъ, то оно утратило характеръ прежней изломанной линіи и замѣнилось простой волнистой чертою (волки воютъ на мѣстѣ будущаго побоища).

3) Въ изображеніи архитектурныхъ зданій. Палатное письмо отдалилось отъ традиціи, приближающей его къ византійской миніатюрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не изображаетъ и фантасти-

ческихъ зданій, основанныхъ на произвольныхъ комбинаціяхъ. Палатное письмо Ув представляетъ копіи изображеній, взятыхъ изъ реальной дѣйствительности, и воспроизводитъ терема, стѣны, башни, ворота, храмы въ стилѣ XVI—XVII столѣтій. Покрытія теремовъ изображены въ формѣ шатровъ, бочекъ, двускатныхъ крышъ, луковицъ. Шатровые верхи башенъ напоминаютъ очень близко покрытія башенъ Кремля и Китай-города. Стѣны всюду зубчатыя, съ бойницами и воротами въ башняхъ. Что касается изображенія храмовъ, то они, большею частью, пятиглавые съ сводчатыми арками по фронтонамъ. Главы, на тамбурахъ, покоятся на четырехъ каменныхъ колоннахъ (миніатюры, изображающія Успенскій и Архангельскій соборы). Изрѣдка встрѣчаются покрытія одноглавыя, но думаю, что здѣсь не слѣдуетъ усматривать вліяніе суздальско-владимирской архитектуры (миніатюра на л. 19 об.), такъ какъ глава можетъ быть случайно единична. Старую, византійскую традицію можно видѣть, пожалуй, въ миніатюрѣ—приходъ великаго князя къ Троицѣ—въ изображеніи церкви, изъ которой выходитъ преп. Сергій (л. 13). Церковь—въ видѣ главы, покоющейся на длинныхъ колонкахъ, выточенныхъ въ видѣ бочекъ, съ отдернутымъ занавѣсомъ. Такія церкви часто можно видѣть въ иллюстраціяхъ толковаго Апокалипсиса, гдѣ онѣ восходятъ къ древнимъ оригиналамъ.

Что касается подробностей быта, то древнія черты въ нихъ болѣе или менѣе сохранены. Въ одеждѣ сохранены кафтаны, но упрощенный рисунокъ не даетъ возможности судить о нихъ подробно. Интереснѣе шаровары, засученные у воиновъ по колѣно—подробность, восходящая къ древности. Князья часто изображаются въ мантіи, застегнутой на лѣвомъ плечѣ пряжкой, въ родѣ корзна. Въ началѣ рукописи—на нихъ надѣты

шапки, въ видѣ мономаховой, замѣняющіяся впослѣдствіи исключительно вѣнцами. Что касается вооруженія, то и о немъ, въ виду указаннаго характера рисунка, судить трудно. Татары ничѣмъ не отличаются по оружію отъ русскихъ. Въ числѣ оружія преобладаютъ копья, сабли, пищали (у стражи), луковъ и стрѣлъ нѣтъ. Послѣднее обстоятельство заставляетъ и оригиналъ относить ко времени не ранѣе XVI вѣка: съ другой стороны онъ не могъ составиться и послѣ 1605 года, такъ какъ въ вооруженіи нѣтъ намека на аллебарды, оружіе, которое ввелъ Самозванецъ (см. напримѣръ картину — Коронованіе Марины Мнишекъ). Изображеніе доспѣховъ и щитовъ (круглые и квадратные) не типично, не даетъ ничего особеннаго и дѣлаетъ воиновъ вообще шаблонными. Шлемы остроконечные съ наплечниками также изображены схематично и воспроизводятъ весьма употребительные въ XVI—XVII вѣкахъ. Отмѣчу неожиданную западную струю, при отсутствіи подобной въ общемъ характерѣ миніатюръ—изображеніе русскаго всадника въ шлемѣ съ забраломъ (миніатюра на л. 43). Очень жаль, что соотвѣтствующая миніатюра въ P_1 утратила этого всадника: оторванъ кусокъ, а въ М—забрало не понято художникомъ. Я не могу усматривать въ общихъ изображеніяхъ боя подобія западнаго турнира (скрещенныя копья) потому, что картина единоборства, болѣе близкая по мотиву къ турниру, далека отъ подобнаго изображенія: Пересвѣтъ съ копьемъ, а татарскій богатырь съ ножемъ ($=P_1$).

Таковъ общій характеръ миніатюръ Ув. Сохраняя мѣстами черты своего оригинала, онѣ въ остальномъ упрощаютъ и рисунокъ (и, можетъ быть, композицію), причемъ видно, что художникъ не могъ справиться съ оригиналомъ не отъ неумѣнья, а, главное, отъ нежеланія воспроизводить его точно.

Такъ обыкновенно копировали художники петровскаго времени, см., напримѣръ, копію съ миніатюръ Кенигсбергской лѣтописи. Рукопись Ув, по времени, близка къ петровской эпохѣ, а по характеру иллюстрацій—несомнѣнно принадлежитъ именно этой, если можно такъ выразиться, школѣ декадентовъ. Гдѣ художникъ близокъ къ оригиналу, тамъ являются и реальность, и извѣстная красота линій; но подобныя отступленія не часты: иллюстраторъ часто не додѣлываетъ миніатюры, у него фигуры висятъ въ воздухѣ, лица не раскрашиваются. Особенно онъ слабъ тамъ, гдѣ композиція сложна, и оригиналъ представлялъ цѣлыя сцены (смотръ войскамъ, приходъ Ольгердовичей на помощь великому князю, картины общей битвы, поѣздки по побоищу). Лучше художнику удаются тѣ мотивы, гдѣ преобладаютъ геометрическія линіи (изображеніе церквей, зданій). Чтобы нагляднѣе представить, насколько старая миніатюра пала подъ перомъ нашего художника, я предлагаю сравнить изображеніе боя въ рукописи средины XVI вѣка Московскаго Историческаго Музея (воспроизведено въ Археологическихъ Извѣстіяхъ и замѣткахъ 1897, № 4 В. Н. Щепкинымъ) съ изображеніемъ боя въ разбираемой рукописи: тамъ цѣлая картина, здѣсь схематическій намекъ, долженствующій быть дополненнымъ единственно фантазіей зрителей.

Слѣдующія рукописи М и P_1 по миніатюрамъ стоятъ въ близкой связи между собою и къ Ув относятся, какъ къ своему оригиналу. Нѣкоторыхъ миніатюръ Ув нѣтъ въ P_1 и особенно, какъ я говорилъ, въ М, но тѣ, что находятся во всѣхъ трехъ по композиціи весьма сходны и отличаются только выполненіемъ. Съ другой стороны, миніатюры P_1 и М, не находящія соотвѣтствія въ Ув, могутъ быть объяснены только утратой

листковъ въ томъ оригиналѣ, съ котораго переводился Ув[1]). Что же касается отличія пошиба М отъ P_1, то послѣдній является упрощеніемъ вычурности и сложности перваго и еще большей уродливостью контуровъ (хотя и въ М рисунокъ весьма неваженъ).

Въ исторіи текстовъ обычнымъ явленіемъ считается то обстоятельство, что болѣе поздніе измѣняютъ протографъ: (1) сокращеніемъ основного текста; (2) вставкою новыхъ риторическихъ дополненій и (3) стремленіемъ объяснить непонятныя мѣста оригинала. Совершенно ту же аналогію можно установить и для исторіи болѣе позднихъ переводовъ: тѣ же характерныя измѣненія замѣчаются въ композиціяхъ и рисункѣ М и P_1 по отношенію къ болѣе древнему переводу Ув.

1) Текстуальныя сокращенія тождественны въ данномъ случаѣ съ упрощеніемъ композиціи рисунка: у дѣйствующихъ лицъ во всѣхъ миніатюрахъ — полное отсутствіе движенія (смотръ войска великимъ княземъ, переправа черезъ рѣки, общая картина боя, погоня за побѣжденными, поѣздка по побоищу, картина единоборства и пр.), отчего всѣ фигуры черезъ-чуръ деревянны, безжизненны (ср. — Евдокія подаетъ хлѣбъ нищимъ: въ Ув она дѣйствительно протягиваетъ имъ кусокъ хлѣба, P_1 (XXVIII) — княгиня стоитъ съ безсмысленно протянутыми руками). Въ архитектурныхъ мотивахъ — М и P_1, сохраняя иногда черты оригинала, стараются послѣдній выразить проще:

---

[1]) Впрочемъ нѣкоторыя миніатюры P_1 (Переправа черезъ Оку — XXII. Третья стража въ Плѣсѣ — XXXV. Посолъ великаго князя сообщаетъ Кипріану о приходѣ Олга рязанскаго — XXVII), которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ въ М, представляются какъ бы самостоятельными композиціями художника, только пользовавшагося матеріаломъ Ув., но онѣ выполнены по пріемамъ, характернымъ для всего пошиба P_1.

зубчатая стѣна Ув (въ миніатюрѣ, изображающей приходъ князей и воеводъ къ Дмитрію,) замѣнена въ М и P_1—гладкой стѣною, безъ зубцовъ и бойницъ; разработанная церковь Ув (Кипріанъ благословляетъ князей въ городскихъ воротахъ) — слабо намѣчена въ P_1 (XIV). Вообще М и P_1, развивая, какъ будетъ указано ниже, самостоятельно архитектурные мотивы, тѣмъ не менѣе часто какъ бы не дорисовываютъ того, что находится въ оригиналѣ. Наконецъ—отсутствіе типичности лицъ (и въ Ув мало замѣтны) въ М и P_1 можетъ быть объяснено только упрощеніемъ рисунка, схематично намѣчавшаго лишь элементарныя линіи.

2) Вставка новыхъ риторическихъ добавленій въ текстѣ замѣнена въ разбираемыхъ миніатюрахъ вычурностью композиціи, прибавляющей, напримѣръ, постоянно бóльшее количество лицъ въ свиту великаго князя; въ миніатюрахъ, изображающихъ переправу черезъ рѣки (Москву, Оку, Донъ), количество лодокъ—бóльшее, чѣмъ въ Ув (въ М бóльше, чѣмъ въ P_1). Тамъ, гдѣ должно изображаться войско, число воиновъ всегда значительное. Войско постоянно сопровождается или значкомъ (въ видѣ треугольнаго флага), или стягомъ (съ изображеніемъ Нерукотворнаго Спаса — М и P_1, или двуглаваго орла — P_1 (м. XXXIX, XL). Въ Ув — значковъ почти нѣтъ, стягъ—рѣдокъ, и на немъ изображенъ единственно крестъ съ тростью и копіемъ. Какъ бы слабо ни были нарисованы детали, онѣ всегда пріукрашены: на платьяхъ князей — родъ ожерелья или бармъ, копья изображаются фигурными, трубы расписными, лодки съ конскими головами на носу и кормѣ, шлемы съ прапорами, престолъ князей съ рѣзьбою. Вычурность и затѣйливость особенно замѣтна въ архитектурныхъ мотивахъ, которые P_1 и особенно М всегда развиваютъ по

своему: покрытіе шатра весьма часто варьируется цѣлой системой бочечныхъ, шатровыхъ, луковичныхъ крышъ, соединенныхъ между собою переходами, а въ М иногда верхъ миніатюры превращается въ изображеніе цѣлаго города, съ теремами, церквами и стѣнами; ворота большею частью изображаются не въ видѣ простого свода, а рисуется сводъ съ спускающейся сережкой; надъ шатрами (особенно любимый мотивъ М) всегда укрѣпленъ прапоръ, отчего эти шатры имѣютъ, какъ я отмѣчалъ, весьма большое сходство съ башнями Кремля и Китая-города. Что касается внутренняго убранства палатъ, то М и P_1 постоянно изображаютъ косящатыя окна, P_1 (III, XVI) расписываетъ даже ихъ по обычаю XVI—XVII вѣка—всей «красотой поднебесною»—луной и солнцемъ: я отмѣтилъ уже рѣзныя кресла, прибавлю свѣчи въ подсвѣчникахъ передъ иконами, подножія передъ ними и передъ трономъ, подушки, ложа. Все это—слабо по рисунку, по витіевато.

Къ вычурности слѣдуетъ отнести еще стилизацію рисунка, являющуюся отличительной особенностью М и P_1. Художники замѣнили этой стилизаціей свое неумѣніе или нежеланіе сохранять старую композицію или контуры. Фигуры постоянно расположены симметрично (засѣданіе въ совѣтѣ, переходъ черезъ Донъ; головы воиновъ въ картинахъ, изображающихъ войско; рядъ труповъ, побитыхъ «объ-ōнполъ» Непрядвы и на Куликовомъ полѣ; обращу вниманіе еще на LXII, LXIII и LXIV миніатюры P_1, представляющія исключительно стилизацію мотивовъ Ув); деревья, кусты, птицы въ соотвѣтствующихъ миніатюрахъ окончательно превращены въ орнаменты, весьма отдаленнаго сходства съ натурой; волки, пришедшіе на мѣсто побоища, расположены также въ видѣ орнамента (особенно въ М).

Увлекшись стилизаціей, художники совершенно отказались отъ перспективы и сложныя сцены скомбинировали въ разныхъ плоскостяхъ (войска сходятся послѣ боя подъ знамена). Миніатюры P_1 по вычурности и манерности нѣсколько проще М, но отнюдь не приближаются къ сравнительной простотѣ Ув.

3) Какъ въ текстахъ, такъ и въ миніатюрахъ, замѣчается стремленіе объяснять мѣста непонятныя. Причина этому лежитъ въ томъ, что тотъ, кто дѣлалъ списокъ или переводъ, часто, дѣйствительно не понималъ оригинала. Примѣры непониманія видны и здѣсь, на переводахъ М и P_1: вмѣсто рѣшетки вокругъ гробницы Петра изображена стѣна съ башнями; на татарскихъ знаменахъ наставлены кресты (въ М); не понята фигура Дмитрія Волынца (Ольгердовичи пріѣзжаютъ къ русскому войску—P_1, XXVI), не понята поза его же, слушающаго примѣту (М и P_1, XLII), не понято, наконецъ, въ М забрало (въ Ув на передовомъ всадникѣ русской рати). Примѣры объясненія М и P_1 не идутъ дальше болѣе опредѣленныхъ очертаній и безъ того понятныхъ предметовъ: ложе великаго князя въ М; гробницы, передъ которыми молится Дмитрій, въ P_1; или же подчеркиванія той или иной черты быта: полосатая мантія митрополита Кипріана (М и P_1), свѣчи передъ образомъ Спаса и Богоматери, соборная утварь (паникадила). Къ объясненіямъ, думаю, надо отнести еще—вѣнчикъ вокругъ лика Сергія (нѣтъ въ Ув) и инціалы имени Іисусъ Христосъ на вѣнчикѣ Спаса (нѣтъ въ Ув).

По характеру своему миніатюры М и P_1 представляютъ, слѣдовательно, болѣе поздній переводъ сравнительно съ Ув. Если послѣдняя рукопись по миніатюрамъ представляетъ уже извѣстное паденіе, то миніатюры М и P_1 являются продолженіемъ подобнаго пошиба, который вообще можно охарактери-

зовать—паденіемъ стараго рисунка, раскраски и композиціи. Это—не лубки, но манера письма лубочна. Художники, писавшіе разобранныя миніатюры, нельзя сказать, чтобы не умѣли рисовать, но работа ихъ выполнена на-спѣхъ, небрежно: старый оригиналъ ими упрощался и стилизовался. Такихъ миніатюръ можно было наготовить сколько угодно. Я говорилъ, что популярность Сказанія выносила послѣднее на рынокъ: для продажи могли готовиться и иллюстрированные экземпляры (замѣчу, что Ув. М и P_1—тетрадки, гдѣ—только одно Сказаніе), а за качествомъ текста и рисунка смотрѣть было некогда. Очень жаль поэтому, что утраченъ оригиналъ Ув, М и P_1, несомнѣнно болѣе древній и по письму—лучшій: тогда имѣлась бы возможность познакомиться съ художественной иллюстраціей Сказанія. Что такія иллюстрированныя тексты были, доказывается тѣмъ еще, что сборникъ Тверского Музея № 3146 (4 редакція Сказанія) списанъ съ оригинала, имѣвшаго миніатюры.

Если же Сказаніе готовилось не на продажу, а списывалось и иллюстрировалось для себя, то рисунокъ былъ аккуратнѣе, а композиція могла быть взятой съ миніатюръ временъ упадка. Такого именно характера миніатюры рукописи P_2: Сказаніе, соединенное въ ней съ лицевой Александріей, врядъ-ли было книжнымъ товаромъ, поэтому рисунокъ въ этой рукописи детальный, не небрежный, хотя и поздняго пошиба. Очевидно только, что художникъ пользовался оригиналомъ, подобнымъ М или P_1: разработаны орнаментально верхи палатъ, окна, внутренности покоевъ, князья—въ вѣнцахъ, одежда ихъ вырисована подробно, на знаменахъ — Спасъ Нерукотворный, митрополитъ въ полосатой мантіи, церкви разработаны архитектурно (пятиглавыя, крытыя по фронтонамъ). Внимательное

отношеніе къ рисунку удержало художника отъ стилизаціи: съ особенной любовью рисовалъ онъ боевыя сцены, но вообще художественнаго значенія эти миніатюры не имѣютъ. Я перечислю ихъ, такъ какъ при каждой миніатюрѣ есть ея киноварный заголовокъ:

1. Безъ заголовка, передъ началомъ Сказанія: Князья Дмитрій и Владимиръ на престолѣ, Дмитрій съ жезломъ. Вокругъ подобострастно толпятся бояре. Верхъ — орнаменталенъ.

2. Безъ заголовка: Молитва Дмитрія, узнавшаго о возстаніи Мамая. Налѣво – образъ Спаса, подъ нимъ столъ, на которомъ лежитъ снятый великимъ княземъ вѣнецъ. Направо — колѣнопреклоненный Дмитрій молится. Въ центрѣ — окно, сзади Дмитрія — дверь. Палата поддерживается съ боковъ двумя перевитыми колоннами. Одежда Дмитрія — царская.

3. Начинаются киноварные заголовки: Пріидоша к великому князю Дмитрею Івановичю белозерские князи подобни суще боеви.

4. Преподобный Єргиі окропи святою водою великого князя Дмитрея Івановича и брата его князя Володимера Андрѣевича і все христолюбивое войско его.

5. Князь Дмитрей Івановичь пріиде к митрополиту Киприяну з братом своим и со всѣми князми рускими.

6. Князь великиі Дмитрѣй Івановичь з братом своим Володимером молятся в церкви образу Господню.

7. Князь великиі Дмитрѣй Івановичь з братомъ своимъ князем Володимером Андрѣевичемъ молятся и припадають ко гробу чюдотворца Петра.

8. Архиепископъ благослови великого князя Дмитрея Ивановича а брата его князя Володимера Андрѣевича.

9. Князь великиі Дмитрѣі Іванович и братъ его князь

Володимер Андрѣевичьі все войско отдают своим женам конечное целованіе.

10. Князь великиі Дмитрѣі Івановичь з братом своимъ княземъ Володимеромъ Андрѣевичем і со всѣми князьми рускими противу бѣзбожнаго Мамая поѣхаша.

11. Великая княгини Евдокѣя и княгини Володимерова зрять на великих князей с терема златоверхаго.

12. Князь великиі Дмитрѣі Івановичь з братомъ своим княземъ Володимером и со всѣми с вои Москву реку возится.

13. Епископъ коломенский срѣте великого князя Дмитрѣя Івановича і брата его князя Володимера в вратех градных і осѣни его крестомъ.

14. Великаго князя Дмитрея Івановича стязи ревут.

15. Князь великиі Дмитреі Івановичь с братом своимъ княземъ Володимеромъ Оку рѣку возится і с своим войскомъ.

16. Князь Андрѣй і князь Дмитрей Ольгердовичи наехаша великого князя Дмитърея и брата его князя Володимера і ту совокупишася.

17. К великому князю Дмитрею Івановичю приведоша языкъ нарочит от сановитых царева двора.

18. Князь великиі Дмитрей Ивановичь з братомъ своим княземъ Володимером и с войском Донъ рѣку возится.

19. Мнози волцы приідоша на мѣсто то выюще непрестанно по вся нощи.

20. Слетѣшася орли і врани і галицы на мѣсто неумолкоша іграюще.

21. Побѣже Меликъ з дружиною своею за ними же гонишишася (sic!) татарове.

22. Князь великиі Дмитрей Іванович з братом своим кня-

зем Володимером взыдоша на высоко мѣсто зряще на войску сьвою дивляшеся.

23. Князь Дмитрей Ивановичь сшедъ с коня и паде на колѣну прямо чермному полку і нача молитися.

24. Волыпецъ сшедъ с коня і паде на земли і на долгъ час лежа і абие воста.

25. Князь великиі Дмитрей Івановичъ выедѣ самъ ис полку богатыри же рустиі оудержаша его.

25. (Нѣтъ начала, изображено русское войско)... тавшимася обѣма войскома.

27. Сразившимася Пересвѣту с печенѣгомъ и едва под ними мѣсто не подломися.

28. Сразившимася обѣма войскома.

29. Князь Володимеръ Андрѣевичь скры в лузѣ с своими вои.

30. Ставшимася обѣма войскома и начаша сѣщися и некиі облак ізыде багрян ісполнен рукъ человѣческъ каяждо рука венец держаше.

31. Феодоръ и Григорей Костромичи наехаша великого князя Дмитрея Івановича под сеченым древомъ березовым бита велми отдыхающа.

32. Князь великиі Дмитрей Івановичъ з братомъ своимъ князем Володимером Андреевичемъ поидоша к Москвѣ и повелѣ всѣм Донъ реку возитися.

Изъ этихъ киноварныхъ приписокъ видно, какіе сюжеты интересовали художника. Миніатюръ значительно меньше, чѣмъ въ предыдущихъ рукописяхъ, но художникъ старался самостоятельно отнестись къ композиціи, варьируя ее, перемѣняя и дополняя по собственному усмотрѣнію. Процессъ перемѣны напоминаетъ такой же въ лубочныхъ картинахъ, трактующихъ тотъ же сюжетъ—Мамаево побоище.

(сцена единоборства). Краски очень яркія, и золото наложено весьма тщательно.

Отношеніе, въ которомъ стоитъ разбираемая картина къ лубку XVIII вѣка, помогаетъ уяснить и отношеніе P_2 къ предыдущимъ рукописямъ. И здѣсь художникъ пользовался оригиналомъ, болѣе грубымъ, по его мнѣнію, и стремился исправить его какъ по рисунку, такъ и по раскраскѣ. Раскраска P_2 также исполнена тщательно, но краски тусклы: онѣ совершенно утратили яркость болѣе древняго перевода Ув.

Таковы лицевыя изображенія Мамаева побоища. Ихъ дошло немного, потому, должно быть, что помѣщенныя въ отдѣльныхъ тетрадкахъ онѣ легче терялись или подвергались уничтоженію. Въ XVII—XVIII вѣкахъ редакцію Сказанія вытѣснялъ Синопсисъ, главнымъ образомъ потому, что онъ былъ печатный. Синопсисъ же, соединившись съ печатными картинами, изображающими Куликовскую битву, несомнѣнно, долженъ былъ вытѣснить и лицевыя рукописи — еще причина, почему такихъ лицевыхъ списковъ дошло немного. Замѣчательно, что иллюстраціи Мамаева побоища переживали ту же эволюцію, какъ и тексты: дополняя популярную редакцію Сказанія, и безъ того украшенную поэтическими вставками изъ Повѣданія, онѣ быстро переходятъ въ лубокъ вмѣстѣ съ лубочной обработкой повѣсти въ Синопсисѣ, и послѣдняя комбинація вытѣснила совсѣмъ предыдущія редакціи Сказанія.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить глубокую благодарность за совѣты и указанія В. А. Городцову, А. В. Орѣшникову и особенно В. Н. Щепкину, помогавшимъ мнѣ въ разборѣ лицевыхъ изображеній.

С. Шамбинаго.

л. 2. I.

И рече ємꙋ, вѣсили, ѿче, нашъ, настоꙗщꙋю
синю, бѣдꙋ, ꙗко, бебожны. црь, дамаскиде

Посла же, на сторожу, избранныя, юноши, родиона
ржевскаго, андреа, волосатаго, васильа

оусердіемъ· языка· добыти· дабы істи
нну слышати· црева хотѣния·

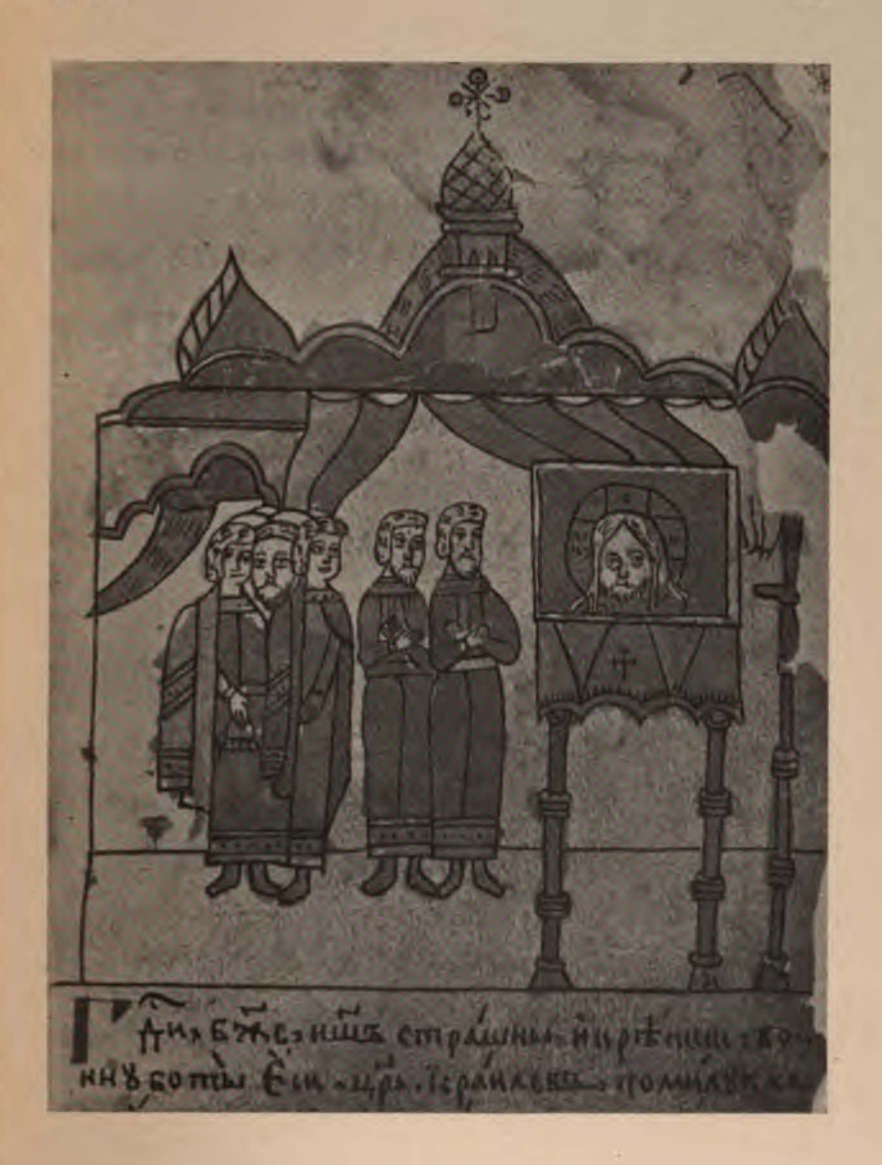

Прійдошаже ко кн҃зю Дімитрію кн҃зи
лоезерскіа кн҃зь Феодоръ Семенови

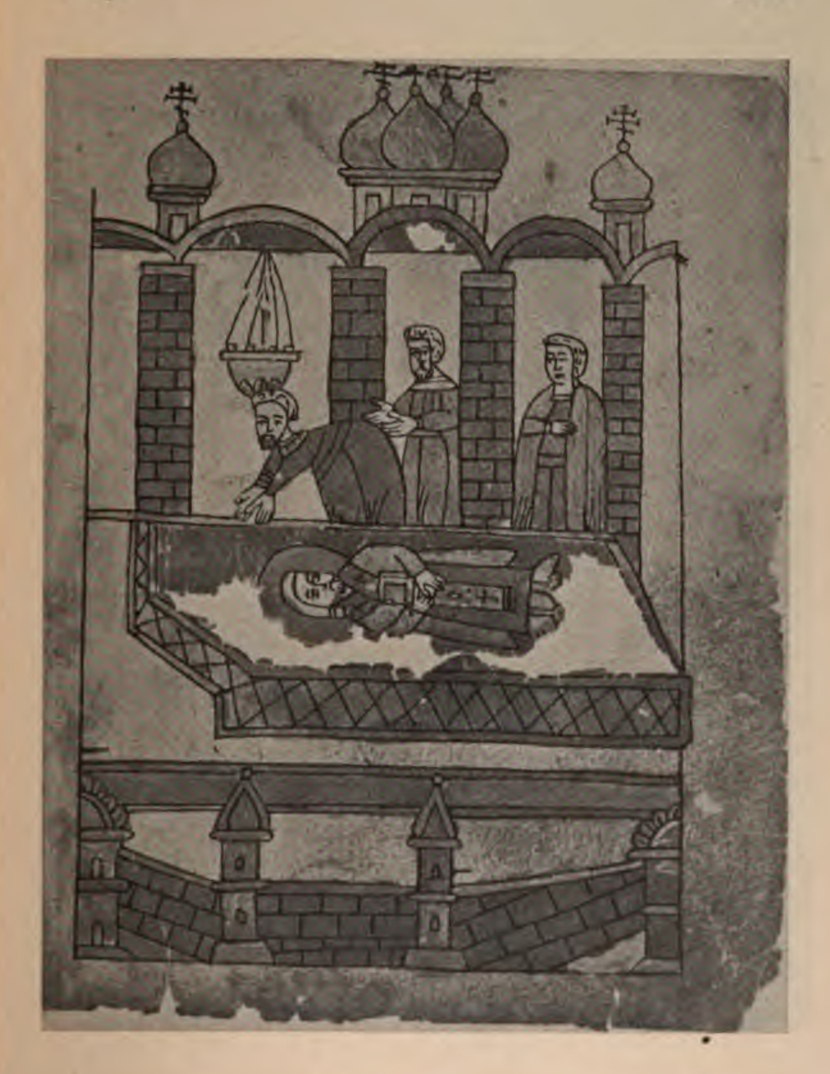

оли его препбный давы слушамъ велиікі
кнзь · стыѧ литоргиі · пріспѣже · то
ень · воскресениѧ хртва · на памать

сити новминѹвшихъ, лѣтехъ
енымъ
тѹтся
рпбный
сергиа
крстъ
нарк
га
бгъ
мощни
изастѹ
пни

му старцу
и поидоша
имъ вмѣсто
оружіе нетлѣнное

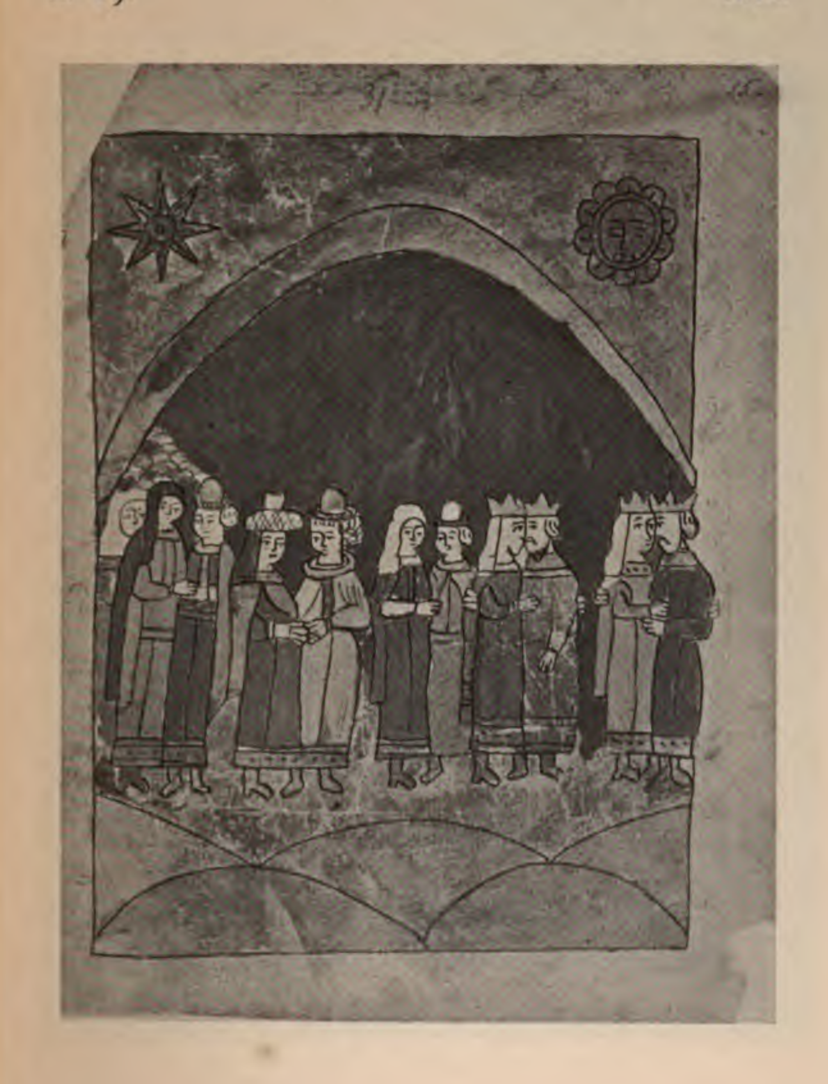

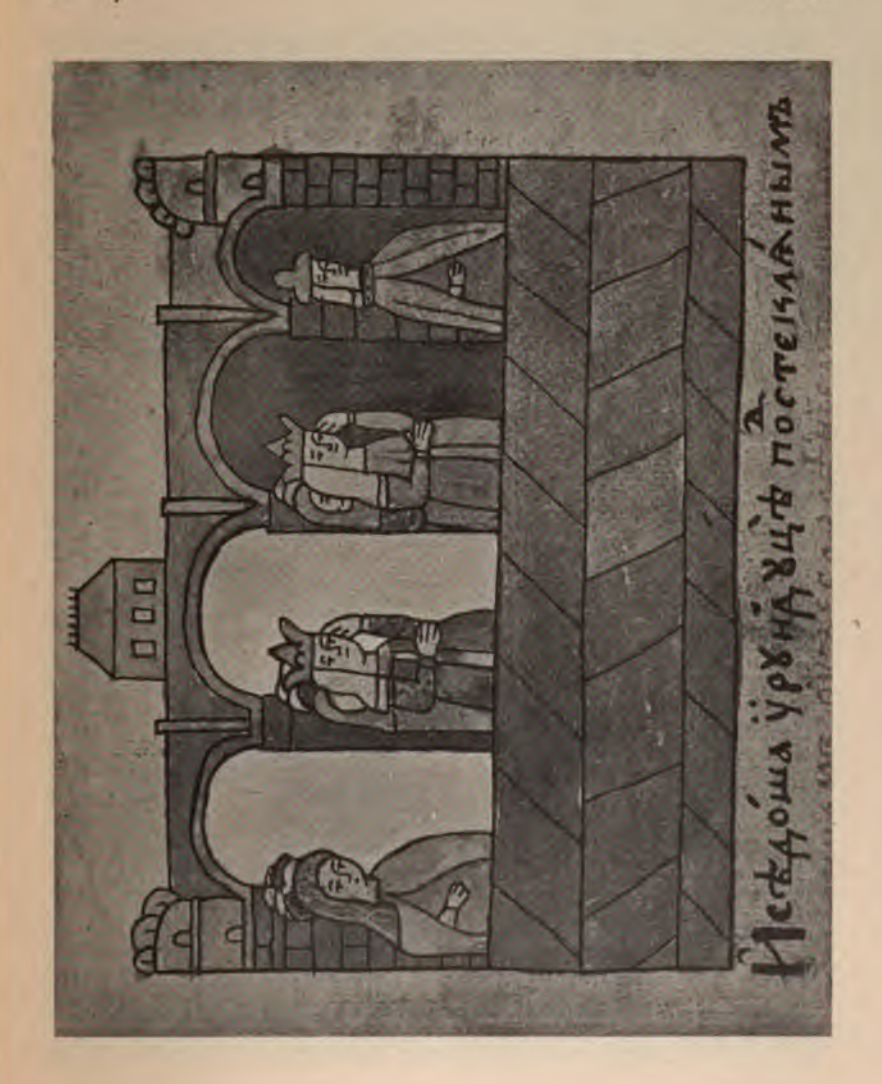

воинъ благослове
Кнзьже великїй Димитрїй Ивановичь

рина, тутже быша мнози, воеводы, іра
ницы, срѣтошл его, на рѣцѣ, на верстѣ

градныхъ · з живоносными крты · и с
ромъ · и ожнии его · чтнымъ · крстом

Кнзь великии оурядив полки повелѣ
воем реку возитись всему воиску
своему да и сам возится;
И заповѣда коемуждо полку аще кто из

Петра горкаго карпа алексина
рикова иныхъ многихъ

насѣ стоудно помалѣхъ днехъ сни
дошася два брата совсѣми сво
ими силами с севѣре

Твори · оубогимъ :

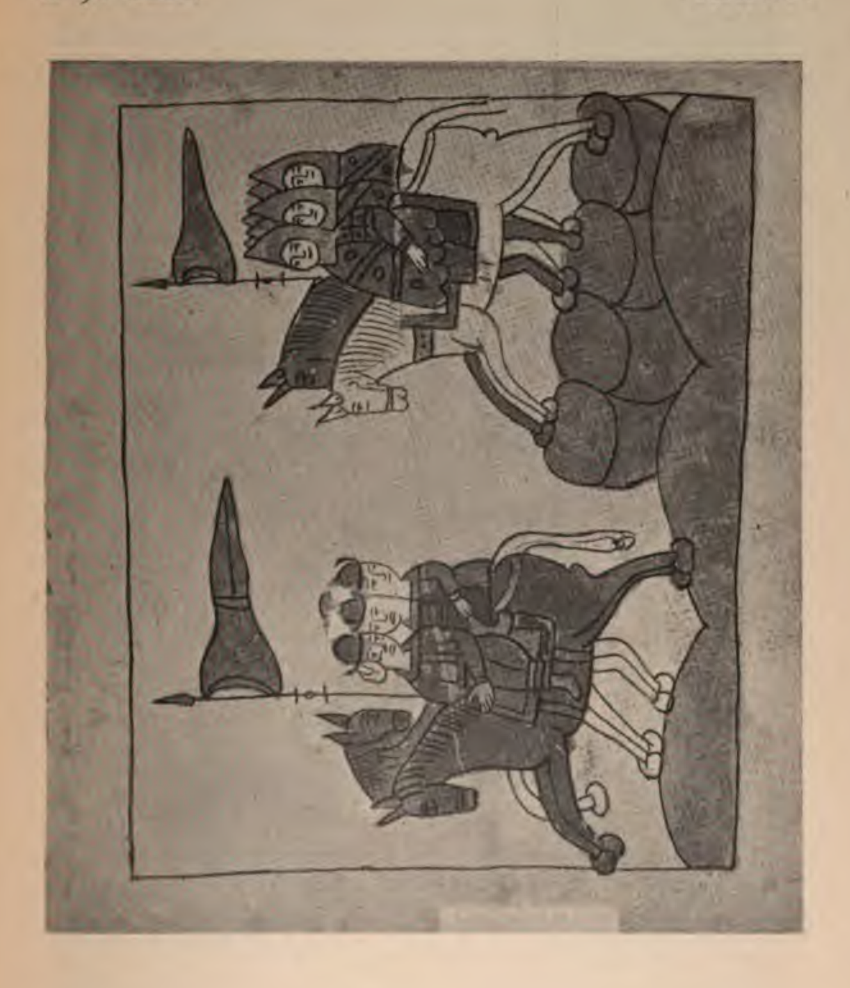

Думати збратомъ своимъ кнзе
володимеромъ йслитовскими
кнзи: здѣли: пребудемъ. й
ли н донъ: перевеземъ
ся:

сїꙋ до́нъ рѣкꙋ возӥтисѧ.

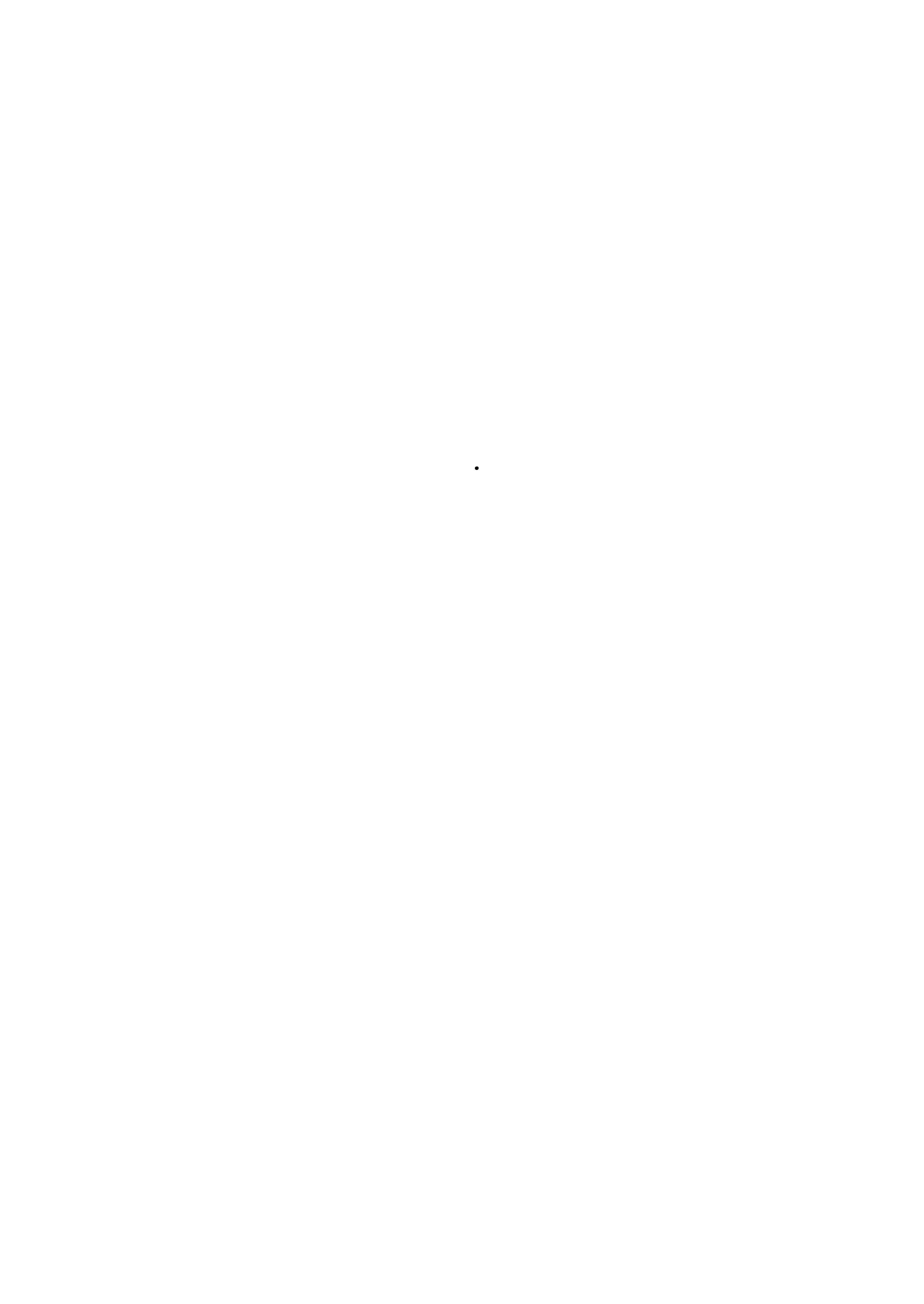

нарочи бысть полковод
велми оучредиша полцы и поставиш
ко где подобаетъ кому стоят

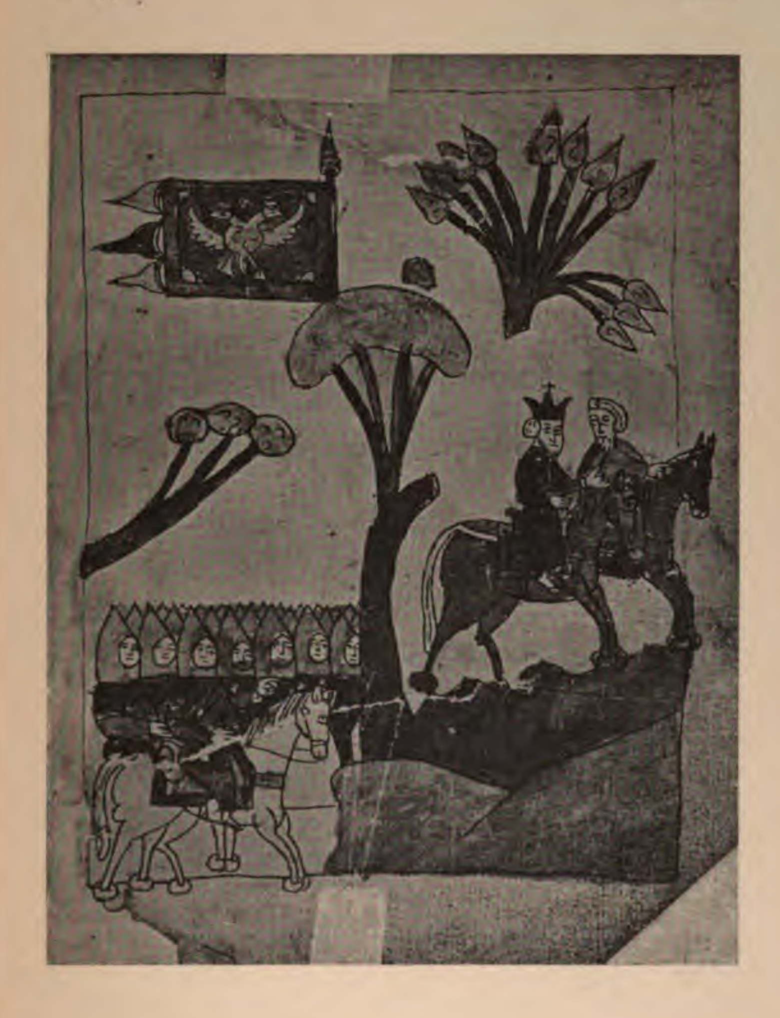

своего кнзя володимира кверхъ подону
вдуброву яко да оутаився полку его

Созади же ихъ волцы воюще велми

помози рабꙋ своемꙋ и съѣхашасѧ
и оударишасѧ крѣпко єдва мѣсто п
ними не проторжесѧ.

главы хртианіскиа сотрошася

л. 47 обор. LII.

кнзь володимиръ

Стадо пришѣдше:

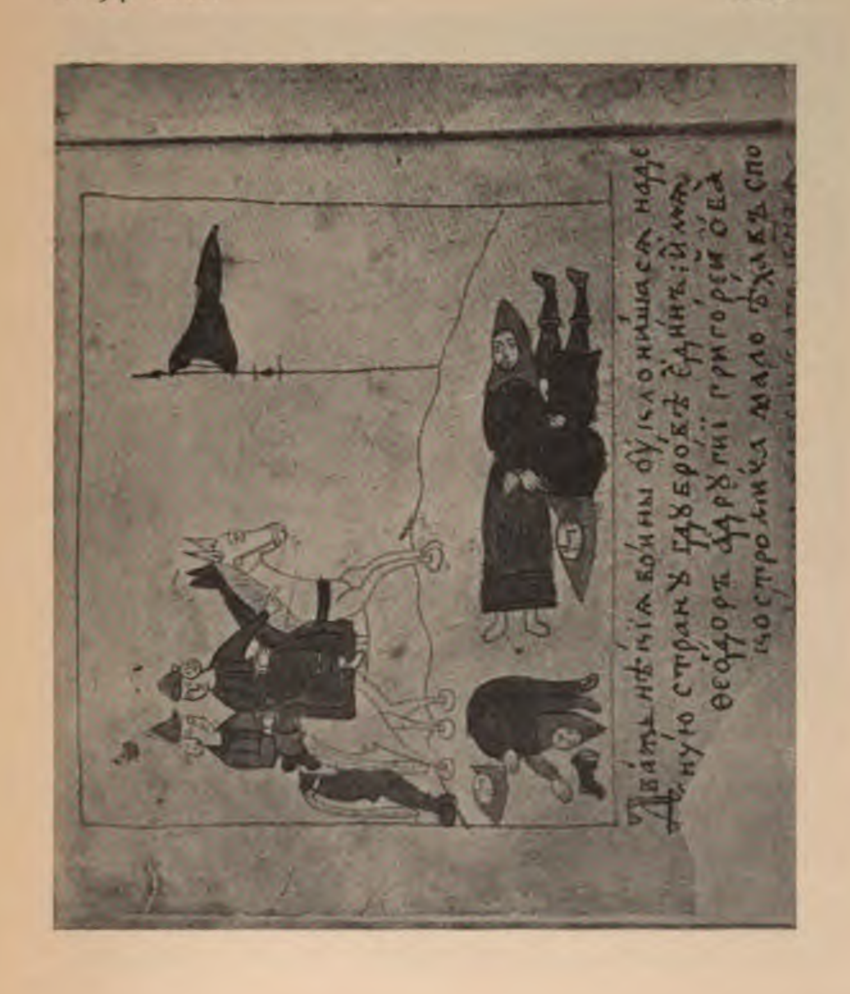

чаати носвои головы
оупасемъ; і абіе по
бѣжа стремамъ

мертвых обонъ полъ рѣкі
непрадвыи: яко вѣбо не
проходно быти толко
мъ: рускимъ

Савуръже скоро возкратися
кн҃зю во
и мир у ан

Въ новый алеξандръ новымъ побѣдителю
враговъ єна побѣды тебѣ честь довлѣ
етъ

л. 56. LXIV.

и поѣхаша по побоищꙋ и видѣша воинства
своего много побиено поганыхъ четвери
цею множайше иха и обратився к Волынцꙋ
и рече воистинꙋ Димитрие неложны твои
примѣты

114

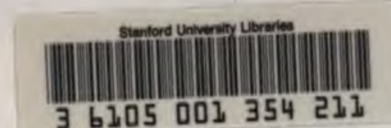

83 I 35ST2 53 005 BA 6098

Stanford University Libraries
3 6105 001 354 211

DATE DUE

